СБОРНИКЪ,

изданный

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Новороссійскимъ

Университетомъ

ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ"
1909.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

НОВОРОССІЙСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ

ПО СЛУЧАЮ

столѣтія со дня рожденія

Н. В. ГОГОЛЯ.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ".
1909.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *С. В. Левашевъ*.

31 августа 1908 г. въ историко-филологическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета былъ внесенъ рапортъ профессора В. Н. Мочульскаго (съ подписями присоединившихся къ нему профессоровъ М. Г. Попруженко и Б. М. Ляпунова) слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь сообщить факультету, что 20 марта 1909 года исполнится 100-лѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя. Въ виду того, что въ этотъ день предполагается всероссійское чествованіе Н. В. Гоголя, я, какъ представитель каѳедры русской словесности, вхожу съ предложеніемъ въ факультетъ— избрать комиссію для выработки программы предстоящаго торжества". Заслушавъ этотъ рапортъ, историко-филологическій факультетъ въ засѣданіи своемъ 1 сентября 1908 года постановилъ внести въ Совѣтъ университета предложеніе объ устройствѣ юбилейнаго торжества въ честь Гоголя.

Совѣтъ означенное предложеніе разсмотрѣлъ 23 сентября 1908 года и опредѣлилъ для выработки программы гоголевскаго торжества избрать комиссію изъ 6 членовъ: отъ историко-филологическаго факультета — 3 члена, а отъ другихъ факультетовъ по одному.

Въ составъ этой комиссіи по избранію вошли—профессора В. М. Мочульскій, М. Г. Попруженко и приватъ-доцентъ В. Ѳ. Лазурскій (отъ историко-филологическаго факультета), проф. В. Н. Ренненкампфъ (отъ юридическаго факультета), проф. И. И. Кіяницынъ (отъ медицинскаго факультета) и Г. И. Танфильевъ (отъ физико-математическаго факультета).

Комиссія эта (предсѣдателемъ ея былъ избранъ профессоръ М. Г. Попруженко, а секретаремъ приватъ-доцентъ В. Ф. Лазурскій) въ цѣляхъ привлеченія возможно большаго числа участниковъ въ обсужденіи порядка гоголевскаго

торжества, обратилась къ Городскому управленію, къ Императорскому Одесскому Обществу исторіи и древностей, къ Высшимъ Женскимъ курсамъ и къ Историко-филологическому обществу при университетѣ о командированіи въ нее своихъ представителей. Означенныя учрежденія приняли сдѣланное предложеніе и уполномочили принять участіе въ работахъ комиссіи слѣдующихъ лицъ: гласнаго проф. А. В. Корша—отъ Городского управленія, А. В. Лонгинова — отъ Общества исторіи и древностей, пр.-доц. С. Г. Вилинскаго —отъ Женскихъ курсовъ, проф. А. П. Доброклонскаго—отъ Ист.-филолог. общества и А. П. Флерова—отъ Педагогическаго отдѣла при этомъ Обществѣ.

На состоявшихся засѣданіяхъ этой соединенной комиссіи было рѣшено: 1) 20 марта 1909 г., въ день рожденія Н. В. Гоголя, въ университетской церкви будетъ отслужена торжественная панихида, къ участію въ которой настоятель церкви проф. прот. А. М. Клитинъ приглашаетъ архіерея и другихъ духовныхъ лицъ. Послѣ панихиды въ 1 часъ дня въ актовомъ залѣ состоится торжественное и публичное засѣданіе Совѣта университета, открываемое г. Ректоромъ. Въ засѣданіи произносятся слѣдующія рѣчи: а) проф. В. Н. Мочульскимъ (отъ университета) — „Что завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ“; б) пр.-доц. В. Ѳ. Лазурскимъ (отъ Высшихъ Женскихъ курсовъ)—„Великій меланхоликъ“ и в) пр.-доц. С. Г. Вилинскимъ (отъ Историко-филологическаго общества)—„Гоголь въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія“.

На время засѣданія желательно помѣстить въ залѣ бюстъ Гоголя, декорированный зеленью.

Приглашенія на торжественное засѣданіе въ университетѣ разсылаются представителямъ духовенства, администраціи, учебнаго вѣдомства, военнаго вѣдомства, городского управленія, судебнаго вѣдомства, консуламъ и др.; 2) Членами Педагогическаго отдѣла Историко-филологическаго общества въ теченіе февраля и марта для учащихся среднихъ учебныхъ заведеній читаются безплатныя лекціи о Гоголѣ, сопровождаемыя чтеніемъ отрывковъ изъ его произведеній и туманными картинами; 22-го марта Историко-филологиче-

ское общество устраиваетъ торжественное засѣданіе съ произнесеніемъ рѣчей *).

3) Означенныя лекціи для среднихъ учебныхъ заведеній устраиваются по программамъ, выработаннымъ Истор.-филологическимъ обществомъ и Педагогическимъ отдѣломъ при немъ, подъ руководствомъ и за отвѣтственностью уполномоченныхъ ими лицъ.

4) Рѣчи, произнесенныя 20 марта въ торжественномъ засѣданіи университета и 22 марта въ торжественномъ засѣданіи Истор.-филолог. общества, печатаются въ видѣ особаго сборника. Редактированіе этого сборника возложено на профессоровъ А. П. Доброклонскаго, М. Г. Попруженко, В. Ѳ. Лазурскаго и С. Г. Вилинскаго.

Согласно этимъ, утвержденнымъ Совѣтомъ университа, постановленіямъ комиссіи — и состоялось чествованіе юбилея Гоголя.

Началось оно организованными Педагогическимъ отдѣломъ Историко-филологическаго общества при Имп. Новор. университетѣ лекціями.

Лекцій этихъ было четыре; онѣ читались въ большой физической аудиторіи университета: 22 февраля читалъ д. ч. отдѣла Н. А. Редько на тему — „Гоголевскій смѣхъ“, 1-го марта читалъ д. чл. отдѣла А. Д. Щербина на тему—„Н. В. Гоголь и герои его великихъ твореній“, 8-го марта читалъ д. чл. отдѣла Г. П. Бѣльченко на тему—„Душевная драма Гоголя“ и 15 марта читалъ д. чл. отдѣла В. Ѳ. Чемена на тему—„Гоголь, какъ національный поэтъ“. Каждая изъ указанныхъ лекцій сопровождалась:

1) Тѣневыми картинами, постановкой которыхъ завѣдывали В. А. Жуковскій и В. О. Керлеръ; объясненія къ картинамъ давали Н. А. Редько и В. Ѳ. Чемена;

2) Чтеніемъ отрывковъ изъ сочиненій Гоголя (читали: А. Ѳ. Мальцевъ и М. И. Тимофеевъ).

---

*) Комиссія возбудила ходатайство передъ Правленіемъ университета о предоставленіи большой физической аудиторіи для названныхъ лекцій и засѣданія Истор.-фил. общества, каковое ходатайство было уважено.

Посѣщеніе лекцій было предоставлено безплатно учащимся одесскихъ среднихъ учебныхъ заведеній; на каждой лекціи присутствовало ихъ 700—800 человѣкъ.

Въ самый день рожденія Н. В. Гоголя (20 марта) въ университетской церкви епископомъ Елисаветградскимъ Анатоліемъ была отслужена соборнѣ панихида, предъ которой профессоромъ богословія протоіереемъ А. М. Клитинымъ было сказано Слово. Послѣ панихиды въ актовомъ залѣ, украшенномъ зеленью, бюстомъ Н. В. Гоголя и лавровымъ вѣнкомъ съ надписью—„Императорскій Новороссійскій университетъ—Н. В. Гоголю", состоялось торжественное публичное собраніе Совѣта университета. Собраніе это было открыто слѣдующей рѣчью ректора проф. С. В. Левашова:

„Ваше Преосвященство, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Сегодня исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія величайшаго писателя-сатирика земли русской Николая Васильевича Гоголя, сумѣвшаго своими высокохудожественными произведеніями затронуть „съ невѣдомой до тѣхъ поръ силой" самыя чувствительныя струны и фибры русской души. Несравненныя творенія Гоголя проникнуты такой страстной любовью къ родинѣ, такой глубокой скорбью о неустройствахъ послѣдней, такимъ горькимъ смѣхомъ сквозь слезы, что, чаруя одинаково и юношу, и зрѣлаго мужа, и старца, представляютъ чрезвычайно важное воспитательное значеніе для каждаго русскаго.

Совѣтъ Императорскаго Новороссійскаго университета не могъ не откликнуться на столь знаменательный въ русской литературѣ и въ исторіи русской культуры день. Еще въ засѣданіи своемъ 23 сентября прошлаго 1908 года, совѣтъ постановилъ избрать изъ представителей всѣхъ факультетовъ комиссію для выработки программы чествованія Гоголя. Комиссія образовалась, подъ предсѣдательствомъ проф. М. Г. Попруженко, изъ г.г. профессоровъ: Кіяницына, Мочульскаго, Ренненкампфа и Танфильева и приватъ-доцента Лазурскаго. Въ первомъ же своемъ засѣданіи она постановила, въ цѣляхъ привлеченія возможно большаго числа участниковъ, обратиться къ Городскому Общественному управленію, къ Императорскаго Обществу исторіи и

древностей, къ Высшимъ Женскимъ курсамъ, и къ Историко-филологическому обществу при университетѣ съ просьбой командировать своихъ представителей въ комиссію. Всѣ перечисленныя учрежденія съ особой готовностью пошли на встрѣчу просьбѣ комиссіи и уполномочили принять участіе въ работахъ ея слѣдующихъ лицъ: Городское управленіе—гласнаго профессора А. В. Корша, Общество исторіи и древностей А. В. Лонгинова, Высшіе Женскіе курсы—приватъ-доцента С. Г. Вилинскаго, Историко-филологическое общество—своего предсѣдателя проф. А. П. Доброклонскаго и Педагогическій отдѣлъ при этомъ Обществѣ—А. П. Флерова.

Комиссія имѣла рядъ засѣданій и намѣтила слѣдующую программу чествованія Н. В. Гоголя: во 1-хъ, въ теченіе февраля и марта организовать безплатныя лекціи о Гоголѣ, сопровождаемыя чтеніемъ отрывковъ изъ его произведеній и туманными картинами для воспитанниковъ сред нихъ учебныхъ заведеній; во 2-хъ, устроить 22 марта торжественное собраніе Историко-филологическаго общества и въ 3-хъ, 20 марта назначить, послѣ торжественной панихиды въ университетской церкви, публичное засѣданіе Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета въ честь Н. В. Гоголя. Изложенныя предположенія комиссіи были одобрены и утверждены Совѣтомъ. Во исполненіе этого постановленія Совѣта и было созвано мною настоящее торжественное публичное собраніе, которое я имѣю честь объявить открытымъ.

На этомъ засѣданіи должны произнести рѣчи слѣдующія лица: 1) профессоръ В. Н. Мочульскій отъ университета — „Что завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ“, 2) приватъ-доцентъ В. Ѳ. Лазурскій отъ Высшихъ Женскихъ курсовъ—„Великій меланхоликъ“ и 3) приватъ-доцентъ С. Г. Вилинскій отъ Историко-филологическаго общества—„Гоголь въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія“.

22 марта въ университетѣ (въ большой физической аудиторіи, также украшенной зеленью и бюстомъ Н. В. Гоголя) состоялось публичное засѣданіе Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ; къ произнесенію въ этомъ засѣданіи назна-

ьены были слѣдующія рѣчи членовъ Общества: С. Г. Вилинскаго — „Гоголь и русская литература“, С. П. Шелухина— „Гоголь и малорусское общество“, В. В. Данилова — „Вліяніе бытовой и литературной среды на „Вечера на хуторѣ близъ Диканки“ и Х. П. Ящуржинскаго — „Общественные идеалы Гоголя“.

Засѣданіе это было открыто краткой вступительной рѣчью предсѣдателя Общества профессора А. П. Доброклонскаго объ участіи, какое проявило Историко-филологическое общество въ общерусскомъ чествованіи Гоголя, о значеніи юбилейныхъ дней и юбилейныхъ рѣчей въ память великихъ писателей, и закрыто его же заключительнымъ словомъ съ выраженіемъ благодарности всѣмъ, потрудившимся въ дѣлѣ исполненія юбилейной программы Историко-филологическаго общества.

Слово проф. богословія, прот. А. М. Клитина, предъ панихидою 20-го марта 1909 г.

Предъ нами торжество мысли, праздникъ слова, величіе духа и слава человѣка. Но тотъ, чье имя сегодня на устахъ каждаго русскаго человѣка, тотъ, памяти котораго посвящена всенародная церковная молитва, въ честь котораго назначены сегодня торжественныя собранія всѣхъ ученыхъ обществъ нашего дорогого отечества и вся учащаяся русская молодежь дружно соединяется въ величественномъ гимнѣ молитвы и славы великому русскому писателю, въ честь котораго и въ нашемъ городѣ состоится торжественное собраніе Совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета, высшихъ представителей власти и всего интеллигентнаго общества,—тотъ, при жизни своей, былъ слишкомъ скроменъ, чтобы думать о такой извѣстности, такой славѣ, такой всеобщей памяти и такомъ почитаніи, — слишкомъ скроменъ, чтобы думать о великихъ заслугахъ своихъ предъ всей Россіей.

Этотъ великій въ своей скромности и скромный въ своемъ величіи, чествуемый сегодня писатель земли русской, Н. В. Гоголь, вотъ что думалъ о себѣ и о своихъ твореніяхъ.

„Счастливъ писатель, говоритъ онъ („Мертвыя души", VII гл.), который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры. Все рукоплещетъ несется за нимъ. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его. Но не таковъ удѣлъ и другая судь-

ба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ и крѣпкою силою неуловимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи. Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ. Ему не избѣжать современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ взлелѣянныя созданія,—отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, отниметъ отъ него и сердце и душу и божественное пламя таланта. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество...“

Въ этихъ скорбныхъ словахъ глубоко вѣрно и правдиво изображено отношеніе къ Гоголю современнаго ему общества. При жизни своей онъ, дѣйствительно, не видѣлъ, достойной ему славы, не слышалъ правдиваго суда, не видѣлъ восторга юныхъ душъ,—единодушнаго признанія своего таланта *). Даже и послѣ смерти, даже въ недавнее отъ насъ время слышны были голоса людей, которые хотѣли отнять у него и душу и сердце и Божественное пламя таланта. Такова-ли это судьба великихъ писателей, и вообще великихъ людей, таковы-ли послѣдніе, новѣйшіе пріемы исторической критики и суда, рѣшать это предоставимъ другимъ. Одно знаемъ, что настоящее юбилейное торжество приноситъ великому писателю Русской земли Н. В. Гоголю и всенародную молитву и восторженную дань славы и чести. Мы не отведемъ ему презрѣннаго угла въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество,—мы не назовемъ ничтожными и низкими взлелѣянныя имъ созданія, мы не отнимемъ у него сердца и души и пламени таланта, мы не отнимемъ у своего писателя дорогого имени здравомыслящаго человѣка. Мы не дадимъ ему Іудина лобзанія, ласково цѣлуя его именами: мистикъ, психопатъ, нервно-больной человѣкъ и проч. Нѣтъ! Мы увѣнчаемъ вѣнками славы главу его, мы воспо-

*) Соч. и письма Н. В. Гоголя. Изд. П. А. Кулиша. Т. III, 1857 г. стр. 328.

емъ торжественные гимны его великому имени, мы обойдемъ всю землю и пронесемъ славу его по всему міру, мы соединимся въ единодушной молитвѣ и вознесемъ имя его къ престолу Божію. Мы почтимъ и прославимъ своего писателя, какъ литературнаго генія, какъ писателя народнаго, какъ горячаго патріота, какъ воспитателя юношества, какъ глубоко вѣрующаго и преданнаго сына Православной Церкви. Въ этихъ чувствахъ, въ этомъ почитаніи, мы увѣрены, сое. диняется теперь все русское общество, которое давно уже признало великія заслуги Н. В. Гоголя предъ Русской землей.

Какъ литературная личность, Гоголь, безспорно, занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду нашихъ писателей. Онъ считается основателемъ новой школы, новаго направленія, такъ называемаго, реалистическаго. Гоголь вывелъ нашу литературу на новую дорогу и сообщилъ ей особенную жизненность, колоритность, и глубокій интересъ. Онъ открылъ предъ нами русскую жизнь во всей ея непосредственной дѣйствительности и ея текущемъ значеніи, онъ поставилъ ее предъ нами лицомъ къ лицу, онъ развернулъ ее предъ нами, какъ искусный анатомъ, во всю ширь и глубь и, какъ художникъ, освѣтилъ ее сильнымъ свѣтомъ смѣха и слезъ. Онъ показалъ намъ русскаго человѣка во всемъ величіи его натуры и во всей трагичности его положенія. И мы узнали самихъ себя. Впечатлѣніе получилось поражающее. Точно-ли это мы,—спрашивали себя русскіе люди. Но нельзя было не узнать себя. Этотъ то реализмъ и далъ начало тому великому русскому самосознанію, которое такъ глубоко теперь охватываетъ всѣ стороны русской жизни.

Но реализмъ Гоголя получаетъ еще большее значеніе въ виду того, что Гоголь не бралъ жизнь въ сыромъ ея видѣ, in statu quo, но перерабатывалъ ее и сообщалъ ей идейный смыслъ и содержаніе. Вотъ почему этотъ реализмъ можно назвать нравственно-поучительнымъ. Онъ будилъ въ людяхъ дремлющую совѣсть, онъ въ горькомъ смѣхѣ показалъ намъ человѣка и въ этомъ смѣхѣ открылъ невѣдомыя міру слезы. Только тонкая наблюдательность жизни и глубокое пониманіе человѣческаго сердца могли произвести такое художественное и правдивое изображеніе внутренней связи смѣха и слезъ въ человѣкѣ, могли создать этотъ ве-

ликій и благородный плачъ о человѣкѣ, какой мы слышимъ въ произведеніяхъ Гоголя.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можемъ мы безъ грусти, безъ невидимыхъ міру слезъ, читать, напр., о Плюшкинѣ? Былъ когда то хорошій семьянинъ, котораго всѣ уважали, къ которому съѣзжались поучиться, послушать мудрыхъ рѣчей. И вотъ этотъ то человѣкъ опустился до такого поражающаго нравственнаго убожества, что трудно было и представить.

„И до такой ничтожности, говоритъ Гоголь, до такой мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! Могъ такъ измѣниться! И это похоже на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ, юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не подымете потомъ. Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея. На могилѣ напишется: *здѣсь погребенъ человѣкъ*. Но ничего не прочтешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“ (т. IV, стр. 129).

Какая грустная и поучительная рѣчь о человѣкѣ! Какой глубокій плачъ о потерянномъ человѣческомъ достоинствѣ и какое предостерегающее слово любви!

А вспомните о Коробочкѣ, Ноздревѣ, или о главномъ героѣ—Чичиковѣ? Сколько здѣсь грустныхъ сторонъ затронуто въ человѣкѣ! Сколько знакомыхъ лицъ мы и по сей день находимъ въ твореніяхъ Гоголя! Tempora mutantur, homines mutantur, mores mutantur, но есть что то неизмѣнно человѣческое, постоянное, типичное, что всегда и неотступно идетъ за человѣкомъ и съ человѣкомъ и что во всѣ времена и во всѣ вѣка вызывало и смѣхъ сквозь слезы и слезы сквозь смѣхъ. И какъ часто, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ и смѣшно, и досадно, и грустно, и больно за человѣка! Очень много въ нашей жизни веселаго, глупаго и смѣшного. Но не правда ли, что больше всего хочется плакать о человѣкѣ...

Въ этихъ то незримыхъ міру слезахъ Гоголь высказалъ всю свою любовь не только къ человѣку вообще, не только міровую скорбь, но и любовь къ своему народу. Эти высокохудожественныя и поэтическія описанія русской природы,

эти восторженныя обращенія къ Руси, эти трогательныя и нѣжныя въ своихъ тонахъ изображенія народной жизни (Вечера на хуторѣ...), которыя намъ такъ хорошо извѣстны, —все это могло вылиться только изъ такого любящаго и патріотическаго сердца, какое было у Гоголя. Его постоянными думами были—Русь и русскій народъ. Его главными заботами были заботы о народномъ бытѣ и народномъ хозяйствѣ, народномъ просвѣщеніи и воспитаніи, а потому и главнымъ вопросомъ жизни былъ вопросъ—что онъ сдѣлалъ полезнаго для народа? Съ этой стороны онъ и оцѣнивалъ свои произведенія. Онъ понималъ народъ, любилъ его и жилъ для него. Это былъ благороднѣйшій патріотъ и народный писатель въ лучшемъ его смыслѣ.

Однако, какъ человѣкъ, Гоголь для многихъ былъ загадкой, какъ онъ самъ говоритъ. Однимъ онъ казался тихимъ, скромнымъ, учтивымъ, а другіе называли его угрюмымъ, задумчивымъ, нѣкоторые—болтливымъ и докучливымъ до чрезвычайности; для однихъ онъ былъ уменъ, а для другихъ—глупъ. „Никто не разгадалъ меня совершенно, говоритъ Гоголь. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу“ (Письма къ матери. 1828 г., 1-го марта).

И дѣйствительно, натура Гоголя была высокая, чистая и благороднѣйшая. Такіе люди вообще рѣдко встрѣчаются, а среди писателей и еще того рѣже. Какая у него была горячая и искренняя вѣра въ Бога, въ Промыслъ Божій, какая глубокая преданность своей Церкви Православной и какая трогательная и нѣжная любовь къ отцу и матери—это извѣстно всѣмъ, кто читалъ его письма и „Переписку съ друзьями“. Когда онъ узналъ о смерти своего отца, то предался всей силѣ безумнаго отчаянія. „Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но, пишетъ онъ, Богъ удержалъ меня отъ сего... Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести“ (Письма къ матери. 1825 г., Апр. 23 дня. Нѣжинъ). Впрочемъ, было въ душѣ Гоголя и тяжелое чувство, привитое ему съ дѣтства, это рабскій страхъ предъ Богомъ и боязнь, какъ бы Онъ не погубилъ его. Это чувство всегда давило и приг-

нетало его душу, оно его преслѣдовало и онъ всегда чувствовалъ себя виновнымъ и достойнымъ ужасной гибели. Оно то и развило въ немъ мрачное настроеніе, подточившее его слабый организмъ. Къ сожалѣнію, не было во-время сказано и раскрыто его чуткой и нѣжной душѣ то великое слово христіанскаго утѣшенія, что Богъ не караетъ людей, а спасаетъ ихъ и хочетъ ихъ спасенія, что Богъ любитъ кающихся грѣшниковъ, для которыхъ пришелъ въ міръ и принялъ страданія. И тѣмъ не менѣе, какая все же у него глубокая вѣра въ Бога и преданность ЕгоСвятому Промыслу. Благословляю тебя, священная вѣра, говоритъ нашъ великій русскій писатель. И дай Богъ, чтобы всѣ русскіе писатели повторили его высокія слова.

На твореніяхъ Гоголя воспиталось не одно поколѣніе русскаго общества, и мы по справедливости можемъ назвать его однимъ изъ великихъ воспитателей нашего юношества. Дай Богъ, чтобы чувства добрыя, которыя онъ своей лирой пробуждалъ, чтобы всѣ человѣческія движенія, которыя онъ просилъ насъ сохранять въ себѣ, чтобы благородныя и высокія чувства любви къ Богу, къ Церкви и къ родителямъ взросли пышнымъ цвѣтомъ въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ и въ нашей русской жизни. И пусть этотъ цвѣтокъ украситъ голову нашего великаго писателя!

Въ письмахъ своихъ Гоголь многократно и усердно просилъ помолиться Богу о немъ и о душѣ его. Пусть же всѣ почитающіе и любящіе его, всѣ ученики его соединятся въ горячей о немъ молитвѣ къ Богу. Время сотворити молитву Господеви. Помолимся, да упокоитъ Господь душу раба Божія *Николая* въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца Небеснаго.

Что завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ?

Рѣчь проф. В. Н. Мочульскаго.

Н. В. Гоголь всѣми критиками признается основателемъ въ русской литературѣ натуральной школы. Сущность этой школы опредѣляется отношеніемъ ея къ предшествовавшей романтической школѣ и отношеніемъ ея къ современной—нео-реалистической. Романтическая школа подходила къ жизни съ слишкомъ предвзятой мыслію. Она искала въ ней возвышеннаго, грандіознаго и таинственнаго. Герои ея были люди исключительные, сюжеты были отборные, страсти—пылкія, рѣчи напыщенныя, патетическія. Словомъ—общій характеръ этой школы сводился къ аффектаціи и риторичности. Обыденная жизнь съ ея мелкими интересами, съ мелкими страстями, казалось, была недостойной высокаго искусства. И до Гоголя нѣкоторые русскіе писатели, какъ-то: Пушкинъ, Лермонтовъ и Грибоѣдовъ чувствовали фальшь романтической школы, и старались освободиться отъ ея тумана. Но общая романтическая атмосфера—съ одной стороны, сила литературной наслѣдственности—съ другой и иноземныя вліянія съ третьей—мѣшали имъ выйти окончательно на свѣжій воздухъ. Нельзя сказать, чтобы и у Гоголя не сказалась эта сила наслѣдственности. И онъ не чуждъ былъ романтическихъ порывовъ, романтической фантастичности и романтической напыщенности или риторичности. Но это было на первыхъ порахъ и то въ видѣ отдѣльныхъ штриховъ, и отдѣльныхъ моментовъ. Въ общемъ онъ сразу сталъ на реальную почву сближенія искусства съ дѣйствительностью. Но эту дѣйствительность онъ во-

спринималъ не только умомъ, но и сердцемъ, т. е. всѣ воспріятія онъ проводилъ черезъ свой душевный міръ, черезъ свою фантазію, сообщалъ имъ свои страсти, свои задушевныя стремленія, свою горячую любовь, свои идеалы. Этой глубиной его духовнаго міра объясняется и глубина проникновенности его въ міръ реальности и дѣйствительности. Такимъ широкимъ пониманіемъ дѣйствительности и такимъ всестороннимъ ея изображеніемъ Гоголь и его натуральная школа рѣзко отличаются отъ школы современной—неореалистической. Послѣдняя въ своемъ мнимомъ ультра-реализмѣ доходитъ до того, что готова, повидимому, отказаться въ искусствѣ и отъ фантазіи и отъ идеаловъ, находя все это не только излишнимъ, но и вреднымъ для воспроизведенія дѣйствительности въ настоящемъ ея видѣ. Конечнымъ стремленіемъ этой школы является фотографическое воспроизведеніе дѣйствительности—безъ всякихъ личныхъ добавленій, освѣщеній и объясненій. Но спрашивается, развѣ въ искусствѣ возможна абсолютная объективность, развѣ художественная правда и права дѣйствительности одно и то-же. Конечно нѣтъ. Художникъ пишетъ не прямо съ природы и съ жизни, а создаетъ правдоподобія ихъ. Въ этомъ и заключается процессъ творчества [1]). Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его —стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хотя бы, напр. къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, къ замѣнѣ худшаго лучшимъ.

Нео-реалисты даютъ намъ свои снимки будто бы съ природы и съ жизни, сдѣланные „умомъ“; но эти снимки пока ограничились сухими, блѣдными и... скучными произведеніями, пожалуй ума, но ни какъ не искусства. И это оттого, что они въ художественныхъ поискахъ правды отрицаютъ такія пособія, какъ типичность, юморъ, отрицаютъ всякіе идеалы, не признаютъ нужною фантазію. Гоголь безспорно—реалистъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ нео-реалисты; у кого найдешь больше правды въ образахъ?

---

[1]) И. А. Гончарова. Полное собр. сочиненій. Изд. Глазунова Т. VIII, Спб. 1884. Критическія замѣтки: Лучше поздно, чѣмъ никогда. стр. 282.

Но онъ, смѣша и смѣясь, невидимо плакалъ, т. е. вносилъ свою душу; оттого въ его сатиры и улеглась вся безконечная Русь своею отрицательною стороною, со всею своею плотью, кровью и дыханіемъ [1]).

Перейдемъ къ рѣшенію поставленнаго вопроса: что же завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ?

Никто не будетъ отрицать того могущественнаго нравственнаго вліянія литературы на русское общество, какое она пріобрѣла въ настоящее время. Не малую долю этого вліянія оказали въ данномъ случаѣ завѣты Гоголя. Подъ этими завѣтами мы разумѣемъ: 1) его взгляды на искусство и его значеніе въ жизни общества; 2) его взгляды на писателя и на его значеніе для общества; 3) тѣ художественные пріемы, какіе Гоголь примѣнялъ при обработкѣ сюжетовъ; 4) тотъ кругъ жизненныхъ интересовъ, какой онъ захватилъ своей творческой дѣятельностью, и 5) тѣ направленія, и настроенія, какія онъ обнаружилъ при освѣщеніи явленій русской жизни.

Въ своей повѣсти „Портретъ“, выражая свое profession de foi, Гоголь устами стараго художника—въ видѣ завѣта своему сыну—высказываетъ слѣдующія высокія мысли объ искусствѣ: „Талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога—не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души...; ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства“ [2]). На судьбѣ другого молодого художника Черткова Гоголь показываетъ, какъ падаетъ талантъ, когда онъ удаляется отъ высокихъ завѣтовъ искусства; онъ работаетъ безъ

[1])Ibid, стр. 283.

[2]) Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. т. II, стр. 82—83.

любви и безъ вдохновенія, угождаетъ публикѣ, входитъ въ компримиссы съ совѣстью, чѣмъ погрѣшаетъ противъ своего таланта, и заглушаетъ ту искру Божію, которая теплится въ его душѣ. И такъ погоня за благами міра губитъ истинный талантъ, превращая его изъ творца высокаго искусства въ простого копировщика, въ простого ремесленника.

Здѣсь Гоголь завѣщалъ высокій взглядъ на искусство, которое должно стремиться къ божественной, нелицемѣрной правдѣ, не ожидая для себя никакихъ благъ.

Въ „Развязкѣ Ревизора" Гоголь дополняетъ свои взгляды на искусство: Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленіе къ прекрасному и высокому—непремѣнный законъ искусства. Ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру—положительно или отрицательно: выставляетъ-ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставить все зло, какое ни есть въ человѣкѣ, и выставить его такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получитъ къ нему полное отвращеніе, спрашивается: развѣ это не похвала всему хорошему? развѣ это не похвала добру [1]). И такъ искусство, по Гоголю должно стремиться къ добру и благу, и должно приносить пользу обществу.

Въ связи съ вопросомъ объ искусствѣ стоитъ вопросъ о писателѣ и въ частности—о писателѣ комическомъ; его обязанностяхъ по отношеніи къ обществу, его положеніи въ обществѣ и отношеніи къ нему самого общества. Въ своемъ „Завѣщаніи" („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями") Гоголь говоритъ: „Я писатель, а долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ [2]). Можетъ быть прощальная повѣсть моя, продолжаетъ далѣе Гоголь, подѣйствуетъ сколько нибудь на тѣхъ, которые до сихъ поръ еще считаютъ жизнь игрушкою, и сердце ихъ услышитъ хотя отчасти

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10 т. II, стр. 345.
[2]) Т. IV, стр. 8.

строгую тайну ея и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны [1]). Въ статьѣ: „О томъ, что такое слово“ Гоголь пишетъ: Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Вѣда произноситъ его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады или гнѣва, или какого либо личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ; и тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло [2]). Опасно шутить писателю со словомъ: „Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ“. Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъизъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнимо къ тѣмъ, у которыхъ поприще—слово, и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышеннномъ [3]).

Испытавъ на себѣ всю горечь несправедливыхъ нападокъ, Гоголь часто останавливается на долѣ комическаго писателя. Такъ въ VII гл. „Мертвыхъ Душъ“ онъ пишетъ: счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальной своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ однѣ немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, ни ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ. Все, рукоплеща, несется за нимъ [4]). Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи.

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, Изд. 10. т. IV, стр. 8.
[2]) Ibid., стр. 21.
[3]) Ibid., стр. 20—21.
[4]) Соч. Н. В. Гоголя, т. III, стр. 130.

Ему не собрать народныхъ рукоплесканій..., ему не избѣжать отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество..., ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья [1]). Въ другомъ мѣстѣ („Театральной Разъѣздъ“) Гоголь говоритъ: Комическій писатель подлежитъ суду всѣхъ [2]). Его назовутъ скоморохомъ, потѣшающимъ публику, и смѣхъ его почтутъ низкимъ, оскорбляющимъ человѣчество; ему откажутъ въ высокихъ движеніяхъ души и въ святой любви къ человѣчеству; его произведенія назовутъ пустяками и побасенками А между тѣмъ смѣхъ комическаго писателя излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, на днѣ которой живетъ вѣчно бьющій родникъ. Онъ углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ. Ныла душа моя, говоритъ Гоголь, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же среди самой жизни—безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни признакъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: побасенки!... Но міръ задремалъ—бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души [3]). Дайте же мнѣ, восклицаетъ Гоголь, почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите [4]).

---

[1]) Т. III, стр. 130-131.
[2]) ibid, стр. 132.
[3]) Т. II, стр. 515.
[4]) Т. II, стр. 352.

Перейдемъ далѣе къ тѣмъ художественнымъ пріемамъ, какіе Гоголь употреблялъ въ своемъ творчествѣ и какіе завѣщалъ дальнѣйшей литературѣ.

Въ лѣта моей юности, пишетъ Гоголь въ VI гл. „Мертвыхъ Душъ“ пріятно было подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту“... Все останавливало и поражало... Ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія... Глядѣлъ на офицера, или на купца или чиновника, и уносился мысленно за ними въ бѣдную ихъ жизнь [1])...

И такъ отъ дней юности Гоголь отличался чрезвычайной наблюдательностью къ обыденной русской жизни и вооруженъ былъ глубокимъ психологическимъ анализомъ для раскрытія ея тайнъ. Но кромѣ чрезвычайной наблюдательности и глубокаго психологическаго анализа Гоголь въ своемъ художественномъ творчествѣ прибѣгалъ къ научному способу собиранія матеріала. Въ своей „Исповѣди“ онъ говоритъ: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мною изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ[2]). Эти данныя, какъ мы знаемъ изъ его писемъ, онъ настойчиво собиралъ у свѣдущихъ людей. Интересно признаніе самого Гоголя, какъ онъ создавалъ своихъ героевъ („Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, „Изъ переписки съ друзьями“): „Я сталъ надѣлять своихъ героевъ, говоритъ онъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью... Взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало [3]). Изъ этого признанія можно заключить, что Гоголь въ созданіи своихъ художественныхъ образовъ выходилъ только изъ субъективныхъ началъ. Но принявъ во вниманіе, что это признаніе относится ко времени усиленныхъ обвиненій Гоголя въ клеветѣ на общество—съ одной

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, т. III, стр. 107.

[2]) Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 256.

[3]) Ibid., т. IV, стр. 88.

стороны, съ другой—вспоминая прежнее его заявленіе, что онъ ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства, можно съ положительностью заключить, что Гоголь въ своемъ творчествѣ былъ въ полномъ смыслѣ объективистъ, хотя нельзя не согласиться съ самимъ Гоголемъ, что изъ-за его героевъ вырисовывается носъ самого автора. Это сужденіе о характерѣ творчества Гоголя подтверждается также постоянной переработкой имъ своихъ произведеній, какимъ путемъ онъ умѣрялъ и ограничивалъ излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая всѣ проявленія личнаго элемента и частныхъ временныхъ чертъ. Эта переработка была подвигомъ, предпринятымъ въ глубинѣ его души, при чемъ его великія созданія вырабатывались годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ [1]).

Остановимся далѣе на вопросѣ, какой кругъ жизненныхъ интересовъ захватилъ Гоголь своей творческой дѣятельностью.

На поприще литературной дѣятельности Гоголь выступилъ бытописателемъ малороссійской жизни. Здѣсь онъ выказалъ необычайную душевную теплоту и удивительный малороссійскій юморъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—здѣсь же начинаетъ уже проявляться идеальное стремленіе къ народной правдѣ. Приступая далѣе къ обрисовкѣ обще-русской жизни, Гоголь съ своимъ идеаломъ народной правды сразу превращается въ безпощаднаго сатирика, подъ перомъ котораго вскрывается вся пошлость пошлаго человѣка, при чемъ выпукло выставлена вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ обыкновенныхъ людей. Раскрытіемъ пошлости и вообще недостатковъ русской жизни Гоголь преслѣдовалъ цѣль—обнаруживать и лѣчить общественныя раны, иначе болѣзнь,—по его словамъ, можетъ обнаружиться такими симптомами, что лѣченіе будетъ поздно [2]).

Безпощадная Гоголевская сатира навлекла на него массу нареканій и повергла его въ отчаяніе, отсюда уныніе и грусть. Подъ вліяніемъ вынесенныхъ страданій Гоголь въ статьѣ: „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“ (Изъ „Переписки съ друзьями“) пишетъ: Сатирой ничего не возьмешь! богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ. И

[1]) Рус. Архивъ, 1866, стр. 769.

[2]) Соч. Н. В. Гоголя, т. II, стр. 496.

вотъ онъ рекомендуетъ слѣдующіе мотивы: 1) Попрекни прежде всего—умныхъ, но унылыхъ людей: человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ; 2) воззови къ прекрасному, но дремлющему человѣку; 3) опозорь новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ и его проклятую роскошь; 4) Возвеличь незамѣтнаго труженника, какой встрѣчается посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ — къ чести высокой породы русской; 5) Ублажи гимномъ того исполина, который, пробуждаясь отъ позорнаго сна, и плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра [1]). Къ этимъ мотивамъ надо прибавить еще и мотивъ объ оскорбленныхъ и униженныхъ, который самъ Гоголь воплотилъ въ своей повѣсти „Шинель“. Всѣ эти мотивы перешли къ его преемникамъ по натуральной школѣ. Самъ Гоголь пытался отчасти выполнить выставленную программу во 2-й части „Мертвыхъ Душъ“. Но эта попытка оказалась, какъ извѣстно, не вполнѣ удачной.

Переходимъ къ заключительной части нашей задачи—къ тѣмъ настроеніямъ и направленіямъ, какія Гоголь выказалъ при освѣщеніи явленій русской жизни. Общій характеръ этихъ настроеній—это смѣхъ сквозь слезы. Высокій идеалъ народной правды при соприкосновеніи съ жизнью мертвыхъ обитателей, и всякаго рода пошляковъ разрѣшался въ сатирическій смѣхъ, въ ѣдкую насмѣшку. Но этотъ смѣхъ у Гоголя сопровождался грустью, унынiемъ и слезами. Эта грусть и унынiе вызывались съ одной стороны —унылостью самой жизни и печальной дѣйствительностью. Не даромъ Пушкинъ по прочтеніи первыхъ главъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія“!; а съ другой—сознаніемъ, что онъ, какъ писатель, не сдѣлалъ для родины того, чего она ждетъ отъ каждаго изъ насъ. Самъ Гоголь, объясняя въ „Перепискѣ съ друзьями“ своё обращеніе къ Руси съ вопросомъ, чего она ждетъ отъ него, пишетъ, что немного такихъ, которые сдѣлали для блага Россіи все, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ открыто сказать, что ихъ не можетъ попрекнуть Россія ни въ чемъ, и что не глядитъ на

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 73—74.

нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ ея пустынныхъ пространствъ. Кому—при взглядѣ на эти пустынныя, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства не чувствуется тоска, кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся болѣзненные упреки ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не русскій въ душѣ [1]).

Въ концѣ своего литературнаго поприща Гоголь впалъ въ мистицизмъ съ призывомъ къ самоуглубленію и къ самоусовершенствованію. Этотъ мистицизъ у Гоголя былъ сложнымъ явленіемъ и явился результатомъ съ одной стороны—безпомощности въ отысканіи положительныхъ и идеальныхъ типовъ въ русской жизни, съ другой—неудачи въ выполненіи поставленной себѣ задачи въ конечный періодъ своей дѣятельности, и съ третьей, наконецъ—той горечи, которая накапливалась постепенно отъ несправедливыхъ нападокъ на всю его литературную дѣятельность.

Закончивъ обзоръ всѣхъ завѣтовъ, переданныхъ Гоголемъ натуральной школѣ, позволю себѣ резюмировать вкратцѣ все сказанное.

Гоголь завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ во 1-хъ—высокое понятіе объ искусствѣ, призванномъ говорить обществу одну правду безъ ожиданія для себя какихъ-либо выгодъ: во 2-хъ—выдвинулъ значеніе писателя, какъ полезнаго общественнаго дѣятеля, и въ частности—комическаго писателя, какъ врача общественныхъ ранъ, какъ возбудителя общественнаго самосознанія, какъ носителя народныхъ идеаловъ; въ 3-хъ—завѣщалъ внимательное отношеніе къ русской обыденной дѣйствительности и возведеніе ея въ перлъ созданія, а также глубокій психологическій анализъ для раскрытія тайниковъ русской жизни; вмѣстѣ съ раскрытіемъ русской жизни завѣщалъ Гоголь и гуманное отношеніе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; въ 4-хъ онъ завѣщалъ свою страстную любовь къ родинѣ, критическое отношеніе къ ея печальной дѣйствительности, и наконецъ въ 5-хъ—свой юморъ и свою грусть, которые явились результатомъ внимательнаго отношенія къ русской дѣйствительности. Всѣ

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 83.

эти завѣты были унаслѣдованы писателями натуральной школы, блестящую плеяду которыхъ составляютъ: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, Писемскій, Достоевскій, гр. Л. Толстой и многіе др. Общей чертой этихъ писателей являются—высокіе народные идеалы, стремленіе къ народной правдѣ, любовь къ родинѣ и страстное желаніе принести ей пользу, вывести ее изъ дремотнаго состоянія и направить ее на путь дѣятельной любви, а въ каждомъ изъ русскихъ людей—возбудить сознаніе своего долга по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ и къ обществу вообще.

В. Мочульскій.

Н. В. Гоголь въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія.

Рѣчь проф. С. Г. Вилинскаго.

Когда чернь обращалась къ избраннику Неба, поэту „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, и взывала:

„если ты небесъ избранникъ,
„свой даръ, божественный посланникъ,
„во благо намъ употребляй:
„сердца собратьевъ исправляй...
„Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
„ты можешь, ближняго любя,
„давать намъ смѣлые уроки,
„а мы послушаемъ тебя...“

и когда этотъ избранникъ Неба отказывался быть исправителемъ и руководителемъ погрязшаго въ порокахъ общества:

„подите прочь,—какое дѣло
„поэту мирному до васъ?“—

въ то же время раздался другой голосъ, другого поэта, который цѣлью всей жизни своей поставилъ служеніе обществу именно путемъ исправленія недостатковъ этой черни, который всю жизнь свою будилъ въ сердцахъ людей живыя струны ихъ, милость къ падшимъ призывалъ и считалъ небеснымъ предназначеніемъ для себя—быть пѣвцомъ-просвѣтителемъ именно этой пошлой и порочной части общества. Эта „чернь“ была для этого поэта чѣмъ-то роднымъ и близкимъ, возбуждавшимъ его сочувствіе и состраданіе, и онъ восклицаетъ: „долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-движущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“.

Въ настоящіе дни, когда вся Россія вспоминаетъ объ этомъ поэтѣ—Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ сыновъ своихъ, думается, умѣстно будетъ поставить вопросъ: какъ же послужилъ нашъ поэтъ духовнымъ нуждамъ „черни“? просвѣтилъ ли онъ ее? указалъ ли ей пути исправленія?—иными словами: чѣмъ обязаны ему мы, наше общественное самосознаніе? Выполнилъ ли въ этомъ смыслѣ Гоголь задачу, которую онъ ставилъ себѣ—всегда быть поборникомъ высокихъ и свѣтлыхъ идеаловъ и всегда заботиться о томъ, чтобы его дѣятельность была направлена ко благу общества?

Въ самомъ дѣлѣ, во всѣ періоды своей сознательной жизни—отъ школы до смерти—Гоголь выступаетъ передъ нами то съ мечтами объ общественной дѣятельности, то въ роли общественнаго дѣятеля, видящаго предъ собою только одну цѣль—благо родной страны. Еще въ письмахъ изъ лицея въ 1827 г. восемнадцатилѣтній юноша говоритъ: „еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ желаніемъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе“. А спустя двадцать лѣтъ, уже заканчивая свою литературную дѣятельность, поэтъ въ „Авторской исповѣди“ восклицаетъ: „я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ“; а такимъ „изнемогшимъ духомъ“ ему представлялось русское общество, и онъ протягивалъ ему руку помощи, созидая свои „Мертвыя Души“, которымъ онъ придавалъ громадное значеніе, желая въ нихъ отразить „всю Русь“ и провести черезъ ихъ посредство въ общество тѣ идеи, которыя ему казались залогомъ общественнаго счастья. И если въ 1827 г. мы видимъ у поэта пока лишь только жажду общественной дѣятельности, даже безъ яснаго сознанія опредѣленной формы, которую она должна бы принять, то въ „Исповѣди“—предъ нами уже человѣкъ, пережившій лучшій періодъ своей дѣятельности; но на устахъ его все то же: стремленіе ко благу другого, хотя теперь уже болѣе сознательное, какъ результатъ пережитаго опыта.

Самая сущность дѣятельности, которая удовлетворяла бы цѣлямъ Гоголя, для него, повидимому, долгое время не была вполнѣ ясна: въ годы юности ему какъ будто казалось, что достаточно только явиться въ столицу, чтобы сразу занять видное положеніе въ обществѣ, дающее возможность быть полезнымъ большому кругу людей: „ты уже на мѣстѣ", пишетъ онъ школьному товарищу Высоцкому, раньше него отправившемуся въ Петербургъ: „уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ". Выйдя на дорогу самостоятельной жизни, Гоголь, какъ извѣстно, не сразу находитъ наилучшее примѣненіе своимъ силамъ: онъ сначала видитъ въ канцелярской службѣ наилучшій путь служенія обществу, затѣмъ пробуетъ свои силы на поприщѣ педагогическомъ и научномъ, и лишь разочаровавшись въ этихъ видахъ дѣятельности, онъ находитъ свой настоящій путь въ литературѣ. Колоссальный успѣхъ его произведеній, похвалы критики, восторги общества—все должно было подсказать поэту, что *это* есть его прямая дорога. Однако вѣчный искатель правды жизни здѣсь не останавливается и пробуетъ свои силы въ роли публициста и даже проповѣдника, стремящагося уже не къ обличенію, а къ начертанію новыхъ, положительныхъ путей. Священный огонь горѣлъ въ немъ и не позволялъ бездѣйствовать тогда, когда дѣйствительность звала къ труду:

„ты былъ великъ своей душою,
„огонь святой въ тебѣ горѣлъ:
„какъ гражданинъ, ты надъ судьбою
„отчизны-матери скорбѣлъ.
„Любилъ ты свѣтъ, желалъ ей свѣта,
„и не видалъ ты свѣта въ ней.
„и ныло сердце, умъ поэта,
„и что ни день, то скорбь сильнѣй
„росла въ тебѣ,—и ты воспрянулъ.
„и мощь въ душѣ своей нашелъ,
„и вдаль отважнымъ окомъ глянулъ.
„и смѣло въ честный бой пошелъ" *)..

*) См. сборникъ стихотвореній: „Гоголь въ русской поэзіи", сост. В. В. Каллашемъ, стр. 39. (Дальше цитовано сокращенно: „Каллашъ"...).

Но какая же именно работа нужна была родинѣ? Что тревожило умы лучшихъ людей? и какъ могъ послужить обществу Гоголь?

Едва ли не лучшій отвѣтъ на первую половину поставленнаго вопроса даетъ Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю: „Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть... Ей (Россіи) нужны не проповѣди, не молитвы, а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потерянnаго въ грязи и сорѣ, права и законы, сообразные не съ ученіемъ Церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ выполненіе *). Въ этихъ словахъ, въ сущности, сосредоточено все то, что волновало и занимало умы лучшей части русскаго общества въ Николаевскую эпоху: Бѣлинскій наилучшимъ образомъ выразилъ то, что объединяло нашу интеллигенцію до эпохи великихъ реформъ. Впослѣдствіи, послѣ 1861 г., культурныя силы раздробились въ зависимости отъ личнаго или кружкового пониманія сути общественности, но до дня освобожденія крестьянъ, разногласій въ пониманіи дѣйствительности среди культурныхъ дѣятелей нашего общества не было: для всѣхъ, какъ для Тургенева, всѣ общественные недуги слились въ одномъ понятіи крѣпостного права.

Но дѣло въ томъ, что, по условіямъ времени, пониманіе дѣйствительности не могло отлиться въ наиболѣе естественныя формы—въ публицистику. Вспомнимъ, что 30, 40 и 50 годы XIX вѣка—это время господства т. наз. теоріи оффиціальной народности, которая связывалась неразрывно съ представленіемъ о структурѣ нашего строя, какъ о совершенствѣ. А это представленіе исключало всякую критику явленій государственнаго и общественнаго быта и предоставляло лишь мечтать о публицистикѣ, какъ это дѣлали иногда, да и то издалека, за границею: „Пусть печати будетъ запрещено касаться вопросовъ политики, (пишетъ одинъ изъ современныхъ дѣятелей), но пусть ей предоставятъ другія

*) В. Г. Бѣлинскій: „Письмо къ Гоголю“ (Изд. „Свѣточа“, № 2, стр. 11).

области, гдѣ дѣйствуютъ интересы жизни гражданской, интересы повседневные, имѣющіе для личностей такое большое значеніе. Такъ, мы убѣждены, что русское правительство могло бы, ничѣмъ не рискуя, позволить прессѣ свободно обсуждать всѣ городскія дѣла, всѣ гражданскіе и уголовные процессы, разбирающіеся въ судѣ; всѣ дѣйствія правительства, касающіяся благоустройства, т. е. собственно администраціи; денежные интересы лицъ, а также государства; принципы, управляющіе или долженствующіе управлять промышленностью, торговлею, тарифами; наконецъ, всѣ вопросы, которые не затрогиваютъ основныхъ государственныхъ установленій или политики“ *).

Но общая цензура, да еще до 17 спеціальныхъ цензуръ строго слѣдили за тѣмъ, чтобы не страдали принципы, положенные въ основу теоріи оффиціальной народности, — и общественной мысли приходилось искать иныхъ путей для своего выраженія. Такой путь нашелся: это была литература, на долю которой выпала обязанность не только отражать жизненныя явленія, но и руководить общественнымъ сознаніемъ. Слишкомъ извѣстно, что и литературѣ подчасъ приходилось круто въ тискахъ цензуры, — чтобы нужно было развивать положеніе Некрасова:

„писать не время было:
„почти что ничего тогда не проходило“.

Но, потому ли, что литература трактовала жгучіе вопросы современности въ болѣе безвредной, художественной формѣ, потому ли, что не для всѣхъ обличительныя идеи литературныхъ произведеній сразу становились одинаково ясными и потому легче проходили чрезъ цензуру,—а надо признаться, что, несмотря на цензурный гнетъ, литература сослужила обществу въ эту эпоху великую службу:

„въ отвѣтъ стенаніямъ народа
„мысль русская стонала въ полутонъ,—“ **)

но все-таки „стонала“ и не останавливалась предъ обличеніемъ тѣхъ уродливыхъ явленій, которыя давала жизнь.

*) Слова Н. И. Тургенева (Лемке: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики“, стр. 191).

**) Слова Некрасова.

Пусть положеніе литературы было шатко, пусть ей приходилось балансировать между цензурою и общественнымъ мнѣніемъ, искавшимъ своего полнаго выраженія, но не забудемъ, что именно эта эпоха даетъ намъ лучшія произведенія Пушкина, Гоголя, а нѣсколько позже—первыя произведенія Григоровича, Тургенева...

Этотъ путь служенія обществу—литературу—и избралъ Гоголь въ лучшій періодъ своей дѣятельности:

„Руси,—прошло тому полвѣка,—
„послало небо человѣка,
„который мирнымъ пѣснопѣньемъ
„потрясъ сердца всѣхъ умиленьемъ.
„далъ на запросы душъ отвѣтъ
„и освѣтилъ пучину бѣдъ.
„Его талантъ раскрылъ печали,
„какими русскіе страдали,
„и далъ, какъ въ зеркалѣ, узрѣть,
„чѣмъ можно зло то одолѣть“ *)

Что же сдѣлалъ Гоголь?

Въ „дни печали, всеобщей спячки, лѣни, тьмы, когда отъ истины бѣжали, какъ отъ цѣпей, какъ отъ тюрьмы“ **), —Гоголь безтрепетно направился именно къ этой избѣгаемой „истинѣ“—не побоялся заглянуть правдѣ въ глаза и повѣдать ее свѣту. Онъ самъ говоритъ: „я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мною изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ“. И мы знаемъ, что это вѣрно: и письма Гоголя и свидѣтельства современниковъ единогласно даютъ основаніе заключить, что Гоголь давалъ читателямъ только то, что дѣйствительность давала ему самому. А когда, вслѣдствіе долговременнаго отсутствія изъ Россіи, запасъ художественныхъ впечатлѣній сталъ изсякать въ душѣ Гоголя, онъ сталъ ощущать сильное безпокойство за создавшееся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ художественное произведеніе и предпочелъ

*) Каллашъ, стр. 51.
**) Каллашъ, 54.

лучше сжечь его, чѣмъ выдать въ свѣтъ, не давъ ему надлежащей обработки.

Но если Гоголь такъ близко стоялъ къ дѣйствительности, то вполнѣ понятно, что неприкрашенная правда жизни должна была заполнить его произведенія,—и слишкомъ тяжела была эта правда, если у Пушкина, при чтеніи первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ", вырвался вздохъ: „Господи, какъ грустна наша Россія!".

Изображая русскую дѣйствительность главнымъ образомъ въ ея отрицательныхъ проявленіяхъ, Гоголь, въ сущности, долженъ былъ затронуть тѣ же вопросы, какіе и до него затрогивались въ нашей литературѣ: вѣдь противъ крѣпостного права и особенно противъ злоупотребленій имъ писали еще, напр., въ сатирическихъ журналахъ Екатерининской поры, а также Радищевъ, Пнинъ и друг.; недостатки чиновниковъ обличали не только тѣ же сатирическіе журналы XVIII вѣка, но еще и Фонвизинъ, Капнистъ, Грибоѣдовъ; недостатки помѣщиковъ и невѣжество—доморощенное и привозное—клеймили и Фонвизинъ и Крыловъ и т. д. Гоголю пришлось стать на новый путь, и этотъ путь выразился въ слѣдующихъ особенностяхъ, которыя рѣзко отдѣлили Гоголя отъ его предшественниковъ.

Во-первыхъ,—

„не лѣзъ онъ въ гласность, какъ потѣшникъ:
„въ порокъ вонзая острый мечъ,
„онъ самъ былъ кающійся грѣшникъ.
„И съ нимъ идемъ рука съ рукой
„въ одномъ сочувствіи горячемъ:
„съ нимъ и смѣемся надъ собой,
„и надъ собой мы горько плачемъ" *).

Сочувственное изображеніе людской пошлости, умѣнье подойти къ пустотѣ людской жизни и вскрыть ее такъ, чтобы возбудить къ ней „смѣхъ сквозь слезы", а иногда и непритворныя слезы, наконецъ, дружеское слово любви и участія тамъ, гдѣ другой могъ бросить камень осужденія, —вотъ тѣ личныя черты, которыя характеризуютъ Гоголя, которыя заставляли его понять-простить печальныхъ геро-

*) Каллашъ, стр. 36.

евъ его твореній и которыя пробуждали въ душѣ читателя гуманныя чувства. Въ этой особенности таланта Гоголя заключается воспитательное значеніе его поэзіи, и эта же особенность доказываетъ, какъ понималъ и высоко цѣнилъ поэтъ личность человѣческую. Если уваженіе къ личности другого есть истинный признакъ культурнаго человѣка, то велика заслуга Гоголя, который задался цѣлью привить эту черту своимъ современникамъ.

Вторая, и можетъ быть еще болѣе важная особенность творчества Гоголя при изображеніи русской дѣйствительности,—это именно то чувство общественности, которое проникаетъ всѣ изображенные имъ образы, особенно же героевъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, комедія „Ревизоръ“, напр., вызвала взрывъ негодованія: всѣ говорили, что авторъ сгустилъ краски, что изображенное имъ—плодъ его домысла. Но дѣло обстояло совсѣмъ не такъ, какъ показалось сразу современникамъ: авторъ сталъ лишь на особую точку зрѣнія и, исходя изъ нея, освѣтилъ явленія общественной жизни такъ, что они поразили взоръ своей уродливостью; но авторъ ли былъ виноватъ въ этомъ? Онъ оцѣнилъ поступки чиновниковъ не только съ нравственной точки зрѣнія или съ точки зрѣнія закона (что дѣлали и до него), а главнымъ образомъ съ точки зрѣнія общественной,—и всѣ увидѣли, что чиновники—общественные дѣятели, но что у этихъ дѣятелей нѣтъ опредѣленныхъ принциповъ дѣятельности, нѣтъ чувства служебнаго долга и правильнаго сознанія своихъ обязанностей. А между тѣмъ обязанности эти весьма серьезны: администрація, судъ, школы, общественное призрѣніе—рядъ отраслей общественной жизни, которыя находятся въ рукахъ своекорыстныхъ и невѣжественныхъ людей: какъ же можетъ правильно функціонировать такое общество? Этотъ роковой вопросъ возставалъ предъ обществомъ: онъ слышался и въ вѣщихъ словахъ городничаго (—„надъ собой смѣетесь“—), и въ полномъ отсутствіи въ пьесѣ хотя бы одного положительнаго героя, на которомъ могло бы отдохнуть нравственное чувство. Но такого героя не было, ибо жизнь выдвигала Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ, а не честныхъ тружениковъ и героевъ общественнаго дѣла. И

обществу оставалось оглянуться на себя, вдуматься въ свою духовную сущность, искать лѣкарства отъ тяжелаго и вдобавокъ хроническаго недуга. А что этотъ недугъ хроническій, объ этомъ свидѣтельствуетъ позднѣйшій поэтъ, обращаясь къ памяти Гоголя по случаю 50-ти лѣтняго юбилея „Ревизора". Вотъ это, хотя и длинноватое, но поучительное стихотвореніе:

„Донынѣ средь нашей семьи
„здоровы и живы герои твои!
„Временъ пережитыхъ сѣдая рука,
„мелькнувши, коснулась ихъ мало—
„они въ наши дни измѣнились слегка
„и смотрятъ не такъ, какъ бывало...
„Наружностью только... но внутрь загляни,—
„внутри-то, пожалуй, всѣ тѣ же они...
„Сквозникъ-Дмухановскій спокойно живетъ
„въ далекомъ, глухомъ городишкѣ,
„съ Абдулиныхъ глупыхъ онъ взятки беретъ,
„ведя осторожно дѣлишки.
„И въ обществѣ нашемъ для нашихъ деньковъ
„чудитъ современный Иванъ Хлестаковъ.
„Сама городничиха съ дочкой своей
„заводитъ по клубамъ амуры;
„толстякъ Земляника сталъ вдвое хитрѣй,
„съ задатками той же натуры;
„а Добчинскій съ Бобчинскимъ, милымъ дружкомъ,
„за добрымъ начальствомъ бѣгутъ пѣтушкомъ.
„Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ оформилъ свой видъ,
„законъ на „догадки" не сводитъ,
„къ нему для защиты отъ кровныхъ обидъ
„Пошлепкина-слесарша ходитъ.
„И Мишка, слуга Сквозника, для услугъ
„ходатаемъ частнымъ гуляетъ, какъ другъ.
„А лѣкарь нашъ Гибнеръ, въ ласкающемъ снѣ
„забывшій микстуры и спуски,
„теперь ужъ привыкъ объясняться вполнѣ
„со всѣми дѣльцами по-русски.
„И служитъ онъ гдѣ-то, живя богачемъ,
„для пользы людской—санитарнымъ врачемъ.

„Для Шпекиныхъ—служба, какъ встарь, дорога,
„ихъ много въ новѣйшемъ есть родѣ.
„Живъ также и Хлоповъ... Лишь Осипъ-слуга
„исчезнулъ какъ будто въ народѣ
„И тамъ, гдѣ излишенъ прогресса комфортъ,
„встрѣчаются типы былыхъ Держимордъ...
„Почтенный Коробкинъ, затѣмъ Люлюковъ,
„а съ ними и самъ Растаковскій
„молчатъ въ засѣданіяхъ, и всѣхъ простаковъ
„чаруетъ ихъ взглядъ философскій.
„Въ различныхъ правленьяхъ, за мирный свой
трудъ,
„они пребольшіе оклады берутъ...
„Мѣняя свой видъ и шагая впередъ
„лишь только къ наживѣ пріятной,
„кружокъ ихъ интимный донынѣ живетъ
„на лонѣ земли необъятной,
„и съ ними, средь общей своей кутерьмы,
„нѣтъ-нѣтъ да порою и встрѣтимся мы...
„Великій сатирикъ! Полвѣка прошло
„съ тѣхъ поръ, какъ для нашего взора
„ты вывелъ такъ смѣло, правдиво, свѣтло
„знакомыхъ намъ лицъ „Ревизора".
„Они измѣнились... Но внутрь загляни,—
„внутри-то, пожалуй, всѣ тѣ же они!.." *)

Сказанное о „Ревизорѣ" цѣликомъ примѣнимо и къ „Мертвымъ Душамъ", типы которыхъ также служатъ олицетвореніемъ отсутствія общественныхъ инстинктовъ. И здѣсь Гоголь беретъ, такъ сказать, „соль земли" — чиновниковъ и помѣщиковъ,—правда, провинціальныхъ, но все же—восходя отъ помѣщицы глухого уѣзда до высшей губернской администраціи. Но и здѣсь эта „соль земли" оказывается утратившей свою силу. Снова предъ нами чиновники, можетъ быть, по своей природѣ и хорошіе, сердечные люди, но въ то же время крайне далекіе отъ сознанія важности и высшей отвѣтственности своего положенія,—именно.—высшей отвѣт-

*) Каллашъ, стр. 46—48.

ственности, т. е. отвѣтственности предъ обществомъ и высшимъ нравственнымъ закономъ, а не предъ уголовнымъ закономъ: вѣдь статьи уголовнаго закона чиновники знаютъ такъ же хорошо, какъ и способы обходить ихъ. Снова приходится вспомнить пожеланіе Бѣлинскаго, чтобы у насъ „по возможности“ исполнялись хотя бы тѣ законы, которые уже есть. Гоголь рисуетъ дальше уѣздныхъ помѣщиковъ и очень мало останавливается на крестьянахъ. Критика иногда упрекала Гоголя за непотноту изображенія русскаго быта именно въ виду отсутствія въ „Мертвыхъ Душахъ“ крестьянскихъ типовъ. Было ли дѣйствительно виною этого пробѣла въ изображеніи русской жизни недостаточное знакомство Гоголя съ широкими слоями крестьянства или другія причины, помѣшавшія ему окончить „Мертвыя Души“, судить трудно. Но, при видѣ коллекціи нравственныхъ уродовъ-помѣщиковъ, невольно самъ собою возставалъ вопросъ о долѣ крестьянина, а если на этотъ вопросъ не было у Гоголя прямого отвѣта, то косвенные выводы, которые можно было сдѣлать изъ изученія помѣщичьихъ типовъ, становились отъ этого едва ли не болѣе трагичными. Въ самомъ дѣлѣ: какъ жилось крестьянамъ мечтательнаго Манилова?—вѣроятно, не лучше, чѣмъ обитателямъ Некрасовской „Забытой деревни“. Какъ могла называться деревня Плюшкина?—„Заплатовымъ, Дырявинымъ, Разутовымъ, Знобишинымъ, Горѣловымъ, Нетловымъ, Неурожайкой-тожъ“. Какое понятіе о достоинствѣ человѣческой личности могло выработаться у крестьянъ, принадлежавшихъ кулаку-Собакевичу?—„Вамъ (помѣщикамъ) на роду написано блюсти крестьянство глупое, а намъ работать, слушаться, молиться за господъ“. Чѣмъ больше такихъ вопросовъ, тѣмъ печальнѣе будутъ отвѣты, ибо... дѣйствительность была еще печальнѣе. И если Гоголю не удалось изобразить сторону страдающую — крестьянство, зато онъ далъ рядъ яркихъ картинъ изъ стороны господствовавшей—помѣщичьи типы, уродливость которыхъ становится особенно замѣтной именно тогда, когда видишь въ нихъ не нравственно-низкихъ людей только, а именно помѣщиковъ, т. е. представителей извѣстнаго сословія, которому не только принадлежали извѣстныя права, но на которомъ лежали еще и большія обязанности. А сознанія именно обязанностей у

помѣщиковъ мы не видимъ, и Гоголь задается цѣлью вызвать это сознаніе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гоголю дѣйствительно удалось стать на новую точку зрѣнія при изображеніи жизненныхъ явленій — на точку зрѣнія общественную. Онъ сталъ прилагать мѣрку большей или меньшей нормальности къ каждому явленію, какъ къ ступени естественнаго соціальнаго развитія. Явленія жизни вышли изъ предѣловъ нормальныхъ законовъ общественной жизни и изъ рамокъ естественности, — и Гоголь указалъ на это обществу въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Въ этомъ его великая заслуга.

Но Гоголь на этомъ не остановился и захотѣлъ дать рядъ положительныхъ совѣтовъ по вопросамъ общественнаго быта. Не стану излагать той системы воззрѣній, которую предложилъ Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“: эти воззрѣнія много разъ излагались, и если среди нихъ есть много очень дѣльныхъ взглядовъ, проникнутыхъ глубокимъ нравственнымъ чувствомъ и искреннею религіозностью, то наряду съ этими высокими взглядами высказано (и даже отчасти въ противорѣчіи съ ними) не мало прямо-таки непріемлемыхъ мыслей объ общественныхъ отношеніяхъ. Въ знаменательный день, когда *чтится* память полезнаго дѣятеля—великаго писателя, тяжело было бы вспомнить тѣ ошибки, которыя явились отчасти какъ слѣдствіе тяжелой болѣзни, отчасти какъ результатъ добраго желанія помочь обществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неяснаго сознанія, чѣмъ именно можно помочь. Несомнѣнно, поэтъ во многомъ заблуждался, но не за эти ошибочные совѣты мы любимъ и цѣнимъ Гоголя: вѣдь ошибки отпали и забылись:

„краски чуждыя, съ лѣтами,
„спадаютъ ветхой чешуей;
„созданье генія предъ нами
„выходитъ съ прежней красотой“.

Красота же созданія генія Гоголя—въ гуманности чувства, въ призывѣ милости къ падшимъ, въ честномъ, открытомъ указаніи обществу на его болѣзнь, на язвы общественности, въ томъ высокомъ идеалѣ вѣчной правды, который

чувствуется въ каждой строкѣ Гоголя, и, наконецъ, въ горячей любви къ родинѣ. Въ проведеніи въ жизнь и сознаніе общества этихъ мотивовъ—значеніе Гоголя въ исторіи развитія русской общественной мысли. Въ этомъ же—исполненіе той задачи, которую всегда ставилъ себѣ великій поэтъ —служеніе обществу. Если въ первые годы дѣятельности у Гоголя къ этой задачѣ иногда присоединялась нѣкоторая доля жажды славы, какъ личнаго счастья, то зато, когда Гоголь окончательно вышелъ на путь литературной дѣятельности, онъ почувствовалъ свою тѣснѣйшую связь съ своими „странными героями", и тогда то главнымъ и единственнымъ побужденіемъ къ творчеству стало служить для него благо ближняго, и онъ служилъ этому благу своимъ талантомъ. Благо ближняго понималось имъ и какъ благо каждаго члена общества въ отдѣльности, такъ и цѣлаго общества. Справедливы поэтому слова поэта о немъ:

„Въ Гоголѣ каждомъ увидишь твореніи
Руководящую нить:
Къ злу снисхожденіе, злу—всепрощеніе
Мастеръ великій умѣетъ вселить!
Дай Богъ, чтобъ Русь нашу, съ тою же силою,
Крѣпко, какъ Гоголь, любилъ весь народъ!
Пусть же, какъ смертный, и взятъ онъ могилою—
Имя его не умретъ" *).

*) Каллашъ, стр. 50.

Великій меланхоликъ [1]).

Рѣчь приватъ-доцента В. О. Лазурскаго.

Кто бывалъ въ Москвѣ на кладбищѣ Даниловскаго монастыря, тотъ знаетъ скромную могилу Гоголя. Простой крестъ, обитый мѣдными листами; четырехугольный надгробный камень чернаго мрамора, и на немъ золотыми буквами знакомыя всѣмъ слова: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся".

Недавно кто-то заявлялъ печатно, что не нашелъ этихъ словъ у пророка Іереміи. Да, ихъ нѣтъ въ русскомъ переводѣ Библіи, но они есть въ славянскомъ переводѣ и оттуда взяты: „Понеже *горькимъ словомъ моимъ посмѣюся*, отверженіе и бѣдность наведу, яко быть въ поношеніе мнѣ слово Господне, и въ посмѣхъ весь день" (Книга пророка Іеремія, гл. XX, ст. 8). Это мѣсто туманно и, очевидно, переведено съ греческаго не точно. Въ русскомъ переводѣ Библіи, сдѣланномъ съ еврейскаго, это мѣсто изъ Іереміи совершенно ясно, но въ немъ исчезла фраза: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся". Оно переведено такъ: „Ибо лишь только начну говорить я, кричу о насиліи, вопію о разореніи; потому что слово Господне обратилось въ поношеніе мнѣ и въ повседневное посмѣяніе".

Исчезла фраза, которую мы привыкли связывать съ духовнымъ образомъ Гоголя; но она осталась выгравирован-

[1]) Рѣчь эта должна была быть произнесена въ Университетѣ 20 марта 1909 г., но, въ виду тяжкой болѣзни жены автора, была отложена и произнесена на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Одессѣ 26 апрѣля 1909 г., въ день открытія памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ.

ной надъ его гробомъ, она врѣзалась въ наше сознаніе. Смѣхъ и горе, неразрывно связанные—какая интересная тема для размышленія!

Есть психологическій законъ, по которому продолжительный смѣхъ смѣняется у человѣка грустнымъ настроеніемъ, а взрывы хохота вызываютъ физіологическое чувство боли и слезы. Байронъ въ „Беппо“ и „Донъ-Жуанѣ“ далъ превосходные образцы то легкаго, беззаботнаго, то задорнаго стиля; въ такихъ сатирахъ, какъ „Видѣніе Суда“, онъ обнаруживаетъ способность къ уничтожающему, безпощадному смѣху: а жена Байрона называла его „самымъ меланхоличнымъ изъ всѣхъ людей“. Изъ русскихъ писателей нѣтъ равнаго Гоголю по силѣ и заразительности смѣха, а Пушкинъ назвалъ Гоголя „великимъ меланхоликомъ“. Удивительный контрастъ! Писатель, который всю жизнь, казалось, только и дѣлалъ, что заставлялъ своихъ читателей смѣяться, подъ конецъ жизни испытывалъ приступы такой угнетающей тоски, что избавленіе отъ нея онъ надѣялся найти лишь въ истощающемъ постѣ и монашеской молитвѣ. Незадолго до смерти Гоголь писалъ своимъ сестрамъ: „Я бы хотѣлъ, чтобы тѣло мое было погребено если не въ церкви, то въ оградѣ церковной, и чтобы панихиды по мнѣ не прекращались!“ Онъ не надѣялся на свои „черствыя, безсильныя“ молитвы и „вопіялъ о помощи“ къ другимъ, умоляя церковныхъ подвижниковъ, родныхъ и друзей молиться за него. Писатель какъ-будто предчувствовалъ свою собственную душевную трагедію, когда бросилъ вскользь парадоксальную мысль: кто больше всего смѣется, тотъ больше всего и плачетъ.

По словамъ Гоголя въ „Авторской исповѣди“, ни онъ, ни его школьные товарищи никогда не думали, что ему придется быть комическимъ и сатирическимъ писателемъ. Отъ природы характеръ его былъ меланхолическій. Его первыя литературныя упражненія были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Но знакомые ему съ ранняго возраста припадки непонятной тоски, усиливаемые, быть можетъ, болѣзненнымъ состояніемъ организма, смѣнялись такой же безпричинной потребностью развлекать себя, шутить и заставлять смѣяться другихъ. Тогда голова его наполнялась забавными образами и картинами, и изъ-подъ

пера его выходили тѣ лукаво-добродушныя и смѣшныя страницы „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, надъ которыми помирали со смѣху, по словамъ Пушкина, первые наборщики этой книги. Но удивительно, что одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ юношескихъ разсказовъ Гоголя—„Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“—заканчивается грустной фразой: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа“!

Какъ истинно великій писатель, Гоголь рано сталъ задумываться надъ тѣмъ, въ чемъ заключаются авторскія обязанности? для чего онъ пишетъ? что долженъ сказать такой-то характеръ, такое то явленіе? Отъ беззаботнаго и безсознательнаго смѣха онъ переходилъ къ сознательной сатирѣ. Старшіе друзья и учителя Гоголя—Пушкинъ и Жуковскій—помогли ему выработать взглядъ на значеніе искусства. Передъ мысленнымъ взоромъ Пушкина носился образъ поэта-пророка, которому Богъ указалъ „глаголомъ жечь сердца людей“. Для Жуковскаго поэзія была „земная сестра небесной религіи“. И Гоголю было знакомо то чувство, когда „грозная вьюга вдохновенья подымается изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье головы“. Онъ чувствовалъ, что рожденъ не простымъ забавникомъ и пересмѣшникомъ. Ему суждены высшія задачи. Смѣхъ можетъ быть страшнымъ оружіемъ. Часто люди, которые ничего не боятся, опасаются быть осмѣянными на виду у всѣхъ. Но если сила смѣха такъ велика, то ее не слѣдуетъ тратить попустому. Если ужъ смѣяться, то смѣяться не даромъ, съ сознаніемъ, что ты исполняешь свой долгъ писателя, что и ты полезенъ своему государству. Такъ думалъ Гоголь, и въ такомъ настроеніи писалъ онъ „Ревизора“ и „Мертвыя души“.

Для насъ это—полныя жизни картины Николаевскаго времени, написанныя поразительно вѣрно и широко, такъ что они говорятъ намъ не меньше, а иногда больше, чѣмъ исторія. На современниковъ гоголевскія картины дѣйствовали еще сильнѣе. Современники видѣли, что авторъ съ удивительной проницательностью и смѣлостью раскрывалъ самыя темныя стороны русской общественной жизни. Чего только не могъ сдѣлать въ Николаевское время чиновникъ, когда всѣ усилія правительства были направлены на то,

чтобы связать Россію крѣпкой чиновничьей сѣтью! Чего только не дѣлалъ тогда помѣщикъ, вершитель судьбы подвластныхъ ему крестьянскихъ „душъ“! И въ это самое время явился писатель, художественные образы котораго какъ будто бы говорили современникамъ: всмотритесь въ свою общественную жизнь и подумайте, такъ ли хорошъ вашъ общественный строй, какъ вы полагаете въ своей безпечности или патріотическомъ ослѣпленіи. Что даютъ русскому народу чиновники, которые берутъ съ него такъ много? Ваши городничіе—самовластные грабители, какъ Сквозникъ-Дмухановскій; ваши судьи—лѣнивые дармоѣды, какъ Тяпкинъ-Ляпкинъ. Заботу о народномъ здравіи вы поручаете такимъ невѣждамъ, какъ Земляника и Гибнеръ, а народное образованіе такимъ тупицамъ, какъ Хлоповъ. Русскіе чиновники не знаютъ и не хотятъ знать, гдѣ кончается законъ и начинается произволъ, и если почмейстеръ Шпекинъ читаетъ для собственнаго удовольствія переходящія черезъ его руки письма, то это лишь одинъ изъ многихъ, сравнительно безобидный образчикъ наивнаго непониманія своихъ правъ и обязанностей. А русскіе помѣщики, которымъ вручена „отеческая“ власть надъ милліонами крестьянъ! Пользуясь даровымъ трудомъ, они до того облѣнились и опустились, что разоряютъ крестьянъ и разоряются сами, какъ Маниловъ и Ноздревъ. Если хорошій хозяинъ превратится въ такого скрягу, какъ Плюшкинъ, который жадно собираетъ плоды чужихъ трудовъ, чтобы безсмысленно ихъ губить, кто поспѣшитъ на помощь крестьянамъ? Чиновники и помѣщики поддерживаютъ другъ друга, и благообразный плутъ и „пріобрѣтатель“ Чичиковъ всегда найдетъ друзей и защитниковъ въ обществѣ, которое сквозь пальцы смотритъ на свои и чужіе грѣшки и плутни.

Таковъ былъ общественный смыслъ „Ревизора“ и первой части „Мертвыхъ душъ“. Гоголевскія картины говорили, что Россія Николаевскаго времени, могучая снаружи, была полна внутренними общественными болѣзнями. Такъ поняли Гоголя его современники, сторонники реформъ, обрадовавшіеся, что у нихъ есть союзникъ, который поможетъ имъ неотразимой силой своего искусства и смѣха разрушить отжившіе порядки. Такъ поняли Гоголя и тѣ изъ его современ-

никовъ, которымъ жилось хорошо при этихъ порядкахъ, и которые потому стали кричать, что онъ „оболгалъ“ цѣлыя сословія, что онъ „зажигатель и бунтовщикъ“.

Какъ ни увѣренъ былъ Гоголь въ силѣ смѣха, но и онъ былъ пораженъ дѣйствіемъ своихъ сочиненій. Онъ сталъ на глазахъ у цѣлой Россіи, какъ обличитель „великой неправды“, призывающій честныхъ и благородныхъ людей, „спасать родную землю“. Но развѣ не рисковано брать на себя такую роль, и развѣ легко ее выполнить?

Когда пророкъ Іеремія обличалъ знатныхъ руководителей іудейскаго народа, которые довели его своими пороками до Вавилонскаго плѣненія, онъ говорилъ не отъ себя, а отъ имени Господа. „Они сдѣлались тучны, жирны, переступили даже всякую мѣру во злѣ, не разбираютъ судебныхъ дѣлъ, дѣлъ сиротъ, благоденствуютъ и справедливому дѣлу нищихъ не даютъ суда. Неужели Я не накажу ихъ за это?—говоритъ Господь“ (V, 28—29). „И простеръ Господь руку свою и коснулся устъ моихъ, и сказалъ Господь: вотъ, Я вложилъ слова Мои въ уста твои“ (I, 9).

И Гоголю казалось въ минуты вдохновенія, что имъ движетъ какая то Высшая Сила. Онъ чувствовалъ, „священную дрожь“; незримая рука „писала передъ нимъ могущественнымъ жезломъ“; „неестественной властью“ свѣтились его очи; когда же напряженіе, „львиной силы“ смѣнялось чувствомъ усталости, тоски и глубокаго отчаянія, онъ „ждалъ, какъ манны, орошающаго освѣженія свыше“.

Но не легко повѣрять свѣтскому писателю, да еще комику, когда онъ заговоритъ такимъ языкомъ. Большинство читателей, какъ граждане у Лермонтова, посмѣются надъ такимъ новоявленнымъ пророкомъ:

Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами.

Ученые критики и біографы будутъ подводить такого пророчествующаго комика подъ разрядъ психопатовъ и религіозно-помѣшанныхъ. Такъ случилось съ Гоголемъ. Намеки на душевную ненормальность Гоголя идутъ отъ его современниковъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ теоріи Ламброзо о психопатической организаціи великихъ

людей, врачи смѣлѣе заговорили о томъ, что Гоголь страдалъ или періодической меланхоліей, или паранойей, или другой какой-то своеобразной душевной болѣзнью, признаки которой не совпадаютъ вполнѣ ни съ одной изъ болѣзней описываемыхъ въ психіатріи. Знаменательно однако, что среди самихъ врачей это мнѣніе считается далеко не безспорнымъ, такъ какъ, предполагая, что въ Гоголѣ душевная болѣзнь продолжалась приблизительно послѣдніе десять лѣтъ жизни, нельзя объяснить многихъ фактовъ этого времени, свидѣтельствующихъ о здоровомъ состояніи его духа. Поэтому нѣкоторые врачи дѣлаютъ попытку свести все къ физической слабости и хроническому недомоганію, признаки котораго замѣчаются въ Гоголѣ послѣдніе 20 лѣтъ его жизни. По мнѣнію этихъ врачей, Гоголь былъ боленъ хронической маларіей, слѣдствіемъ которой были припадки меланхоліи и даже преждевременная старость. Противъ этой теоріи можно возразить, что припадки меланхоліи, какъ говорилъ самъ Гоголь, проявлялись у него съ ранняго возраста и были слѣдствіемъ его духовной организаціи, въ которой смѣна веселаго и печальнаго настроенія происходила гораздо рѣзче и обнаруживалась ярче, чѣмъ у другихъ людей. Невозможно отрицать, что физическія болѣзни временами были причиной упадка духа у Гоголя, о чемъ онъ самъ говоритъ. Однако вопросъ о болѣзняхъ Гоголя не можетъ имѣть для насъ такого рѣшающаго значенія для опредѣленія его настроеній и мыслей, какъ это думаютъ врачи. Историкъ литературы будетъ искать объясненія произведеній автора прежде всего въ его духовной организаціи, а потомъ во внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, выраженіе Пушкина „великій меланхоликъ“ нельзя понимать въ смыслѣ указанія на душевную болѣзнь Гоголя. Это выраженіе справедливо можное было бы приложить къ другимъ геніальнымъ сатирикамъ, напримѣръ, къ Свифту. Въ духовныхъ особенностяхъ, а не въ болѣзняхъ Гоголя, мы будемъ искать причину его душевной драмы.

Гоголь никогда не былъ практическимъ политикомъ или практическимъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ разсказывалъ, что въ молодости „сердце его разрывалось“ отъ

неправосудія, „величайшаго въ свѣтѣ несчастія“; онъ не терялъ надежды въ качествѣ чиновника послужить русскому государству. Но онъ ошибался, кога думалъ, что будетъ полезенъ, какъ практикъ-дѣлецъ. Дѣлецъ понялъ бы, какія политическія и общественныя реформы нужно произвести для того, чтобы хотя отчасти исправить то зло русской жизни, которое такъ вѣрно и ярко изобразилъ Гоголь въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. А самъ авторъ, пораженный дѣйствіемъ своего смѣха на современниковъ, возбужденіемъ, которое его сатира производила въ умахъ, стоялъ передъ глазами всѣхъ, какъ растерянный. Онъ началъ говорить, что никогда не думалъ смѣяться надъ коренными законами нашего государства, надъ правительственными формами: что онъ хотѣлъ лишь указать на самовольное извращеніе ихъ нѣкоторыми лицами, на неправильное толкованіе и дурное приложеніе ихъ. Чего другого можно было ожидать отъ поэта, никогда не занимавшагося и не интересовавшагося политикой, жившаго только искусствомъ, когда онъ увидѣлъ, что все, что ни есть въ Россіи, привлеченное необычайной силой его художественныхъ образовъ, „обратило на него полныя ожиданія очи“!

Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше дѣлался годенъ Гоголь, какъ практическій руководитель, потому что, чѣмъ зрѣлѣе становился онъ, тѣмъ больше углублялся въ рѣшеніе религіозныхъ и нравственныхъ вопросовъ. „Нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣческой, и что еще никто изъ душезнателей не восходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“, говоритъ Гоголь въ „Авторской исповѣди“. Христіанство онъ понималъ, какъ проповѣдь личнаго совершенствованія. Нужны прежде всего не политическія и соціальныя реформы, а внутренняя, нравственная реформа каждаго изъ насъ. Цѣлое будетъ совершенно, когда совершенны его составныя единицы. Такія мысли были положены Гоголемъ въ основу разсужденій объ обязанностяхъ человѣка въ разныхъ общественныхъ положеніяхъ. Эти разсужденія онъ издалъ подъ названіемъ „Выборныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“.

Книга произвела на большую часть почитателей таланта Гоголя удручающее впечатлѣніе. Главная причина заключалась не въ томъ, что нѣкоторые отдѣльные наставленія и примѣры были высказаны неловко и грубо, а въ томъ, что появленіе книги, проникнутой такимъ духомъ, было въ высшей степени несвоевременно, какъ думала та часть русскаго общества, которая въ 40-хъ и 50-хъ годахъ имѣла основаніе считать себя передовой, и которая руководила черезъ журналы общественнымъ мнѣніемъ. До освобожденія крестьянъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ великихъ реформъ—преобразованіе судовъ, введеніе земскихъ учрежденій, городового положенія и т. д.,—со времени появленія книги Гоголя должно было пройти еще немало лѣтъ. Но всѣ эти реформы, которыми передовые русскіе люди того времени надѣялись исправить недостатки общественной жизни, всѣ эти реформы уже назрѣвали. И вдругъ появляется книга уважаемаго писателя, который не только не поощряетъ къ практическимъ реформамъ для искорененія зла, имъ же описаннаго и осмѣяннаго, но отвлекаетъ отъ него вниманіе общества указаніемъ на отдаленные, почти недостижимые идеалы христіанскаго совершенствованія.

Главнымъ образомъ этой несвоевременностью появленія „Переписки съ друзьями“ объясняется, почему съ такимъ ожесточеніемъ стали нападать на Гоголя люди, которые всегда были горячими и искренними поклонниками его художественнаго и сатирическаго таланта. Бѣлинскій, больше всѣхъ критиковъ способствовавшій распространенію авторской славы Гоголя, теперь писалъ ему: „Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете“? Фраза эта была несправедливо жестока, и только больному въ послѣднемъ градусѣ чахотки Бѣлинскому могъ простить ее Гоголь. Но кругомъ онъ слышалъ почти единодушное мнѣніе, что новая роль проповѣдника совершенно не шла къ нему, что совѣты его непрактичны, наивны и потому могутъ вызывать или смѣхъ, или негодованіе. Въ Москвѣ былъ пущенъ слухъ, что Гоголь психически боленъ; намекали съ другой стороны, что онъ подслуживается къ

начальству, такъ какъ ему хочется получить мѣсто воспитателя наслѣдника престола.

Было отъ чего притти въ отчаяніе. Писатель, который и раньше былъ склоненъ впадать въ тяжкое раздумье надъ вопросомъ, къ чему послужатъ его сатирическія картины, хотѣлъ „воздать вѣку за наученье себя наученіемъ его“; но лишь только современники увидѣли, что онъ принялъ позу человѣка, взошедшаго на каѳедру съ книгой въ рукѣ для проповѣди, какъ со всѣхъ сторонъ послышались свистки, шиканье, ругательства.

Гоголь былъ потрясенъ. Послѣ мучительныхъ размышленій и безплодныхъ оправданій онъ согласился, наконецъ, что эта новая для него форма обращенія къ читателямъ не подходитъ къ свойствамъ его дарованія „Въ самомъ дѣлѣ, писалъ онъ Жуковскому, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни“!

Но было уже поздно возвращаться на испытанный и славный путь художественнаго творчества. Измученный физическими болѣзнями, Гоголь думалъ уже о смерти, о своей прошлой жизни, о своей душѣ. Ему хотѣлось еще быть полезнымъ людямъ. Онъ открылъ для себя истину, которая такъ долго отъ него скрывалась: нужно стремиться къ самоусовершенствованію въ духѣ ученія Христа. Гоголю казалось, что писатель, горящій желаніемъ совершенствоваться, зажжетъ въ своихъ читателяхъ такой же огонь. Нельзя возбуждать въ другихъ высокія чувства и мысли только при помощи воображенія, если самъ не пламенѣешь къ тому идеалу, на который указываешь. И Гоголь съ усиленнымъ вниманіемъ занялся своей душой, ища въ религіи средствъ къ ея очищенію. Вся энергія духа уходила на эту внутреннюю работу. Творчество изсякло. Напрасно надѣялся Гоголь, что обновленный нравственно онъ станетъ рисовать прекрасныя картины совершенной человѣческой жизни. Второй томъ „Мертвыхъ душъ“ подвигался медленно, и большая часть написаннаго сжигалась авторомъ, который самъ былъ недоволенъ своей работой.

Только самодовольная ограниченность или упорное доктринерство могутъ теперь омрачать память многострадальнаго писателя упреками, что онъ пересталъ давать художественно-цѣнныя произведенія въ концѣ жизни. Кто будетъ упрекать Боккачьо за то, что онъ подъ конецъ жизни бросилъ писать веселыя новеллы и даже думалъ постричься въ монахи? Лопе де-Вегу, который въ престарѣломъ возрастѣ постился до истощенія и такъ бичевалъ себя, что на полу оставались кровавые слѣды? Расина, который „въ ужасѣ къ самому себѣ“ хотѣлъ закончить свои дни въ картезьянскомъ монастырѣ? Гоголь самъ сказалъ: „нѣтъ высшаго наслажденія, какъ наслажденіе творить“, и если подъ конецъ жизни онъ не могъ наслаждаться творчествомъ, то потому что есть предѣлъ человѣческимъ силамъ, потому что лучшая пора у каждаго человѣка бываетъ только однажды.

Но и того, что сдѣлалъ Гоголь, слишкомъ достаточно, чтобы назвать его „великимъ“, какъ назвалъ его печатно Тургеневъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Гоголя, когда въ печати, по какому-то удивительному затемнѣнію умовъ властей, было запрещено даже упоминать имя великаго сатирика. Гоголь великъ не только потому, что оставилъ богатѣйшую коллекцію картинъ русской жизни, написанныхъ съ поразительной правдой, силой и красотой; не только потому, что онъ, какъ писатель, далъ оригинальнѣйшіе образцы языка и техническихъ пріемовъ въ обрисовкѣ лицъ и событій. Этотъ, такъ называемый натуралистъ, великъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ душѣ его всегда жило стремленіе къ совершенству, къ Богу. Такимъ душамъ неизбѣжно знакома тоска, потому что они строги къ себѣ и сознаютъ ограниченность человѣческихъ силъ. Такія души неизбѣжно будутъ смѣяться горькимъ смѣхомъ. Писатель съ такой душой не можетъ смотрѣть на свое занятіе, какъ на простое развлеченіе или выгодное ремесло, дающее хорошій заработокъ. Незадолго до смерти Гоголь писалъ сестрѣ, что его, быть можетъ, не на что будетъ похоронить. „Я могъ бы имѣть средства, говорилъ онъ въ другомъ письмѣ (къ А. Орлову), если бы рѣшился выдать мои сочиненія въ неоконченномъ видѣ. Но на это не рѣшусь ни-

когда. Есть, слава Богу, совѣсть, которая не позволитъ этого даже въ томъ случаѣ, если бы я очутился въ послѣдней крайности".

Писатель, такъ строго относящійся къ печатному слову, проникнутый такой серьезной мыслью о святости своего призванія, можетъ быть поставленъ, какъ великій образецъ. Не надо быть малороссомъ, чтобы безгранично любить Гоголя и восхищаться имъ. Малороссія дала его Россіи. Отъ Россіи узнаетъ его Европа. Неугасаемая искра вѣчнаго духа, онъ будетъ принадлежать всему человѣчеству!

ГОГОЛЬ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Рѣчь проф. С. Г. Вилинскаго [1]).

Когда появились первыя повѣсти Гоголя, ихъ встрѣтила восторженная критика Бѣлинскаго, усмотрѣвшаго въ нихъ „простоту вымысла, народность, совершенную истину жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія". Послѣдующія произведенія, гдѣ Гоголь раскрывалъ разнаго рода общественные недуги и обличалъ „пошлость пошлаго человѣка", вызывали сочувственные отзывы со стороны критики и создавали Гоголю славу, которая не подверглась помраченію даже въ ту эпоху, когда умалялось значеніе „солнца русской поэзіи"—Пушкина.

Однако, при всемъ сознаніи важности заслугъ Гоголя предъ русской литературой и нашимъ общественнымъ самосознаніемъ, до настоящаго времени не можетъ считаться порѣшеннымъ окончательно вопросъ о мѣстѣ творчества Гоголя въ исторіи русской литературы: въ то время, какъ одни ставятъ его во главѣ писателей новаго періода, „Гоголевскаго", другіе видятъ въ немъ лишь завершеніе стараго, лишь конечный результатъ процесса развитія литературы, начавшагося отъ эпохи Фонвизина и стремившагося къ освобожденію русской литературы отъ иноземныхъ вліяній.

На разсмотрѣніи этого вопроса я и намѣреваюсь остановить Ваше вниманіе.

---

[1]) Рѣчь эта должна была быть прочитана въ публичномъ засѣданіи Историко-филологическаго об-ва 22 марта 1909, но въ виду болѣзни автора была произнесена 26 апрѣля, на Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Поставимъ, первымъ дѣломъ, вопросы: *какъ* и *что* сказалъ Гоголь русскому обществу своими произведеніями?

На первый вопросъ,—какъ создавалъ, какъ творилъ Гоголь?—отвѣтъ получится общеизвѣстный: здѣсь будетъ указаніе и на картинность языка, и на „комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія", т. е. на юморъ, и, наконецъ, на реализмъ Гоголя, т. е. на тотъ именно признакъ, который считается особенно характернымъ для Гоголя и его школы.

Но дѣло будетъ въ томъ, во-первыхъ, насколько эти качества были у Гоголя оригинальны, а, во-вторыхъ,—насколько они даютъ право Гоголю считаться родоначальникомъ новаго литературнаго направленія?

Разсмотримъ подробнѣе.

Картинный, красивый, „огненный" языкъ Гоголя, несомнѣнно, составлялъ отличительное, индивидуальное свойство его таланта. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи его первыя, малорусскія повѣсти, гдѣ общій локальный колоритъ сохраненъ не только въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, но даже въ описательныхъ и повѣствовательныхъ частяхъ, идущихъ отъ лица автора. Особенное значеніе это свойство таланта Гоголя пріобрѣтаетъ, если вспомнимъ, что здѣсь же сказывалась и народность и художественность его поэзіи: чтобы заставить каждое дѣйствующее лицо говорить именно тѣмъ языкомъ, который ему былъ присущъ, свойствененъ, надо было хорошо знать изображаемые типы, надо было хорошо воспринять и перечувствовать извѣстную категорію явленій,—чтобы воспроизведеніе являлось вѣрнымъ даже въ деталяхъ, даже въ мелкихъ подробностяхъ названій и обыденной фразеологіи. Само по себѣ, это свойство указываетъ на громадный художественный талантъ Гоголя. Но если принять во вниманіе, что раньше Гоголя и одновременно съ нимъ совершалъ свою великую реформу Пушкинъ, что именно Пушкину принадлежитъ заслуга постановки на очередь и рѣшенія вопроса о языкѣ литературныхъ произведеній,—придется сознаться, что въ этой области Гоголь не былъ новаторомъ. А если въ *силѣ* художественности и образности своего языка онъ могъ соперничать съ Пушкинымъ, то—вѣдь это было его индиви-

дуальное качество, которое никоимъ образомъ не могло быть приписано послѣдующей литературной школѣ.

Перейдемъ къ юмору. „Комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и уныніи“ — есть также несомнѣнное достояніе Гоголя, но и это достояніе носитъ такой же индивидуальный характеръ, какъ и вышеупомянутая образность языка. Извѣстна исторія Гоголевскаго смѣха, сначала смѣха шутливаго, безобиднаго и безцѣльнаго, затѣмъ—„смѣха сквозь слезы“, явившагося тогда, когда въ душѣ поэта начинало назрѣвать сознаніе пошлости жизни, а затѣмъ и „смѣха горькаго“, когда поэтъ сталъ выставлять на осмѣяніе такія явленія, которыя менѣе заключали въ себѣ смѣшного, чѣмъ грустнаго, которыя нужно было осмѣять, дабы внушить имъ отвращеніе, нужно было обнажить, чтобы ихъ отрицательныя качества стали для всѣхъ очевидны. А когда этотъ „горькій смѣхъ“ привелъ Гоголя къ представленію о необходимости создать положительные образы и начертать положительные пути жизни, даже уже не путемъ поэтическаго творчества, а путемъ публицистическихъ трактатовъ,—тогда предъ нами развертывается послѣдній актъ великой жизненной драмы Гоголя, послѣдній моментъ великой борьбы, отличавшей его „жизнь мысль и страданія“. Но, съ точки зрѣнія этого момента, „смѣхъ“ предыдущихъ произведеній есть рядъ ступеней послѣдовательнаго развитія индивидуальнаго чувства Гоголя. И опять-таки, составляя личное достояніе Гоголя, его „смѣхъ“ не даетъ, самъ по себѣ, основанія относить его къ опредѣленной литературной школѣ.

Остается третья заслуга Гоголя—его реализмъ. Но и здѣсь, какъ увидимъ, едва ли принадлежитъ первое слово ему. Въ самомъ дѣлѣ, если истинная поэзія чужда предвзятости и дидактизма, если истинная поэзія должна рисовать правду жизни безъ прикрасъ, если простота и естественность должны стоять на первомъ мѣстѣ для автора, то можемъ ли мы отказать въ этомъ Пушкину? Можемъ ли мы, хотя бы въ день Гоголевскаго праздника, забыть великую заслугу великаго предшественника Гоголя? Вѣдь, Пушкинъ и только Пушкинъ былъ нашимъ первымъ поэтомъ-реалистомъ: отъ поэзіи любви, вина и веселья, а также

отъ байроническихъ типовъ Пушкинъ обратился къ изображенію народной жизни въ широкихъ ея проявленіяхъ. Тогда на страницахъ его произведеній замелькали: и свѣтскій денди, прототипъ „лишняго человѣка"—Онѣгинъ, и кузнецъ Архипъ, спасющій во время пожара кошку, и надменный помѣщикъ стараго закала—Троекуровъ, и преданный крѣпостной слуга Савельичъ, и барышня-крестьянка, и станціонный смотритель, и старый гробовщикъ, и инвалидный гарнизонъ забытой Бѣлогорской крѣпости,—и длинный, длинный рядъ типовъ, въ которыхъ русская дѣйствительность отражалась, какъ въ зеркалѣ, гдѣ поэтъ не закрывалъ взора предъ пороками (а иногда даже сгущалъ краски въ ущербъ художественности, напр., въ образѣ романтическаго злодѣя—Швабрина или Мазепы). Поэтъ самъ сознается, что „лѣта клонятъ" его „къ суровой прозѣ и гонятъ шалунью-риему". И эта „проза" выступила предъ нимъ не только въ видѣ немѣрной рѣчи,—она была въ жизни, въ реальности, дѣйствительности самой жизни.

Когда Гоголь еще только выходилъ на поприще литературной дѣятельности, Пушкинъ уже успѣлъ намѣтить новые пути для русской поэзіи. Къ этому времени, говоритъ одинъ изъ критиковъ, „естественность, простота и правдивость—эти качества новѣйшей литературы, замѣнившія собою чужія наслоенія,—и въ поэзіи самого Пушкина заступаютъ мѣсто чужихъ вліяній и именно тѣхъ самыхъ, которыя держали во власти всю русскую литературу".

Гоголь это хорошо сознавалъ, и въ этомъ, конечно, была его немаловажная заслуга: онъ направилъ свое творчество не въ сторону „романтическихъ порывовъ", не въ сторону отвлеченностей, мало общаго имѣвшихъ съ дѣйствительностью,—а въ сторону именно этой дѣйствительности, какъ бы она ни казалась печальною даже для поверхностнаго наблюденія.

Итакъ, и картинность языка и юморъ и реализмъ—это все то, чѣмъ пріемы творчества Гоголя отличались отъ пріемовъ многихъ его современниковъ, тогдашнихъ писателей. Но часть этихъ достоинствъ обща Гоголю съ другими дѣятелями нашей литературы, часть, составляя исключительно его собственное индивидуальное достояніе, именно

въ силу этой индивидуальной принадлежности Гоголю, не могла создать ему мѣсто новатора, ибо не могла стать достояніемъ литературной школы. Я хочу сказать, что, если мы станемъ разсматривать только тѣ пріемы творчества Гоголя, которые обычно вмѣняются ему въ главную заслугу, то придется или отнести его къ старой школѣ или создать ему въ нашей поэзіи совсѣмъ обособленное мѣсто, вродѣ того, которое занимаетъ въ ней Лермонтовъ, индивидуалистъ до крайности.

Для того, чтобы понять истинное значеніе Гоголя, необходимо взглянуть на дѣло шире,—надо рѣшить второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ,—*что* создалъ Гоголь?

Только рѣшивши этотъ вопросъ, можно будетъ опредѣлить и мѣсто Гоголя въ исторіи русской литературѣ и, можетъ быть, открыть такіе принципы и пріемы творчества его, которые, принадлежа Гоголю по преимуществу, легли въ основу послѣдующей литературы.

Оставляя въ сторонѣ малорусскія повѣсти, носящія характеръ этнографическихъ картинъ, иногда чуждыхъ даже идейности, возьмемъ въ разсмотрѣніе повѣсти Петербургскаго періода, „Ревизоръ“, „Мертвыя Души“. Здѣсь мы встрѣтимъ довольно большой кругъ типовъ: помѣщики, уѣздная администрація, столичные чиновники, купцы, крѣпостые слуги, отчасти крестьяне и т. д. Обращаясь къ каждой категоріи типовъ, Гоголь анализируетъ сущность даннаго типа, ставитъ носителя типическихъ чертъ въ такія условія, что черты эти обнаруживаются, такъ сказать, исчерпывающимъ образомъ.

Что же находитъ Гоголь въ душѣ своихъ героевъ?

Первымъ дѣломъ—утраченное человѣческое достоинство. Это скорбь о человѣкѣ, какъ вѣнцѣ творенія, забывшемъ свое предназначеніе, у Гоголя слышна повсюду: и въ скромной усадьбѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, скоротавшихъ свою жизнь за ѣдою, питьемъ и угощеніемъ другихъ и умирающихъ безъ представленія объ иной, болѣе осмысленной жизни; и въ усадьбѣ выжившаго изъ ума и потерявшаго человѣческій образъ Плюшкина; и на балу у губернатора, гдѣ пошлость и пустота жизни выступаютъ во всѣ моменты—отъ стремленія дамъ привлечь къ себѣ расположеніе Чичи-

кова до того, когда „пошла писать губернія", увлеченная танцами. И чѣмъ выше по общественному положенію люди, изображаемые авторомъ, тѣмъ тяжелѣе для автора и читателя видѣть у нихъ нарушеніе общечеловѣческихъ идеаловъ, оскорбленіе идеальной мечты о разумномъ, осмысленномъ существованіи человѣка.

Не забудемъ, что указанныя выше произведенія появились именно тогда, когда Гоголь сознательно пошелъ въ борьбу противъ порока, когда пошлость жизни стала особенно ощутительно вызывать въ его сознаніи мысль о торжествѣ Вѣчной Правды, о торжествѣ лучшихъ началъ въ человѣкѣ. Поэтъ не ограничивается осмѣяніемъ пошлости,—онъ ищетъ идеальныхъ проявленій человѣческой натуры — и даже находитъ ихъ. Онъ находитъ ихъ тамъ, гдѣ, казалось, заглохли всѣ человѣческія чувства: на деревянномъ лицѣ Плюшкина блеснула улыбка при воспоминаніи о другѣ дѣтства: у ставшаго механическимъ орудіемъ для переписки бумагъ чиновника явился завѣтный идеалъ, предметъ страданій, таѣныхъ думъ и любви—мысль о новой шинели,—мысль, которая на время сдѣлала его жалкое прозябаніе небезцѣльнымъ... На этихъ крупицахъ поэтъ останавливается и разсматриваетъ ихъ, какъ драгоцѣнность. Горькій вопль вырывается у него при видѣ Плюшкина: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? и похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ"...

Велика была душа поэта, который всю жизнь горѣлъ огнемъ любви къ человѣку, который „не зналъ выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ", который мечталъ лишь о томъ, чтобы видѣть человѣка достигшимъ своего высшаго предназначенія. Но тяжела была, очевидно, и та дѣйствительность, гдѣ сознаніе чувства человѣческаго достоинства надо было собирать крупицами, гдѣ, говоря словами Бѣлинскаго, чувство человѣческаго достоинства столько вѣковъ потеряно было въ грязи и сорѣ.

Гоголь подходитъ ближе къ этой дѣйствительности, становится уже не на точку зрѣнія правъ и достоинства человѣческой личности, а на точку зрѣнія условій и нормъ существованія самаго общества, и здѣсь то картина оказы-

вается еще печальнѣе. Повсюду обнаруживается пошлость и пустота жизни, повсюду недостатки, вытекающіе изъ отсутствія сознанія долга каждаго предъ обществомъ: помѣщики плохи, ибо не заботятся о крестьянахъ, или выжимая изъ нихъ послѣднія соки (Плюшкинъ), или предоставляя ихъ произволу приказчиковъ (Маниловъ), или попросту разсматривая ихъ, какъ рабочій скотъ, какъ вещь (Собакевичъ); чиновники плохи, ибо берутъ взятки, нарушаютъ законы, не исполняютъ своихъ служебныхъ обязанностей или исполняютъ ихъ превратно, глядя на службу, какъ на источникъ обогащенія или удовольствія (почтмейстеръ, вскрывающій письма изъ любопытства; судья, охотящійся на поляхъ жалобщиковъ); уѣздныя дамы—плохи, ибо это не матери и не жены,—это или кокетки, занимающіяся только разговорами о нарядахъ и грѣшкахъ другъ друга, или домовитыя хозяйки-кулаки, вродѣ Коробочки. Все общество оказывается плохимъ, и знаменателенъ тотъ фактъ, что даже среди дѣтскихъ типовъ Гоголь не нашелъ положительныхъ: Ѳемистоклюсъ и Аклидъ Маниловы и сыновья Петра Петровича Пѣтуха —типы одной категоріи, которые могутъ развѣ только вызвать мысль, что Гоголь пессимистически смотрѣлъ и на будущее современнаго ему общества.

И было, отчего въ ужасъ прійти: Гоголь сумѣлъ въ лицахъ своихъ героевъ дать не только типы просто порочныхъ людей,—онъ указалъ въ нихъ дѣятелей общества, представителей опредѣленнаго общественнаго класса и при томъ класса, руководящаго всею страною. Въ этомъ классѣ обнаруживалось полное отсутствіе представленія о человѣческомъ достоинствѣ и о гражданскихъ обязанностяхъ. Какъ же можетъ развиваться и существовать такое общество, въ которомъ „глава прогнила“? Вопросъ былъ роковой, и самъ Гоголь остановился предъ нимъ въ недоумѣніи. А между тѣмъ правда жизни поражала взоръ своей реальностью: нельзя было, говоря о плутняхъ городничаго или другихъ чиновниковъ, забыть, что это не просто плутоватые люди, что это чины уѣздной администраціи и что ихъ плутни отзываются на населеніи,—и у Гоголя является серія обывательскихъ типовъ (купцы, унтеръ-офицерша, слесарша), которые подтверждаютъ, что порочность чиновниковъ—зло

общественное; трудно было упустить изъ виду, что Маниловы, Собакевичи и Плюшкины—не только нравственные уроды, но еще и помѣщики,—и въ результатѣ—Гоголь даетъ картины деревень этихъ помѣщиковъ, какъ нельзя лучше иллюстрирующіе результаты дѣятельности владѣльцевъ.

Иными словами, Гоголь перенесъ недостатки отдѣльныхъ личностей въ обстановку общественности,—и тогда то сказалась во всей полнотѣ справедливость картины Россіи, начертанный Хомяковымъ (правда, уже въ 1854 г.):

„Въ судахъ черна неправдой черной
„И игомъ рабства клеймена;
„Безбожной лести, лжи тлетворной,
„И лѣни мертвой и позорной
„И всякой мерзости полна".

Эта новая, общественная точка зрѣнія, въ сущности, явилась въ нашей литературѣ впервые именно у Гоголя. Правда, тѣ недостатки помѣщиковъ и чиновниковъ, которые осмѣяны Гоголемъ, обличались и раньше него во многихъ произведеніяхъ нашей сатиры, начиная съ конца XVIII вѣка, въ сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени, и у Фонвизина, Грибоѣдова, Крылова, Капниста. Но тамъ пороки высмѣивались или во имя высшаго нравственнаго идеала или во имя попиравшагося закона. У Гоголя они осмѣиваются во имя интересовъ общества, во имя высокаго соціальнаго идеала, который первымъ условіемъ общаго блага ставитъ работу всѣхъ на пользу этого блага и который строго осуждаетъ все, что идетъ въ разрѣзъ съ идеею общаго соціальнаго благоденствія.

Нельзя забыть, что эта точка зрѣнія не только была новою въ литературѣ,—она еще была свидѣтельствомъ гражданскаго чувства самого автора. Вѣдь это было темное время полнаго торжества „теоріи оффиціальной народности", когда публицистики у насъ не существовало, когда литература еле прозябала въ тискахъ цензуры. Едва ли нужно приводить на память тѣ затрудненія, съ какими удавалось Гоголю печатать свои произведенія: цензоръ вычеркивалъ слова: „Бонапартъ ты проклятый", произносимыя Селифаномъ по адресу лошади; „правителей" цензоръ передѣлывалъ въ „секретарей" (въ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ).

„генерала“ въ „чиновника“ (тамъ же), и осторожно замѣнялъ слова: „статскій совѣтникъ, по русскому обычаю, съ горя запилъ“ словами: „статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ то погибъ въ глуши“. Сочиненія Гоголя послѣ его смерти были разрѣшены къ печати съ превеликимъ трудомъ и послѣ сильныхъ хлопотъ и при томъ лишь тогда, когда Дубельтъ подтвердилъ, что „вообще направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе или возбуждаетъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ“. Конечно, раньше печатанія рука цензора широко прошлась по рукописи. Вспомнимъ, наконецъ, что послѣ смерти Гоголя объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ, такъ что взамѣнъ его имени въ печати начали употреблять выраженіе: „извѣстный писатель“.

Въ такихъ условіяхъ, обличать общественныя язвы было, быть можетъ, гораздо большимъ гражданскимъ подвигомъ, чѣмъ, напр., въ эпоху 60-хъ годовъ. И предъ этимъ подвигомъ не остановился Гоголь, имѣя впереди лишь одну цѣль:—исправленіе общества.

Интересна та вѣра въ могучія силы народа, которую высказываетъ Гоголь и которая, повидимому, была единственнымъ просвѣтомъ для него въ тинѣ тогдашней житейской пошлости. Видя духовное убожество высшихъ классовъ, поэтъ обращается къ народу, къ Руси съ призывомъ возрожденія и съ вопросомъ о будущемъ: „Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все остается позади... Русь, куда же несешься ты?.... Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторанниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

Тарасъ Бульба у Гоголя является національнымъ стихійнымъ богатыремъ, который вызываетъ у поэта надежду на неизсякаемый источникъ народныхъ силъ. Мать-казачка, живущая непосредственнымъ, но горячимъ чувствомъ материнской любви, неизмѣримо выше стоитъ въ сознаніи Гоголя, чѣмъ разныя пріятныя и непріятныя дамы городского общества,

„Вся Русь“, воспроизвести которую хотѣлъ Гоголь въ Мертвыхъ Душахъ, несомнѣнно, включала бы въ себя и весь народъ, ибо изъ среды народа поэтъ готовился извлечь живыя краски для своей поэмы.

Указывая обществу на его недостатки, но взывая въ то же время къ чувству человѣческаго достоинства и призывая „милость къ падшимъ“, Гоголь проложилъ новый путь, по которому пошла и его школа. Въ этомъ именно смыслѣ онъ начинаетъ собою *новый періодъ* нашей литературы, и слѣды его повсюду замѣтны въ ней. Этотъ путь—служеніе литературы нуждамъ общества, углубленіе общественнаго самосознанія путемъ литературнаго отраженія запросовъ современности и руководительства духовною жизнью общества на началахъ гуманности и общественной солидарности. Этому пути осталась вѣрна послѣдующая литература.

Если мы видимъ широкій подъемъ общественнаго самосознанія въ 60-ые годы, если въ эту эпоху у насъ являются и публицистическія статьи, и романы съ гражданскими тенденціями, и сатирическіе журналы, клеймящіе все низкое, пошлое и антиобщественное,—въ этомъ чувствуется вліяніе толчка, даннаго нашей литературѣ и общественной мысли Гоголемъ. Времена иныя—недостатки иные, но точка зрѣнія все та же, и благо общества—ея основа.

Если мы видимъ писателей такихъ, какъ Толстой или Достоевскій, которые глубоко стараются заглянуть въ душу человѣка, стараются открыть высокое въ низкомъ, возможность нравственнаго возрожденія—въ тинѣ пошлости, опять предъ нами возстаетъ Гоголь съ его исканіемъ живой души человѣка. Писатели съ большимъ, чѣмъ Гоголь, развитіемъ философской мысли (какъ Толстой) отыскиваютъ новые положительные пути жизни, зовутъ міръ къ нравственному обновленію,—и въ ихъ исканіяхъ слышатся далекіе отголоски призывовъ Гоголя, менѣе ихъ счастливаго въ отысканіи новыхъ путей, но не менѣе искренняго искателя правды жизни.

Если мы встрѣчаемъ печальниковъ народнаго горя, выражающихъ увѣренность, что „не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край, что выводитъ изъ народа столько славныхъ то-и-знай, столько добрыхъ, благородныхъ, силь-

ныхъ любящей душой“,—намъ и здѣсь слышатся отголоски Гоголевской вѣры въ силу народа; и если можно пожалѣть, то только о томъ, что самому Гоголю не удалось окончить свой задуманный трудъ, и вѣра въ народъ не выражена имъ въ болѣе конкретныхъ формахъ.

Мм. Гг. Сегодня къ подножію вновь открытаго памятника Гоголя соберутся многія тысячи народа почтить память великаго поэта, память того, кто былъ поэтомъ-человѣкомъ, поэтомъ-гражданиномъ. Оглянувшись на промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ эпохи Гоголя, уходящей въ глубину вѣковъ, мы можемъ сказать предъ памятникомъ Гоголя вмѣстѣ съ позднѣйшимъ поэтомъ:

„Ужъ много, съ чѣмъ поэтъ сражался,
„Лежитъ поврежденнымъ во прахъ,
„И лучъ свободы тамъ занялся,
„Гдѣ былъ лишь мракъ и рабскій страхъ.
„И наша матерь, Русь святая,
„Пѣвца любви благословляя,
„Идетъ завѣщаннымъ путемъ,
„Борясь съ невѣжествомъ и зломъ“...

Но пока тьма еще сильна, пока ночь еще черна, пусть ярче блещутъ звѣзды и пусть одною изъ такихъ звѣздъ будетъ для насъ поэзія Гоголя съ ея высокими идеалами гуманности и общественности.

Гоголь и малорусское общество.

Рѣчь С. И. Шелухина.

Съ шестидесятыхъ годовъ взглядъ на роль и дѣятельность писателя рѣзко измѣнился. Благодаря таланту Добролюбова, обладавшаго необыкновенной способностью придавать мыслямъ удивительную ясность и яркую формулировку, распространилось убѣжденіе, что литература должна служить обществу. Общественная точка зрѣнія на роль литературы сдѣлалась господствующей и литературный трудъ сталъ почитаться общественнымъ занятіемъ, а литераторы считаться общественными дѣятелями. По новому взгляду литература должна имѣть воспитательное значеніе и тотъ писатель выше, который своими произведеніями лучше проводитъ „въ общество свѣтлые взгляды, истинныя, благородныя убѣжденія“, и вызываетъ въ обществѣ горячее сочувствіе всему высокому, прекрасному, гуманному, справедливому. Однимъ словомъ, писатель своими произведеніями долженъ служить обществу и вліять на развитіе общественности. Такимъ образомъ, и въ оцѣнкѣ дѣятельности писателя, а также въ опредѣленіи значенія его произведеній стала преобладать общественная точка зрѣнія, которой прежде всего требовалось обращать вниманіе, насколько вѣрно писатель изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительную жизнь въ ея типичныхъ проявленіяхъ; поскольку этими произведеніями онъ будилъ личность и общество къ самосознанію и самодѣятельности; на сколько вѣрно онъ опредѣлилъ идеалъ будущаго и показалъ правильный путь къ личному и общественному совер-

шенствованію, или, по крайней мѣрѣ, насколько далъ толчекъ мысли къ работѣ въ этомъ поправленіи и тѣмъ послужилъ улучшенію, развитію и совершенствованію общественной жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, формахъ и видахъ. Такими требованіями и въ настоящее время опредѣляется общественное значеніе произведеній писателя.

Если съ этой точки зрѣнія подойти къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, взявъ ихъ притомъ въ обстановкѣ его времени, то увидимъ дѣятельность неизмѣримаго общественнаго значенія. Размѣры, величіе и характеръ такой дѣятельности выясняются всегда только въ обрисовкѣ исторической перспективы. Если вы хотите хорошо разсмотрѣть и ясно представить себѣ предметъ огромной величины, то обязательно должны отойти отъ него на разстояніе, ибо вблизи онъ подавитъ васъ своею грандіозностью и нельзя будетъ получить о немъ яснаго представленія. Вотъ почему мы, хотя и удалились уже на полстолѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, все таки еще не имѣемъ и до сихъ поръ полной оцѣнки значенія для общества литературнаго наслѣдія нашего украинскаго генія русской земли.

Щедринъ писалъ: „здоровая традиція всякой литературы, претендующей на воспитательное значеніе, заключается въ подготовленіи почвы будущаго". Подъ вліяніемъ литературы незамѣтно для самихъ себя вырабатываются новые люди и воспитывается новое общество. Такую же мысль высказалъ проф. Данилевскій въ своей статьѣ: „Чувство и жизнь". Что руководитъ человѣкомъ въ его борьбѣ со зломъ, въ его стремленіяхъ къ лучшему и заботахъ о будущемъ? Что даетъ человѣку живую энергію иниціативы? Отвѣчая на эти вопросы, проф. Данилевскій пишетъ: „Живое чувство, не всегда сознательное, не всегда могучее, защищаетъ человѣка отъ опасности и гибели... Мы чувствуемъ потребность въ идеальныхъ построеніяхъ, мы стремимся къ лучшему во всѣхъ областяхъ нашей жизни, хотя бы и недостижимому".

Идеалъ будитъ человѣческій умъ, даетъ ему творческую силу и направляетъ людей къ плодотворной общественной дѣятельности. Такое направленіе мыслей и дѣятельности ярко проявилось въ шестидесятые годы, какъ харак-

тернѣйшая ихъ черта и особенность. Это эпоха господства идеаловъ и созидательныхъ началъ, эпоха вѣры въ торжество справедливости и въ осуществленіе добра и правды, эпоха подъема мысли и духа, эпоха реформъ—освобожденія крестьянъ, учрежденія новаго суда, введенія земскаго и городского самоуправленій, проведенія школьной, университетской и др. реформъ. Такую эпоху Россія переживала только въ царствованіе Петра Великаго. Но какая разница между этими двумя великими историческими моментами! Въ то время, какъ Петръ Великій все творилъ только силой своего генія безъ участія общества, которому навязывалъ нововведенія сверху, и едва могъ найти для осуществленія своихъ плановъ отдѣльныхъ исполнителей, сотрудниковъ и помощниковъ, Императоръ Александръ II сталъ во главѣ русскаго общества и стремился къ тому, чтобы общество своими силами, самостоятельно выработало и осуществило необходимыя реформы, дабы эти реформы не были навязаны сверху, а явились бы продуктомъ общественнаго самосознанія. Такимъ образомъ, эпоха 60-хъ годовъ была эпохой господства творческихъ идей, созданія и разработки идеаловъ и осуществленія ихъ въ жизни общественными силами. Для этого необходимы были солидная подготовка общества и его живыхъ силъ, выработка и кристаллизація общественнаго сознанія. Необходимы были и дѣятели, способные къ практической работѣ и къ осуществленію того, что выработано сознаніемъ. Главная роль въ этой работѣ насажденія „потребности въ идеальныхъ построеніяхъ“, въ возбужденіи „стремленія къ идеалу“ и въ подготовкѣ „почвы будущаго“ принадлежитъ такимъ писателямъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Щедринъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Котляревскій, Квитка-Основяненко, Гулакъ-Артемовскій, Шевченко, Марко-Вовчокъ, Костомаровъ, Кулишъ и др. Въ обществѣ этихъ литературныхъ общественныхъ дѣятелей фигура Н. В. Гоголя выдвигается особенно высоко и ярко. Своими художественными произведеніями, въ которыхъ онъ артистически изобразилъ темныя и свѣтлыя стороны жизненной дѣйствительности, Н. В. Гоголь будилъ обывателя и общество къ самосознанію и самодѣятельности, далъ толчекъ къ работѣ мысли въ этомъ направленіи и тѣмъ послужилъ творческой эпохѣ 60-хъ

годовъ, улучшенію, развитію и совершенствованію жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, формахъ и видахъ.

Всѣ литературные критики и изслѣдователи съ 40-хъ годовъ сосредоточивали свое вниманіе на этой сторонѣ значенія произведеній Н. В. Гоголя для русскаго общества и справедливо подчеркиваютъ вліяніе ихъ на русское самосознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и огромное значеніе ихъ для русской общественности. Назовемъ, напр., Бѣлинскаго, Чернышевскаго, А. Григорьева, Пыпина, А. Н. Веселовскаго, С. Венгерова, Петрова, П. Кулиша, Овсянико-Куликовскаго, Н. Котляревскаго, Мандельштама. Но всѣ они, за исключеніемъ отчасти Петрова и Кулиша, говорятъ о значеніи произведеній Гоголя только для „русскаго“ общества и тѣмъ роль великаго писателя съуживаютъ. Разнообразіе человѣческихъ интересовъ создаетъ разнообразныя общенія или общества. Такимъ образомъ, жизнь представляетъ собою сложную совокупность разнообразныхъ общеній, каторыя, имѣя каждое свое собственное существованіе, въ то же время объединяются въ сложное гармоническое цѣлое. Эти отдѣльныя общенія, несмотря на все ихъ разнообразіе и на всѣ ихъ различія между собою, будучи неразрывно связаны съ общимъ пульсомъ жизни въ ея соціальныхъ проявленіяхъ и существуя въ гармоническомъ сочетаніи, какъ внутри себя, такъ и между собою, питаются общимъ для нихъ жизненнымъ сокомъ, но въ то же время питаются и живутъ каждое прежде всего тѣмъ, что болѣе соотвѣтствуетъ индивидуальной природѣ его. Вслѣдствіе этого всякія нарушенія въ жизни такого отдѣльнаго существованія отражаются не только на жизни его, но создаютъ послѣдствія и для общаго, какъ и наоборотъ.

Кромѣ русскаго, или, по терминологіи проф. Овсянико-Куликовскаго, общерусскаго общества, существуютъ также великорусское, малорусское (правильнѣе—украинское, такъ какъ Малороссія заключаетъ въ себѣ только Полтавскую и Черниговскую губ.) и бѣлорусское общества. На эти общества произведенія Гоголя тоже оказали свое, но спеціальное, вліяніе и для нихъ эти произведенія имѣютъ, помимо общаго, свое спеціальное значеніе. До сихъ поръ этому вопросу еще почти не удѣлялось вниманія. О значеніи произведеній Н. В. Гоголя и его личности, какъ писателя, для

украинской общественности мы найдемъ въ литературѣ лишь слабые намеки. Больше всѣхъ объ этомъ писали Кулишъи Петровъ. Лишь теперь, въ юбилейные дни, появилась на эту тему небольшая статья проф. Грушевскаго въ „Літ. Наук. Вісн.“ и нѣсколько замѣтокъ въ газетѣ—„Рада“. Все это, впрочемъ, напечатано лишь въ украинской литературѣ, а въ русской и сейчасъ нѣтъ ничего по этому предмету.

Для оцѣнки дѣятельности писателя и заслугъ его передъ обществомъ, мы должны разсмотрѣть его въ обстановкѣ его времени и среды, причемъ имѣть въ виду не то, что писатель передумалъ или перечувствовалъ, а то, какія мысли и чувства онъ вложилъ въ свои произведенія и что дали намъ его произведенія, въ качествѣ литературнаго наслѣдія, даже независимо отъ намѣреній и желаній автора. Такимъ образомъ, и для отвѣта на вопросъ о значеніи Н. В. Гоголя для малорусскаго (украинскаго) общества, мы прежде всего должны обратиться къ исторической перспективѣ и къ обстановкѣ времени писателя.

Начиная съ Люблинской уніи (1569 г.), въ украинскую жизнь широкой волной ворвались польско-шляхетскія начала. Все это были элементы чуждые и діаметрально противоположные по своей природѣ демократическимъ идеаламъ и стремленіямъ украинскаго народа, нашедшимъ себѣ яркое выраженіе въ Запорожской Сѣчи, въ казачествѣ и во всемъ народномъ строѣ жизни и быта, того народа, который понялъ значеніе этого историческаго акта, оцѣнилъ его, отнесся къ нему враждебно и, отождествляя въ варіантахъ своей думы ляха и пана, пѣлъ о томъ, что „не буде лучше, та не буде краще, як у нас на Вкраїні“, потому что „та немае пана“ (ляха и варіантамъ) и „не буде й уніі“. Вопреки этимъ идеаламъ, со времени Люблинской уніи верхніе слои украинскаго народа, стремясь къ пріобрѣтенію польско-шляхетскихъ правъ и привиллегій, для этого начали открыто измѣнять своей народности, вѣрѣ предковъ и выработаннымъ вѣковой исторіей языку и быту. Они, измѣняя своему народу, отрицавшему „ляха“ и „пана“, открыто превращались въ польскую шляхту, ради чего оставляли свою родную культуру и усваивали польскую. Этотъ процессъ ополячиванія верховъ послѣ соединенія Украины

съ Москвой (1654 г.) только ослабѣлъ, но не прекратился, т. к. по Андрусовскому договору (1667 г.) правобережная Украина волей Московскаго правительства, несмотря на протесты Украинцевъ, была отсепарирована отъ цѣлаго для распространенія на нее польской власти, и вслѣдствіе чего тамъ осталось прежнее положеніе вещей, тянувшееся до паденія польскаго государства. Такое положеніе осталось и въ тѣхъ частяхъ Украины, которыя носятъ названіе Галицкой и Холмской Руси. Такимъ образомъ украинскій народъ оскудѣвалъ своими культурными классами въ пользу поляковъ.

Разсчеты украинскаго народа на достиженіе успокоенія путемъ соединенія Украины съ Московіей не оправдались засимъ и послѣ 1654 г. Въ 1657 г. умеръ Б. Хмельницкій, не успѣвъ осуществить задуманныхъ имъ плановъ и реформъ. Съ другой стороны, Польша не мирилась съ случившимся и всѣми силами добивалась новаго овладѣнія хотя бы частью Украины. Всѣ украинскіе патріоты, однако, сходились въ одномъ: Украйна должна представлять изъ себя одно цѣлое, и за ея цѣлость надо бороться всѣми силами. Но какъ достичь этого и какъ быть дальше,—въ этомъ мнѣнія рѣзко расходились. Одни были за образованіе самостоятельнаго государства, другіе за соединеніе на автономныхъ началахъ то съ Московіей, то съ Польшей, то съ Турціей и т. д. Политическихъ комбинацій было много—столько же было и партій, причемъ каждая изъ нихъ имѣла своего представителя, который дѣйствовалъ и старался повести за собой народъ къ осуществленію той или иной изъ комбинацій. Въ украинскомъ обществѣ на этой почвѣ создались и развились расколъ и междоусобія. Предокъ Н. В. Гоголя — Остапъ Гоголь, былъ въ то время Подольскимъ полковникомъ и стоялъ за соединеніе Украйны съ Польшей на федеративныхъ основахъ, съ образованіемъ изъ Украйны автономнаго русскаго государства. Онъ прославился въ битвѣ при „Дріжиполі“ и былъ уполномоченнымъ польскимъ посланцемъ въ Турціи. Когда гетманъ Дорошенко, стоявшій за союзъ съ Москвой, но отвергаемый ею за свои стремленія къ объединенію Украйны и сохраненію ея самобытности противъ желаній Московіи и Польши, по историческимъ усло-

віямъ и необходимости вынужденъ былъ отдаться подъ турецкій протекторатъ, то Остапъ Гоголь, какъ польскій сторонникъ, выступилъ противъ единенія съ Московіей и получилъ отъ поляковъ гетманскую булаву съ званіемъ наказнаго гетмана и всѣ шляхетскія привиллегіи. На этомъ впослѣдствіи базировалось признаніе за родомъ Гоголей по польскому ошляхтованію русскаго (россійскаго) дворянскаго достоинства. Для того, чтобы показать не простонародное, а высшее происхожденіе рода, къ фамиліи Гоголь, по установившемуся обычаю, была сдѣлана польская приставка, и получилась фамилія—Гоголь-Яновскій. Сдѣлалъ это дѣдъ Н. В. Гоголя - Афанасій Гоголь, отецъ котораго, хотя учился въ Кіевской академіи, но именовалъ себя на польскій манеръ, по „благородному“, Яномъ. Изъ Яна вышелъ Яновскій. Но, какъ извѣстно, Н. В. Гоголь сознательно отбросилъ эту прибавку, а въ 1832 г. въ письмѣ къ матери и ее просилъ адресовать письма просто Гоголю, безъ Яновскаго, шутливо пояснивъ, что кончикъ фамиліи куда-то дѣвался. Въ этомъ фактѣ сказались на Гоголѣ вліянія его времени и среды.

Но съ 1654 г., съ момента присоединенія Украйны къ Московскому государству, въ верхнихъ слояхъ украинскаго общества возникъ новый процессъ отчужденія отъ своей народности, аналогичный и параллельный процессу, возникшему съ Люблинской уніи 1569 г. Этотъ новый процессъ повелъ къ дальнѣйшему оскудѣнію украинскаго народа своими культурными классами и силами, но уже въ пользу великорусской и общерусской общественности и народности. Для этого было много причинъ. Особенно сильно этотъ процессъ развился на родинѣ Гоголя, главномъ очагѣ дѣйствій гетмана Мазепы, гдѣ украинская старшина была за одно съ нимъ и особенно нуждалась въ томъ, чтобы обѣлиться отъ обвиненій великоруссами въ мазепинствѣ. Не смотря на то, что украинскій народъ ненавидѣлъ Мазепу и противодѣйствовалъ ему всячески, великороссы отождествили мазепинство съ украинской народностью. Все украинское было взято подъ подозрѣніе и даже подъ прямое обвиненіе. Такое отождествленіе было грубымъ заблужденіемъ и большимъ грѣхомъ, но фальшь сошла за чистую монету и оказала свое вліяніе на развитіе отрицательнаго отношенія вели-

коррессовъ къ украинскому, въ томъ числѣ и къ украинской учености, которая стояла выша великорусской и занимала такое положеніе, что, какъ замѣтилъ проф. Кочубинскій, даже „въ письмахъ самого Петра можно встрѣтить малорусизмы". Украинская старшина, чтобы обѣлить себя отъ мазепинства въ глазахъ великорусскаго общества, всячески отрекалась отъ украинской народности, доводя отреченіе не только до полнаго отчужденія, но даже до глумленія надъ роднымъ или до высокой степени враждебности къ нему. Это, въ силу вышеуказаннаго отождествленія, было лучшимъ средствомъ не только реабилитировать себя и освободиться отъ всякаго подозрѣнія, но и возвыситься.

Процессъ отчужденія украинскихъ верховъ отъ своей національности достигъ особаго выраженія послѣ изданія жалованной грамоты дворянству (1785 г.), когда украинскимъ верхамъ дарованы были права и привиллегіи россійскаго дворянства и когда всѣ украинскіе верхи, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ приверженцевъ Мазепы, оставивъ окончательно всякія мечтанія объ украинскомъ, усиленно стали добиваться признанія за ними правъ великорусскаго дворянства, заслугъ котораго никогда не имѣли, и укрѣпленія за ними своего простонародья, въ качествѣ крѣпостныхъ. Съ этого момента украинское отождествляется съ простонароднымъ, мужицкимъ, и украинскіе верхи, дабы уравняться съ великорусскимъ дворянствомъ, особенно стремятся пріобщиться къ великорусской культурѣ и отдѣлаться отъ своего украинскаго.

Такимъ образомъ въ разные моменты исторіи создавались разныя побудительныя причины къ отчужденію украинскихъ верховъ отъ своей народности, и украинскіе верхи рвали всѣ свои связи съ прежней образованностью, съ родной рѣчью, съ украинскимъ языкомъ и съ національнымъ бытомъ, т. е. съ тѣмъ, чѣмъ сразу же обнаруживались ихъ дѣйствительныя происхожденіе, родство и связи. Этотъ процессъ былъ общимъ явленіемъ. Правда къ концу XVIII в. возникъ и противоположный процессъ, но онъ былъ еще только въ зародышѣ, обнаруживался въ единичныхъ случаяхъ и не носилъ идейнаго характера, а былъ лишь выраженіемъ протестующей стихіи (Лобысевичъ, Котляревскій и

др.). Мало по малу, такимъ образомъ, украинскій народъ оказался лишеннымъ своего культурнаго класса и остался одинокимъ со своею жизнью, культурой, языкомъ и бытомъ, ставшими достояніемъ только крѣпостныхъ мужиковъ и простонародья вообще.

Разумѣется, это рѣшительнымъ образомъ отразилось, прежде всего, на уровнѣ уже довольно высоко стоявшей украинской культуры, которая стала быстро падать. Историкъ Ефименкова, родомъ великоросска, войдя въ оцѣнку оставленія украинскими верхами своей народности для польской и великорусской культуръ, пишетъ, что малорусское панство этимъ, хотя и неумышленно, причинило своему народу величайшій вредъ. Указавъ на то, что „малорусское панство“ на плечахъ своего народа „воздвигло свое матеріальное благосостояніе“ и всѣмъ рѣшительно обязано ему, Ефименкова обвиняетъ его въ томъ, что оно разорило свой народъ духовно. „Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ Ефименкова, разъ языкъ народной массы превратился изъ національнаго языка въ простонародный, мужицкій, онъ переставалъ проводить въ массу культурность извнѣ, и народъ оскудѣвалъ духовно. Такъ это и было съ малорусскимъ народомъ... Не вѣдало панство, что творитъ“ („В. Евр.“ 91 г., № 9, „Юж. Русь“, т. I, стр. 181).

Значеніе верхнихъ слоевъ для національной культуры и національной жизни въ извѣстные историческіе періоды ея, а также для отношеній къ самой народности прекрасно поясниль также Владиміръ Соловьевъ. О полякахъ и ихъ народности онъ говоритъ, что „русская власть, спасая польскую шляхту отъ ярости поднявшихся хлоповъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давая этимъ послѣднимъ гражданскую и экономическую свободу, обезпечила будущность настоящей, не панской только и не хлопской, а *польской* Польши“ (т. V, стр. 15—16).

На Украйнѣ, наоборотъ, закрѣпощеніемъ украинскаго народа (1783 г.) и изданіемъ жалованной грамоты дворянству (1785 г.), даровавшей украинскимъ верхамъ и ихъ потомкамъ права и привиллегіи россійскаго дворянства, процессъ денаціонализаціи и упадка украинской культуры былъ усиленъ. Съ этихъ моментовъ малорусскіе верхи особенно

сильно старались доказать и показать свое благородное происхожденіе прежде всего отсутствіемъ у нихъ чего бы то ни было общаго съ украинской народностью въ кровномъ отношеніи, во внѣшности, въ языкѣ, въ бытѣ и т. д., а вмѣсто того наличностью великорусскихъ элементовъ жизни и культуры. Дѣло дошло до того, что потомки казацкихъ героевъ-рыцарей просто боялись обнаружить свое родство и близость съ украинскимъ народомъ, чтобы тѣмъ не обнаружить въ себѣ передъ другими чего либо простонароднаго, и такимъ образомъ, въ отношеніи къ проявленію своей народности, показали даже жалкую трусливость. У нихъ отчужденіе отъ украинской народности почиталось украшеніемъ и даже чуть не добродѣтелью.

Разумѣется, все это, начиная съ поведенія украинскихъ верховъ и кончая культурнымъ оскудѣніемъ украинскаго народа, должно было отразиться на отношеніяхъ великороссовъ къ малороссамъ и малорусскому самымъ рѣшительнымъ образомъ и только отрицательно. Какая разница въ отношеніяхъ великорусскаго общества къ польскому и украинскому элементамъ, не смотря на то, что Польша культурно стояла не выше Украины, была побѣждена и раздѣлена между государствами, а Украина присоединилась къ Московіи добровольно на началахъ братства и дала великороссамъ изъ своего Кіева образованность! Польскій народъ остался съ своимъ культурнымъ классомъ, который и репрезентовалъ его, а украинскій народъ мало по мало оказался лишеннымъ своего культурнаго класса и превратился только въ мужиковъ, отношенія къ которымъ въ крѣпостническія времена только и могли быть высокомѣрными, презрительными, унижающими. Такъ какъ мужиками олицетворялась вся украинская народность, то эти отношенія были перенесены и на народность. Къ униженію малорусскаго послужило въ числѣ многаго еще одно обстоятельство. Въ то время, какъ великорусскіе верхи старались отдѣлаться отъ великорусскаго, чтобы превратиться въ иностранцевъ и тѣмъ проявить благородство, образованность и культурность, такъ что „почти забыли русскій языкъ“ и потомъ потребовалось „постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ классахъ“ (Пыпинъ), украинскіе верхи (а за верхами, подражая имъ,

всегда тянется и ниже стоящее), считая свое родное простонароднымъ, мужицкимъ, для проявленія своего благородства, образованности и культурности, старались усвоить великорусскую культуру и показать себя великороссами. Выходило, что малорусскіе верхи считали облагораживающимъ и возвышающимъ ихъ то, что великорусскіе верхи признавали для себя признакомъ некультурности, невѣжества, мужичества, чуть не дикости. Начавшійся въ великорусскомъ обществѣ послѣ 1812 г. протестъ противъ этого долго былъ дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и развивался не быстро. Разумѣется, къ такому украинскому панству великорусское панство не могло питать уваженія, тѣмъ болѣе, что видѣло постоянныя униженія украинскихъ верховъ передъ великороссами ради искательства и достиженія возвышеній и правъ. Такія чувства переносились и на все украинское, ставшее синонимомъ простонароднаго, мужицкаго, которое въ крѣпостническія времена не могло пользоваться не только уваженіемъ, но даже признаніемъ. Уже одно то, что украинскіе верхи, желая показать себя выше своей народности, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать о своемъ благородствѣ и культурности, считали необходимымъ унижать и высмѣивать родное на всѣ лады, полагая, что это лучшій способъ показать отсутствіе въ себѣ того самаго, не доставивъ имъ доброй репутаціи и уваженія, освобождало и чужихъ людей отъ всякихъ церемоній въ отношеніи украинскаго. Недостатокъ у народа своихъ собственныхъ общественныхъ верховъ и своей интеллигенціи, унижалъ народъ не только въ глазахъ сосѣдей, имѣвшихъ все это и считавшихся съ этимъ, но и въ собственныхъ глазахъ.

Такимъ образомъ, благодаря вышеуказаннымъ причинамъ, украинское въ глазахъ великорусскаго общества стало признаваться низкимъ, достойнымъ лишь насмѣшки, глумленія, презрѣнія и даже издѣвательства. Поэтому и самое украинское происхожденіе въ глазахъ великороссовъ клало уже извѣстное пятно на человѣка и создавало къ нему неблагопріятное отношеніе со стороны великорусскаго общества. Высокомѣрное и презрительное отношеніе великорусскаго общества къ украинскому элементу отразилось и на отношеніяхъ великороссовъ къ Н. В. Гоголю. Для иллю-

страціи сказаннаго позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя ссылки.

Въ 1807 г. „Вѣстн. Евр.“, напечатавъ нѣсколько строчекъ по украински, извинялся передъ читателями за свой поступокъ и оправдывался тѣмъ, что вынужденъ былъ сдѣлать это въ видѣ уступки и въ угоду нѣкоторымъ украинцамъ. Въ то время уже проявило себя украинское культурное возрожденіе (Лобысевичъ, Котляревскій и др.). Когда засимъ появилась статья проф. Бандке о древности украинскаго яз., то „В. Евр.“ въ 1815 г. разразился протестомъ противъ такого возвышенія украинскаго языка, позволилъ себѣ глумленія надъ нимъ и говорилъ, что этотъ языкъ пригоденъ только „на жарты“. Когда имя Н. В. Гоголя стало пользоваться славой, то Гречъ, Кукольникъ, Булгаринъ, Сенковскій и др. великорусскіе журналисты не находили словъ для глумленій надъ нимъ за украинскіе сюжеты и украинскія выраженія въ его произведеніяхъ, а журналъ— „Библ. для чтенія“ просто объявилъ, что произведенія Гоголя по языку и темамъ представляютъ изъ себя ничто иное, какъ „грязный малороссійскій жартъ“. Гоголя называли бездарностью, обвиняли въ отсутствіи у него вкуса, говорили, что онъ загрязнилъ и засорилъ русскую литературу и исковеркалъ русскій языкъ. И все это было высказано прежде всего по поводу его чудныхъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Тараса Бульбы“, т. е. по поводу тѣхъ произведеній, въ которыхъ украинскій элементъ жилъ и билъ ключемъ и отъ которыхъ Пушкинъ былъ въ восторгѣ. „Сейчасъ прочелъ вечера близъ Диканьки. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселе не образумился!... Пора, пора намъ осмѣять les prècieses ridicules нашей словесности“... Такъ писалъ Пушкинъ. Что касается языка, то онъ рекомендовалъ учиться русскому языку у московскихъ просфирень. Гоголь смотрѣлъ шире—онъ признавалъ, что русскій литературный языкъ долженъ быть не московскимъ, а обще-русскимъ, и для этого черпалъ матеріалы изъ великорусской, украинской и бѣлорусской сокровищницъ. Этимъ

Гоголь углубилъ и расширилъ русло созданія русскаго литературнаго языка и оказалъ ему неоцѣнимую услугу.

Аксаковъ признавалъ за Гоголемъ великія заслуги, какъ за украинцемъ, и писалъ, что не будь Гоголь по происхожденію украинцемъ, онъ не написалъ бы такихъ дивныхъ произведеній, такъ какъ въ нихъ отражается то, что заключаетъ въ себѣ богатая національная природа украинца.

Но такихъ, какъ Пушкинъ и Аксаковъ, было очень мало. Большинство изъ великорусской интеллигенціи смотрѣло на украинцевъ свысока, не питало къ ихъ національному и даже человѣческому достоинству никакого уваженія. не признавало ихъ и относилась къ нимъ, какъ Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, Кукольникъ и т. п., или какъ Тургеневскій Пигасовъ. Это большинство осмѣивало Гоголя, какъ и все украинское вообще, и относилось къ Гоголю враждебно. А насколько это большинство было господствующимъ, объ этомъ можетъ посвидѣтельствовать Тургеневъ, который пишетъ, что въ 40—50 годахъ россійское общество поклонялось, какъ богамъ, Гречу, Кукольнику, Булгарину и т. п., т. е. именно тѣмъ, которые больше всѣхъ возмущались украинскимъ элементомъ въ твореніяхъ великаго украинца-писателя. Это поклоненіе было столь великимъ, что въ 1859 году, когда Тургеневъ, читая публичную лекцію, упомянулъ въ ней о Бѣлинскомъ, относившемся къ Гречу и К° отрицательно, то одно упоминаніе имени Бѣлинскаго вызвало въ слушателяхъ бурю негодованія по адресу лектора. Вліяніе этой партіи было столь огромнымъ, что имя Гоголя сдѣлалось запретнымъ и Тургеневъ за простую замѣтку о смерти великаго писателя земли русской, по происками Мусинъ-Пушкина, отсидѣлъ мѣсяцъ подъ арестомъ, т. к. и „имя Гоголя не велѣно упоминать“. (Полн. собр. соч. И. С. Тургенева, изд. Маркса, 1898 г. т. 12. стр. 33, 69, 70, „Лит. и жит. воспоминанія“ И. С. Тургенева).

Такое отношеніе къ украинскому существовало не только въ тѣхъ кругахъ великорусскаго общества, которые исповѣдывали и проводили въ жизнь идею „оффиціальной народности“, но и среди славянофиловъ, которые провозглашенную ими идею о русской народности сужывали до представленія о великорусской народности, а къ украинско-

му относились только мягче, но одинаково отрицательно. Наконецъ, и западники, за рѣдкимъ исключеніемъ, относились къ украинскому не лучше. Вліяніе декабристовъ, весьма замѣтное во время Гоголя, было рѣшительно противъ украинскаго. Находясь подъ вліяніемъ ученій Монтескье, Бентама, Дестю-де-Траси, Дюмона, Геерена и др., отстаивавшихъ права личности, декабристы однако поверхностно усвоили себѣ идею о личности и въ отношеніи къ проявленію народности доходили до отрицанія элементарныхъ правъ ея. Исповѣдуя, что „всѣ россійскіе граждане должны одинаковымъ образомъ пользоваться всѣми правами частными, гражданскими и политическими, и пользоваться ими на цѣломъ пространствѣ государства", декабристы вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдывали, что „всѣ племена Россіи должны быть слиты въ одинъ народъ такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго государства были всѣ русскіе", для чего необходимо вездѣ, хотя бы и мѣрами насилія, уничтожить всѣ племенныя особенности такъ, чтобы всѣ „обрусѣли" и чтобы „исчезли даже различія имени для отдѣльныхъ составныхъ частей Россіи" (Пестель, „Рус. Пр."). У декабристовъ всѣ понятія объ общеніяхъ сводились къ понятію о государственномъ общеніи и государственное единство отождествлялось съ національнымъ, вслѣдствіе смѣшенія этихъ понятій.

Въ декабристской програмной „Рус. Правдѣ" Пестель рѣшительно заявлялъ, что отдѣльнымъ народностямъ въ Россіи не слѣдуетъ предоставлять никакихъ правъ, дающихъ возможность развивать свои національныя культуры и особенности. Что же касается „Малороссіи, Украины и Бѣлоруссіи", то Пестель о нихъ сдѣлалъ особую оговорку, что за ними особенно не слѣдуетъ признавать никакихъ особенностей, ни отдѣльныхъ условій жизни, а всѣ силы направить на „обрусѣніе" ихъ. Исключеніе декабристы дѣлали только для поляковъ, имѣвшихъ свою шляхту, стремившуюся къ возсозданію своей польской государственности. Таково было своеобразное и недостаточное пониманіе общеній, сводившееся къ признанію только государственной формы общенія и смѣшенію государственности съ національностью до полнаго отождествленія этихъ понятій.

Позже такой вліятельный представитель западничества, какъ Бѣлинскій, къ голосу котораго Гоголь особенно прислушивался, даже и послѣ отреченія своего отъ Гегеліанства, тоже относился къ украинскому съ нескрываемымъ высокомѣріемъ, презрѣніемъ и враждебностью.—До такой степени эти отношенія вкоренились въ понятія великорусскаго общества. Припомнимъ разборъ Бѣлинскимъ произведеній Квитки Основьяненка и др., его отзывъ въ 48 г. о Шевченкѣ, Кулишѣ и др., эпитеты „хохлацкій радикалъ", „хохлацкій патріотъ", доходившіе до грубой брани, его презрительныя и въ высшей степени оскорбляющія восклицанія въ родѣ: „Охъ, эти мнѣ хохлы!... Либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ!" и т. д. (Анненковъ и его друзья. Лит. восп. и перепп. 1835—1885 г. стр. 604 и сл.).

Высокомѣрное презрѣніе и непріязнь къ малорусскому ослѣпили страстный умъ Бѣлинскаго, несмотря на всю его любовь къ истинѣ, до такого пристрастія, что онъ проглядѣлъ въ украинскомъ поэтѣ Шевченко великаго народнаго поэта, а разбирая „Мертвыя души" поставилъ Гоголю въ великую заслугу то, что онъ, наконецъ, „совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента, послѣ чего „при каждомъ словѣ„ его произведенія читатель можетъ сказать: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!"(Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 730, изд. 96 г.). Въ этомъ отношеніи Бѣлинскій не отставалъ отъ Греча, Кукольника, Булгарина, Сенковскаго и др. хулителей великаго писателя за его украинскіе элементы, которыми въ дѣйствительности онъ такъ обогатилъ и русскій языкъ, и русскую литературу. Для отношеній къ малорусскому весьма характерно, что имя „русскаго" и „Руси" монополизируется только для великорусскаго, а малорусское уже не русское. Исконная коренная украинская Русь, отъ которой ея сѣверная сестра съ 14 вѣка переняла названіе Руси, лишена по этому сужденію „русскаго духа" на столько, что отъ нея даже не пахнетъ Русью, а украинскій народъ, оставаясь собою, не смѣетъ называть себя русскимъ! Только при такихъ понятіяхъ великорусскаго общества и отношеніяхъ къ украинскому могло явиться слѣдующее.

Въ великорусскомъ обществѣ не хотѣли вѣрить, что человѣкъ малорусскаго происхожденія можетъ обладать та-

кими талантомъ и способностями, какими обладаетъ Гоголь. Возникъ споръ: дѣйствительно ли Гоголь „хохолъ", а не великоросс, и какая у него душа—великорусская, или „хохлацкая?". Не можетъ быть, говорили они, чтобы такія произведенія могли быть продуктомъ дѣятельности малорусской души, которую они ставили низко, высмѣивали и презирали. Этотъ споръ дошелъ и до Гоголя, который въ отвѣтъ написалъ Смирновой въ 1844 г. слѣдующее: „Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа—хохлацкая или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа—хохлацкая или русская. Знаю только, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину предъ русскимъ, ни русскому предъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой—явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую".

Сила предубѣжденія противъ малорусскаго была такъ велика, что Гоголь, прекрасно знавшій, судя по его перепискѣ съ Максимовичемъ, какая у него душа и кто онъ, и далеко не равнодушный къ украинскому, не осмѣлился открыто заявить о своей малорусской народности, а отвѣтилъ политично, деликатно, но уклончиво, не протестуя въ то же время противъ обиднаго прозвища „хохолъ" и допуская отождествленію русскаго съ великорусскимъ до полнаго совпаденія. Но въ этомъ отвѣтѣ *Гоголь не отрекся отъ украинской народности и поставилъ ее не ниже великорусской*. Это не могло не быть поучительнымъ и должно было произвести свое впечатлѣніе и воздѣйствіе въ пользу украинскаго. Не надо забывать, что въ то время большинство русскаго общества, по выраженію Вл. Соловьева, въ исповѣданіи своей народности доходило до самообожанія и, какъ замѣтилъ Пыпинъ, даже болѣе здоровые элементы народолюбія превозносили Московскій до-Петровскій бытъ, какъ истинное выраженіе русскаго, т. е. великорусскаго, народнаго духа, возводили его „на степень новаго принципа цивилизаціи", считали московскій бытъ чистымъ, безъ примѣси рус-

скимъ, ко всякому иному быту относились враждебно, утверждали, что „западъ гніетъ“, видѣли спасеніе всѣхъ и запада только въ усвоеніи московскихъ началъ и говорили, что насъ „боится Европа“, „мы велики“, „мы лучшій народъ“, за нами все будущее человѣчества. (Пыпинъ, „Хар. лит. мн.“, изд 1906 г., „Народность оффиціальная“ и „Славянофильство“).

И вотъ этому обществу Гоголь заявляетъ, что онъ не дастъ преимущества великороссіянину передъ малороссіяниномъ! Всѣ критики единогласно признаютъ, что Гоголь своею литературною дѣятельностью сослужилъ величайшую службу самосознанію русскаго общества, разбудивъ его, открывъ ему глаза на печальную дѣйствительность и выведя его изъ кошмара самовозвеличенія и самообольщенія. Но, помимо этого, Гоголь прямо заставилъ русское общество произвести переоцѣнку и своихъ отношеній къ украинской народности. Этимъ онъ сослужилъ огромную службу украинскому народу, дѣйствуя и словомъ, и своею личностью въ пользу украинской народности. Своимъ отвѣтомъ на споръ о томъ, какая у него душа, Гоголь рѣшительно заявилъ вліятельному въ то время кружку, что великороссы должны цѣнить и уважать украинское не меньше своего, ибо украинское не ниже великорусскаго. Но главное еще не въ этомъ. Талантъ Гоголя въ концѣ концовъ не могли не признать даже его враги. Въ общемъ Гоголя ставили наравнѣ съ Пушкинымъ, которому тогда поклонялись всѣ рѣшительно, но были голоса и за то, что Гоголь выше Пушкина и по таланту, и по значенію. Его произведеніями изъ украинской жизни и исторіи зачитывались, его украинскими сюжетами восхищались, его украинскими героями и украинскимъ юморомъ восторгались. Самъ Пушкинъ прежде всего былъ въ восторгѣ отъ нихъ! И все это великороссы должны были признать за человѣкомъ украинской народности, которую они презирали и ставили такъ низко! Своей особой, своими произведеніями изъ украинской жизни и исторіи, и своими литературными успѣхами Гоголь показалъ русскому обществу, какая сила духа живетъ въ украинскомъ народѣ, какъ богата природа украинца и сколь великія силы заложены въ основѣ украинской духовной стихіи. Этимъ

онъ возбудилъ и оживилъ у великороссовъ особый интересъ къ Украинѣ и изученію ея, который только началъ было зарождаться, благодаря дѣятельности украинскихъ писателей.

Кулишъ въ своемъ предисловіи къ „Черной Радѣ“ въ 1857 г. писалъ: „Со временъ Гоголя взглядъ великороссовъ на натуру украинца перемѣнился; почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнью и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну Сѣверную Русь и чуждаются Южной. Съ другой стороны, украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою... Назначеніе Гоголя было —внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки“.

Такимъ образомъ, Гоголь своей особой и дѣятельностью произвелъ цѣлый переворотъ въ великорусскомъ сознаніи относительно украинской народности и рѣшительнымъ образомъ далъ толчекъ къ измѣненію оскорбительныхъ и презрительныхъ отношеній великорусскаго общества къ украинскому элементу на отношенія симпатій, уваженія и дружбы. Въ этомъ великая заслуга Гоголя передъ украинскимъ народомъ и обществомъ.

Но еще большую заслугу мы должны признать за нимъ въ національномъ отношеніи. Первымъ на это указалъ, хотя мимоходомъ, Кулишъ. Впослѣдствіи проф. Петровъ въ своихъ „Очерк. укр. лит.“ подчеркнулъ это указаніе замѣчаніемъ, что Гоголь своей особой и литературной дѣятельностью первый кликнулъ украинцевъ къ чувству и сознанію въ себѣ своей національности и своего національнаго достоинства. Эти указанія, высказанныя нерѣшительно и мимоходомъ, не произвели надлежащаго впечатлѣнія. На-

противъ, тенденціозные писатели, политиканы и люди, которымъ родное не дорого, вслѣдствіе чего они отреклись или всегда готовы отречься отъ него. всѣми силами стремились сдѣлать изъ Гоголя орудіе разрушенія всего малорусскаго и старались распространить убѣжденіе, будто Гоголь и словомъ, и примѣромъ рѣшительно указалъ украинцамъ на необходимость отказаться отъ своей духовной природы и своей культуры, забыть свою исторію и родной языкъ, отрѣшиться отъ своей народности, обезличиться и въ то же время переродиться и превратиться, если не въ великороссовъ, то въ общеруссовъ. Такія же требованія, но только въ пользу польскаго, предъявляли украинской народности и съ польской стороны. Эти люди, какъ замѣтилъ Катковъ въ 1861 г. въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ еще въ пользу украинскаго (въ отвѣтъ на статью въ „Основѣ“ 61 г.), смѣшивали или отождествляли понятія о единеніи людей съ „единоображеніемъ“ ихъ, единство народовъ съ однообразіемъ народностей, а политическое единство съ этнографическимъ, и, такимъ образомъ, ради своихъ предпосылокъ, измышленій, теорій и заблужденій, вредныхъ для человѣчества и для государства, готовы были пересоздать исторію, природу народностей, душу человѣка и все дѣло рукъ Божіихъ по своему.

Мы уже видѣли, въ какомъ жалкомъ положеніи въ 18 и 19 в. оказалась украинская народность и въ какомъ упадкѣ въ украинскомъ обществѣ было чувство своей національности и своего человѣческаго достоинства. Совершенно естественно, что въ той же средѣ, въ которой жертвовали своей народностью, стихійно возникъ и сталъ развиваться противоположный процессъ—стремленіе къ возрожденію и развитію украинской культуры, а прежде всего своего языка и литературы на немъ. Это движеніе росло и оказало свое вліяніе на Гоголя. Не будемъ удаляться къ тѣмъ временамъ, когда украинское національное чувство выливалось въ лѣтописной формѣ произведеній, какъ у Суховіенка, Величка, Грабянки, Самовидца и др. Самовидецъ въ своей лѣтописи вездѣ употребляетъ одно названіе „Украина“ и окружаетъ его всевозможными эпитетами любви и патріотическаго чувства. Мы укажемъ лишь на конецъ 18 и на пер-

вую половину 19 вѣка, такъ какъ для нашей задачи достаточно и этого. Уже въ 1767—1776 г. Лобысевичъ написалъ на украинскомъ языкѣ своихъ „Віргіліевих пастухів". Въ 1798 г. издана была „Энеіда" Котляревскаго. Эта книга такъ быстро разошлась, что до 1809 года потребовалось три изданія ея. Популярность „Энеіди" была необычайна: Геттингенскія (нѣмецкія) вѣдомости напечатали рецензію о ней и замѣтку о Котляревскомъ; Наполеонъ имѣлъ ее въ своей библіотекѣ; Императоръ Александръ I читалъ ее и заинтересовался авторомъ. Въ 1819 г. напечатана была „Наталка Полтавка", а засимъ „Москаль Чарівник". Отецъ Н. В. Гоголя—В. А. Гоголь самъ писалъ украинскія драматическія произведенія, изъ которыхъ „Простакъ" и до сихъ поръ не сошелъ со сцены. Стихійное влеченіе къ украинскому побудило такихъ вельможъ, какъ Куракинъ, Трощинскій и т. п., ставить на своихъ домашнихъ сценахъ украинскія пьесы, въ которыхъ играли помѣщики, помѣщицы и ихъ дѣти. На этихъ сценахъ выступали отецъ и мать Н. В. Гоголя и самъ онъ принималъ постоянное участіе, а въ Нѣжинскомъ лицеѣ и самостоятельно устраивалъ украинскіе спектакли. Въ украинскихъ роляхъ впервые обнаружилъ свой талантъ и знаменитый Щепкинъ. Украинская стихія, хотя и на панскій ладъ, хотя и далеко отъ какой бы то ни было идейности, просыпалась, росла и ширилась.

Сильный толчекъ этому далъ Харьковскій университетъ съ своимъ кружкомъ украинскихъ поэтовъ и писателей, а также своими изданіями. Въ Харьковѣ возникъ даже спеціальный журналъ для этого: „Украинскій Вѣстникъ", въ которомъ съ 1816 г. проф. Гулакъ-Артемовскій печаталъ свои малорусскія стихотворенія. Пробудившаяся стихія на столько чувствовалась и такъ заявляла о себѣ, что, уступая желаніямъ украинцевъ, произведенія на украинскомъ языкѣ стали помѣщать и русскіе журналы. Такъ, напр., мы находимъ ихъ въ „Вѣст. Евр." въ 1807, 1827, 1829 г., въ „Славяникѣ" за 1827 г., въ „Москов. Телегр." за 1831 г., въ „Утренней Звѣздѣ" за 1833, 1834 г., въ Телескопѣ за 1832 г., въ „Отеч. Зап." за 1841 г. и т. д. Въ то же время малорусскія произведенія печатаются и самостоятельными изданіями. Собираются пѣсни, сказки, пословицы, думы и

т. п. произведенія украинской народной словесности. Бантышъ Каменскимъ печатается „Исторія Малой Россіи“, съ посвященіемъ Государю; собираются и печатаются украинскія лѣтописи. Назовемъ такихъ украинскихъ авторовъ и ученыхъ, какъ Бецкій, Бодянскій, Боровиковскій, Костомаровъ, Гребинка, Гречулевичъ, Гулакъ-Артемовскій, Довгоносенко, Евецкій, Забила, Илькевичъ, Квитка-Основяненко, Котляревскій, Кулишъ, Корсунъ, Лукашевичъ, Максимовичъ, Метлинскій, Смирницкій, Срезневскій, Тополя, Шевченко, Щеголевъ и др., писавшіе при жизни Гоголя. Припомнимъ, что произведенія малорусскихъ писателей расходились больше въ рукописяхъ, чѣмъ въ печатномъ видѣ, и мы представимъ себѣ, какъ стихійный интересъ къ украинскому пробуждался, росъ и росъ. Уже приведенный перечень дѣятелей свидѣтельствуетъ объ украинскомъ культурно-національномъ возрожденіи во времена Гоголя и о пробудившемся интересѣ къ украинскому. Совершенно естественно, что Гоголь не могъ не знать объ этомъ и не чувствовать этого— больше того: у него были пріятели между названными учеными и писателями. И въ русской литературѣ этотъ интересъ уже сталъ замѣтно обнаруживаться появленіемъ произведеній на украинскіе сюжеты. Укажемъ на Свиньина, который печаталъ такія произведенія и съ которымъ Гоголь былъ знакомъ. Такимъ образомъ, поселившись въ Петербургѣ, Гоголь не могъ не замѣтить и изъ литературы, и изъ встрѣчъ съ земляками пробужденія интереса къ украинскому элементу. Уже однимъ этимъ можно объяснить, почему усилился интересъ къ украинскому и у Гоголя на столько, что онъ въ письмахъ обращался къ своей матери съ просьбой присылать ему въ запискахъ пѣсни, сказки, разсказы, описанія быта, воспоминанія о старинѣ, названія всякихъ національныхъ предметовъ и т. д.

У Гоголя вообще украинская струна была такъ натянута и настроена, что откликалась на все родное. Онъ никогда не переставалъ чувствовать свое психологическое родство съ украинской народностью. Элементами ея, какъ это доказалъ до наглядности проф. Мандельштамъ въ своемъ изслѣдованіи „О характерѣ Гоголевскаго стиля“, проникнуто все его творчество до такой степени, что на нихъ оно

и создавалось, и опиралось, и росло, и выросло. Но только что указанное литературное явленіе не имѣло общаго и принципіальнаго характера, не было „выраженіемъ живой національной формы", а представлялось лишь стихійнымъ и выражалось потому только въ стихійно-историческомъ процессѣ; оно было покамѣстъ лишь потребностью и голосомъ природы, или дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, но не продуктомъ самосознанія, не дѣломъ общественнаго идейнаго служенія. Вслѣдствіе этого и интересъ къ украинскому, и симпатіи къ нему, и самое движеніе въ пользу украинскаго возрожденія носили стихійный и этнографическій характеръ. Для того, чтобы это движеніе пріобрѣло себѣ идейное содержаніе и принципіальное значеніе, надо было много времени на его развитіе и кристаллизацію въ сознаніи. Для этого необходима была огромная и продолжительная умственная работа, которая выразительно проявила себя въ кристаллизованномъ видѣ только по смерти Гоголя въ 1860 годахъ. При наличности въ украинскомъ обществѣ стихійнаго движенія Гоголь своими геніальными поэтическими произведеніями изъ украинской жизни и исторіи, своими „Вечерами" и „Тарасомъ Бульбой", показавъ въ нихъ положительные типы и положительныя идеальныя стороны быта, вліялъ положительно и на сознаніе этого общества. Этимъ онъ оказалъ на украинцевъ огромное вліяніе и далъ сильный толчекъ къ кристаллизаціи національной мысли для перерожденія ея въ идейное общественное украинское культурное движеніе. Своими произведеніями онъ оказалъ огромное вліяніе и на характеръ украинской литературы, усиливъ въ ней стремленіе къ реализму. Заслуга Гоголя въ этихъ отношеніяхъ передъ украинскимъ обществомъ не меньшая, чѣмъ передъ русскимъ.

Гоголь и въ Петербургъ пріѣхалъ уже съ украинскими симпатіями, пробудившимися у него довольно рано. Этимъ онъ обязанъ былъ не только своему происхожденію, но и той обстановкѣ, въ которой росъ, учился и жилъ. Въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ Гоголь постоянно встрѣчался и имѣлъ дѣло съ украинскимъ народомъ и, такимъ образомъ, его постоянно окружала украинская народная стихія. О панскомъ кругѣ мы уже говорили. Родственники

у Гоголя были по своему происхожденію и связямъ украинцы, причемъ занимали высокое общественное положеніе. Врядъ ли Гоголь могъ почерпнуть что либо отъ панства въ особенности, но родственники его имѣли свои традиціи и часто вспоминали о предкахъ, между которыми по отцу—Остапъ Гоголь былъ наказнымъ гетманомъ, а по матери—Танскій былъ извѣстный украинскій писатель XVIII вѣка, написавшій нѣсколько украинскихъ интерлюдій въ простацкомъ жанрѣ. Историческія воспоминанія и фамильныя традиціи здѣсь не могли не быть живыми, ибо въ условіяхъ тогдашняго быта должны были Остапа Гоголя и Танскаго поминать съ особеннымъ уваженіемъ и гордостью, вспоминая вмѣстѣсътѣмъ ихъ дѣла, поступки и жизнь, а также тѣ событія, въ которыхъ они принимали участіе. Благодаря Остапу Гоголю, не надо было особенно заботиться ни о родословной, ни о доказательствахъ дворянскихъ правъ, ни о документахъ на дворянство. А это въ тѣ времена было дѣломъ весьма серьезнымъ. Не даромъ, какъ извѣстно теперь, послѣ жалованной грамоты дворянству, въ Варшавѣ, Бердичевѣ и др. городахъ открылись конторы для фабрикаціи документовъ и родословныхъ на дворянство, вслѣдствіе чего лѣтъ черезъ 15—20 послѣ заявленія депутатовъ малорусскаго панства, что у него документовъ на дворянство нѣтъ, такъ какъ пожары, бунты и войны уничтожили ихъ, при разборѣ дворянскихъ правъ въ Малороссіи, вдругъ, оказалось до 100.000 дворянъ съ документами (Ефименкова, „Южн. Русь“, т. I, стр. 186; проф. Романовичъ—Словатинскій, „Дворянство въ Россіи“, „Кіев. Стар.“, 1888 г., т. I, стр. 107—108). У Гоголей дѣло стояло такъ ясно и прочно, что они должны были, по современнымъ нравамъ, гордиться передъ сосѣдями своимъ шляхетскимъ званіемъ и имѣли достаточно фактовъ, чтобы подчеркнуть свое не простонародное, а благородное происхожденіе. На Остапѣ Гоголѣ у его потомковъ утверждались честь и достоинство рода, а вслѣдствіе этого и о немъ самомъ, и о тѣхъ событіяхъ, съ которыми связано его имя, приходилось вспоминать и любовно, и часто. Впечатлѣнія отъ этого, безъ сомнѣнія, не проходили безслѣдно для будущаго великаго писателя. Независимо отъ этого, впеча-

тлѣнія отъ историческихъ событій на Украинѣ и подновлялись. Въ годъ рожденія Гоголя, а засимъ вторично черезъ 11 лѣтъ правительство переселило казаковъ изъ Полтавщины и Черниговщины на Кавказъ. Въ тѣ времена еще существовали остатки запорожскихъ казаковъ, переселившихся въ Турцію и основавшихъ тамъ Задунайскую Сѣчь. Стародавнее украинское казачество было и на Кубани. Туда за Дунай и на Кубань бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ крѣпостные. Обо всемъ этомъ въ помѣщичьихъ кругахъ не могли не говорить. Всѣ такіе факты, какъ правильно говоритъ Ефименкова въ своей статьѣ о Гоголѣ, не проходятъ безслѣдно для общественнаго сознанія, а потому не могли они не оставить слѣда и въ душѣ будущаго писателя, давъ матеріалъ его украинской стихіи.

Мы уже говорили о томъ, что отецъ Н. В. Гоголя былъ украинскимъ писателемъ. Самъ Н. В. Гоголь превосходно говорилъ по малорусски. Въ Нѣжинскомъ лицеѣ воспитывались преимущественно дѣти чиновниковъ и того общества, къ которому принадлежалъ Гоголь, и разговорнымъ языкомъ у нихъ былъ украинскій языкъ, какъ дань сильной жизненной стихіи. Воспитанники ставили украинскія пьесы и въ нихъ Н. В. Гоголь принималъ живѣйшее участіе не только въ роли антрепренера и режиссера, но и въ роли актера. Вотъ та стихія, та обстановка и та атмосфера, въ которой росъ и воспитывался Н. В. Гоголь и которыя должны были, несмотря на противное всему этому направленіе школы, привить ему украинскія симпатіи. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гоголь украинскій языкъ называлъ „языкомъ души". На этомъ языкѣ онъ разговаривалъ съ земляками и съ польскими писателями съ Богданомъ Залѣсскимъ и Мицкевичемъ, а Б. Залѣскому и писалъ по украински — одно изъ такихъ писемъ сохранилось и дошло къ намъ. Такимъ образомъ, украинская стихія была и стихіей Н. В. Гоголя. Но и все его украинство имѣло лишь стихійный, а не идейный характеръ, не было продуманнымъ настолько, чтобы стать сознательной потребностью духа. А на сколько безсознательное стремленіе къ возрожденію украинской или южно-русской культуры было сильнымъ въ своей стихіи, лучшимъ дока-

зательствомъ можетъ служить то, что даже русскіе вельможи, жившіе на Украинѣ, увлекались украинскимъ. Припомнимъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. Репнина, гр. Капниста, кн. Куракина и др. У дяди Н. В. Гоголя, бывшаго министра Трощинскаго, по происхожденію сына казака, была своя домашняя сцена, на которой разыгрывались и украинскія пьесы. Для этой сцены писалъ отецъ Гоголя. На этихъ спектакляхъ бывалъ и Н. В. Гоголь.

Вотъ та стихія, изъ которой Н. В. Гоголь, какъ изъ родника, впиталъ въ себя украинскія симпатіи раньше, чѣмъ попасть въ Петербургъ, гдѣ эти симпатіи, встрѣтивъ вражду, нашли и поддержку въ интересѣ петербуржцевъ къ украинскому, возбужденномъ писателями изъ Малороссіи. А украинской литературой Гоголь интересовался, зналъ ее и почти всѣ свои эпиграфы взялъ изъ сочиненій украинскихъ авторовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ даже въ дружбѣ. В. А. Гоголь выписывалъ „Украинскій Вѣстникъ“ и Н. В. Гоголь читалъ его.

Любовь къ Украинѣ и къ родной стихіи у него проявлялась постоянно не только въ литературныхъ его произведеніяхъ и перепискѣ, но и въ обыденной жизни. Въ какомъ восторгѣ онъ былъ отъ украинскихъ пѣсенъ, которымъ посвятилъ даже цѣлую статью! „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями! Я не могу жить безъ пѣсенъ; онѣ... все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь, и увы! прошедшихъ людей“....—говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Максимовичу. Дважды словомъ „увы!“ онъ подчеркиваетъ свое сожалѣніе о томъ, что прошедшее ушло. Онъ самъ собиралъ пѣсни и другихъ просилъ объ этомъ. Въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь сложилъ цѣлый гимнъ этимъ пѣснямъ. „Пѣсни для Малороссіи все, и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи“. Онъ нѣсколько разъ подчеркнулъ, что въ пѣсняхъ вылились „безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи“, „минувшія страданія Малороссіи“, вся жизнь и душа ея народа, вслѣдствіе чего

эти пѣсни и звуки ихъ „живутъ, жгутъ, раздираютъ душу". Съ такимъ восторгомъ объ украинской пѣснѣ говорили только развѣ Жемчужниковъ да извѣстный музыкальный критикъ Сѣровъ, который въ „Основѣ" (61 г., мартъ), писалъ, что для изученія украинскихъ пѣсенъ и музыки мало и цѣлой жизни одного человѣка. Гоголь даже передъ смертью, когда силы оставляли его, оживалъ при звукахъ украинской мелодіи и глаза его загорались. Любовь къ исторіи и время занятій ею Гоголь отдалъ прежде всего „бѣдной Украинѣ", а затѣмъ всеобщей исторіи. Въ статьѣ „о преподаваніи всеобщей исторіи" Гоголь говоритъ, что онъ хотѣлъ бы научить слушателей понимать всю лѣтопись міра, развернуть передъ ними всю картину человѣческой жизни, обращая вниманіе прежде всего на этнографическій составъ, племенную психику, политику, торговлю, литературу, искусство. Здѣсь обращаютъ вниманіе два элемента, выдвинутые Гоголемъ, какъ предметъ его интереса: этнографія и племенная психика.

Планъ занятій Гоголя по исторіи Малороссіи былъ очень широкій. Въ 1833 г. Гоголь писалъ Максимовичу, что „принялся за исторію бѣдной Украины", и говоритъ: „Я скажу много того, чего до меня не говорили". Онъ въ своей „исторіи Малороссіи", разсчитанной на 6 томовъ, обѣщалъ указать „на географическія, этнографическія, экономическія и юридическія условія", и связывалъ эту исторію со всемірной исторіей, а въ 1834 году писалъ Погодину: „Я весь теперь погруженъ въ исторію Малороссійскую и всемірную... Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя". Уже въ 1833 г. у Гоголя зародилась мысль объ университетской каѳедрѣ въ Кіевѣ, и именно въ Кіевѣ, хотя раньше ему предлагали каѳедру въ Москвѣ. Петербургъ ему надоѣлъ, въ Москву онъ не хочетъ, а мечтаетъ только о Кіевѣ и въ письмѣ къ Пушкину сообщаетъ: „Тамъ (въ Кіевѣ) я окончу исторію Украины и юга Россіи и напишу всеобщую исторію... Да превратится онъ (Кіевъ) въ русскіе Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ". Русской исторіи Гоголь не любилъ, выдѣлялъ изъ нея украинскую исторію и былъ" готовъ скорѣе все бросить и откланяться, чѣмъ читать исторію рус-

скую", о чемъ и писалъ откровенно Пушкину. (Котляревскій, „Гоголь", стр117—119).

Во все время своего семилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ (1829—1836 г.) Гоголь усердно собиралъ историческіе матеріалы и, по выраженію проф. Котляревскаго, „жилъ мечтой стать малороссійскимъ Фукидидомъ". Каковъ былъ у него взглядъ на украинскую исторію, можетъ служить хотя бы этотъ отрывокъ изъ конспекта его лекцій, написаннаго въ 1832 году: „И вотъ Южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ Литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ Сѣверной. Всякая связь между ними разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинаковымъ именемъ—Русью, одно подъ татарскимъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ литовцами. Но уже сношеній между ними не было: другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характеры". Въ письмѣ къ Смирновой, говоря о разницѣ великорусскаго и малорусскаго характеровъ, Гоголь пишетъ: „Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ", дополняющія другъ друга для сильной государственной жизни.

Въ письмахъ къ Максимовичу Гоголь пишетъ: „Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украины, ради отцовскихъ могилъ"...„Теперъ я принялся за исторію нашей бѣдной единственной Украины"... „Душа тоскуетъ за Украиной"... „Наша единственная, бѣдная Украина"... Сколько любви, силы и лиризма вложено въ эти слова и нѣжные эпитеты! Вотъ что жило въ душѣ Гоголя живымъ чувствомъ и давало ему силу вдохновенія. Но это было только чувство и немного надо было, чтобы подняться къ идеѣ, однако, онъ не поднялся и дальше стихіи не пошелъ.

Интересна та переписка Гоголя съ Максимовичемъ, въ которой Гоголь разрѣшаетъ вопросъ о томъ, не покинуть ли имъ Москвы и Петербурга, чтобы поѣхать къ себѣ на родину и служить ей. Въ одномъ письмѣ Гоголь говорилъ Максимовичу: „Бросьте, въ самомъ дѣлѣ, канцію, да поѣзжайте въ гетманщину. Я самъ думаю тоже сдѣлать и на

слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудить хорошенько! Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ? Идемъ въ Кіевъ!" Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Туда, туда, въ Кіевъ, въ древній прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, а не ихъ—не правда-ли? Тамъ, или вокругъ дѣялись дѣла старины нашей"... Гоголь мечталъ о новой жизни на Украинѣ, о дѣятельности и жертвѣ для нея. Въ другомъ письмѣ, упрекая Максимовича, что онъ влюбился „въ толстую Москву", Гоголь повторяетъ то же самое и снова зоветъ его домой, въ Кіевъ. Совершенно естественно, когда писатель свои любовныя, живыя и пылкія чувства къ чему либо переноситъ въ свои произведенія, даже помимо своей воли и сознательности. И Гоголь естественно свои любовныя, живыя и пылкія чувства къ украинскому не могъ не перенести въ свои художественныя произведенія, какъ напр., въ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" и въ „Тараса Бульбу". Замышлялъ онъ и др. украинскія произведенія, но не успѣлъ осуществить своей мысли, только начавъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ указанныхъ произведеніяхъ Гоголя его чувства къ украинскому бьютъ живымъ ключемъ и заражаютъ собою читателя изъ украинцевъ, будятъ въ немъ его стихію, его чувство родного, и дѣйствуютъ на сознаніе. Вліяніе произведеній Гоголя на украинское самосознаніе продолжается. Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что Гоголь проводилъ грань между украинскимъ и великорусскимъ, называлъ украинское своимъ, высказывалъ желаніе служить ему, какъ „нашему", и желалъ ему развитія и жизни. Украинскій языкъ онъ считалъ отдѣльнымъ языкомъ, какъ и великорусскій, называлъ его „языкомъ души" и, напр., въ письмѣ къ Максимовичу, по поводу его перевода съ украинскаго, писалъ такъ: „Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажется, очень будутъ понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину смысла подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ на русскомъ, потому что оно не въ духѣ русскаго языка: и тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его... Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малорусскіе обороты и конструкціи

прочь".—Ему было непріятно, что украинское культурное общество оставило и забывало родную рѣчь, которую онъ называлъ „языкомъ души". Однажды, на родинѣ, услышавъ, какъ сосѣдка помѣщица воспрещала сынишкѣ говорить по малорусски, Гоголь замѣтилъ ей: „Зачѣмъ вы мѣшаете ему? Пусть говоритъ на своемъ родномъ нарѣчіи"... (Восп. Пащенко. „Берегъ" 1880 г. № 268). Съ Максимовичемъ Гоголь разговаривалъ по малорусски и писалъ ему: „Одному пріѣхать въ этотъ край—(въ Кіевъ), хотя и желанный, но быть одному, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души" и т. д. Въ Нѣжинѣ Гоголь водилъ обширныя знакомства съ простонародіемъ, дружилъ съ обывателями предмѣстья „Магарки", бывалъ у нихъ въ гостяхъ, на свадьбахъ, на праздникахъ и разныхъ увеселеніяхъ, знакомился съ крестьянами, ѣхавшими въ городъ изъ деревень, а также съ торговцами на базарѣ, и со всѣми этими лицами любилъ вести разговоры на малорусскомъ языкѣ. Сохранившаяся у С. Аксакова рукописная книга Гоголя въ 490 стр. заполнена отчасти малорусскимъ словаремъ и собранными Гоголемъ произведеніями украинской народной словесности.

Въ своемъ изслѣдованіи „О характерѣ Гоголевскаго стиля" проф. Мандельштамъ, приведя рядъ выписокъ изъ произведеній Гоголя и разобравъ ихъ, говоритъ: „По нимъ можно легко судить о томъ, что Гоголю собственно было близко, ближе всего: сравненія вращаются въ области мыслей о прелестяхъ козацкой жизни, о малороссійской природѣ, въ области чувствъ, враждебно настроенныхъ противъ всего чуждаго малороссійскимъ началамъ" (стр. 188). „Для Гоголя опытъ жизни давала Малороссія и этотъ опытъ служилъ матеріаломъ во все время творчества" (стр. 200). „Направленная обыкновенно въ сторону отрицанія, мысль весьма часто поворачивала, однако, въ сторону положительнаго, когда затрагивались вопросы о родной странѣ, особенно въ ея прошлыхъ судьбахъ" (стр. 201). Этимъ отчасти объясняется, почему Гоголь въ своихъ произведеніяхъ далъ положительные типы только изъ украинской жизни и народности. Самое возбужденіе творческой мысли у Гоголя „шло по колеѣ родного языка... на родномъ языкѣ онъ былъ глу-

боко художественъ и глубоко правдивъ—и потому именно высоко цѣнно было вліяніе малорусскаго языка на литературный языкъ русскій, воспринявшій эти элементы" (стр. 199). „Думая на украинскомъ языкѣ, „Гоголь мысленно переводилъ обороты, слова, буквально, примѣняясь къ русской рѣчи" (стр. 208). Но даже при переводѣ „Гоголь пользовался малороссійскимъ языкомъ каждый разъ, когда общерусскій не въ состояніи былъ передать той тонкости мысли, которая передавалась естествено языкомъ малороссійскимъ... Малорусскій языкъ преобладаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль требуетъ выраженія настроенія. Какъ только вспыхиваетъ, напр., чувство любви къ тому, что сердцу близко, малороссійская рѣчь становится господствующею" (стр. 217). Украинскій элементъ создалъ то, что „стиль Гоголя демократиченъ", чего не было до Гоголя ни у кого изъ русскихъ писателей (стр. 350).

Изъ всего этого видно, сколь сильна была украинская стихія во всемъ существѣ Гоголя. Эту стихію съ любовью къ родному онъ внесъ въ свои художественныя произведенія и оставилъ въ наслѣдство читателямъ. Проф. Потебня писалъ: „Говорить—значитъ возбуждать въ другомъ его собственныя мысли". Наполнивъ свои произведенія изъ украинской жизни горячей любовью къ родному, бьющей изъ нихъ живымъ ключемъ, врывающимся въ душу читателя, Гоголь этими произведеніями будилъ въ малорусскомъ обществѣ мысли и чувства, полныя украинскихъ симпатій и любви къ родному. Этимъ сознаніе оплодотворялось и Гоголь вліялъ на созданіе національнаго самосознанія украинцевъ. Украинская литература почти вся признала въ Н. В. Гоголѣ украинофила панскоі формаціи и потому, какъ говоритъ проф. Грушевскій, нѣтъ никакихъ основаній выключать Гоголя „з історії українського національного руху, розвою української свідомости", вслѣдствіе чего противникамъ украинськаго движенія можно отвѣтить: „він наш, він не їх!" (Мих. Грушевскій: „Юбилей Миколи Гоголя", „Літ. Наук Вістн.", 1909 р., кн. III, стр. 606—610). Пыпинъ это только подозрѣвалъ, когда писалъ, что у Гоголя „вырывались даже слова, по которымъ онъ могъ бы быть признанъ за истаго украинофила".

У меня и сейчасъ живы воспоминанія о вліяніи „Тараса Бульбы“ и „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ на насъ, воспитанниковъ Лубенскоій гимназіи, Полтавскоій губ. Это вліяніе на насъ, дѣтей украинскаго происхожденія, было столь сильнымъ, что мы, разговаривавшіе по малорусски, даже не замѣчали того, что произведенія Гоголя написаны не на украинскомъ, а на русскомъ языкѣ. Для насъ Тарасъ Бульба и Остапъ были не только живыми лицами, но идеалами и предметомъ подражанія. Какъ я убѣдился впослѣдствіи, такое же воздѣйствіе оказывали произведенія Гоголя и въ иныхъ мѣстахъ Украины на другихъ людей. Объ этомъ же заявилъ въ своей юбилейной статьѣ г. Ефремовъ („Рада“), который говоритъ, что подъ вліяніемъ произведеній Гоголя у него впервые проснулось сознаніе, что онъ сынъ Украины, и родилась потребность работать на пользу культурнаго возрожденія украинскаго народа. Отъ старыхъ „украинофиловъ“ мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ они распространяли „Тараса Бульбу“ и „Вечера“, убѣдившись, что эти произведенія будятъ чувства любви и уваженія къ своей народности и ведутъ къ національному самосознанію украинскаго общества.

Рѣчи Тараса Бульбы и Остапа, а также дѣятельность этихъ героевъ, будили въ насъ могучее чувство любви къ родному. Какимъ образомъ могли бы остаться безъ слѣдовъ на сознаніи мыслящаго юнца хотя бы эти огненныя мѣста: „Такъ, стало быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого черта мы живемъ? Растолкуй ты мнѣ это!“ („Тар. Бульба“, 297). Эти слова такъ и просятся быть произнесенными по украински!

Или такое мѣсто: „Знаю, говоритъ Тарасъ Бульба объ украинцахъ и о польскихъ вліяніяхъ, знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды, да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребахъ запечатанные меды ихъ; *перенимаютъ чертъ знаетъ какіе бусурманскіе обычаи; гнушаются языкомъ своимъ, свой съ своимъ не хочетъ говорить, свой своего*

продаетъ (курсивъ нашъ), какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ". Такія рѣчи вліяли на насъ неотразимо. Мы ихъ переносили изъ прошлаго въ современность и прикладывали къ дѣйствительности. Мы сознавали, что украинское пришло въ упадокъ и не стало вслѣдствіе этого Тарасовъ Бульбъ и Остановъ; украинской родной рѣчью мы не только не гнушались, а, напротивъ, слѣдуя словамъ нашего идеала—Тараса Бульбы, стали крѣпче держаться ея и говорили по украински, по возможности всегда и вездѣ, даже рисуясь и бравируя этимъ.

Украинскихъ читателей не могли не наводить на размышленія и такія мѣста въ „Тарасѣ Бульбѣ":—„Тогда вліяніе Полыши начало уже сказываться на русскомъ дворянствѣ (замѣтимъ, что русскимъ Гоголь здѣсь называетъ украинское). Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ". Это мѣсто наводило украинца на мысль о томъ, что не надо безъ толку перенимать чужого, а слѣдуетъ дорожить своимъ, простымъ, казацкимъ и заботиться прежде всего о развитіи своего роднаго, народнаго, украинскаго. Насъ сильно возмущали поведеніе, поступки и слова Андрія, который жилъ и дышалъ инымъ духомъ. Потребность любви къ женщинѣ пробудилась въ немъ рано. Онъ поѣхалъ на Сѣчь и на войну со своимъ отцомъ не вслѣдствіе внутреннихъ побужденій, а только изъ боязни перечить отцу. Признаваясь полькѣ въ любви, онъ за ея любовь готовъ отдать и отдалъ все, что свято и дорого его отцу и брату, причемъ говоритъ полькѣ: „А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна?... Нѣтъ у меня никого! Никого! Никого! Кто далъ мнѣ ее (Украину) въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю: пусть кто нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все это, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну". —Гоголь рисовалъ живые типы прошла-

го и настоящаго. И здѣсь у него изображены живые типы. Упоминаемый подъ 1655 г. въ лѣтописи Самовидца Остапъ Гоголь, перешедшій на сторону поляковъ, носилъ также имя Андрея. Дѣдъ нашего писателя—Афанасій Гоголь, желая показать свое „благородное" происхожденіе для полученія дворянской грамоты, въ родословной, поданной въ 1788 г. въ Полтавское дворянское депутатское собраніе, указалъ, что его предки „польской націи". Хотя это типичныя явленія въ средѣ малорусскаго панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь нѣкоторыя черты для Андрія взялъ изъ своихъ фамильныхъ преданій. Гоголю эти отреченія отъ родной народности были столь противными, что онъ отбросилъ отъ своей фамиліи польскую приставку „Яновскій". Такими типами полна была и современная намъ дѣйствительность, а потому рѣчь Андрія, вмѣстѣ съ нашими симпатіями къ Тарасу Бульбѣ и Остапу, дѣйствовала на наше сознаніе возбуждающимъ образомъ и любовь къ родному росла и усиливалась. Вліяніе Гоголя на наши чувства любви и уваженія къ родному, однако, не имѣло ничего общаго съ сепаратизмомъ и выражалось только въ стремленіи сохранить, возродить и развить свою украинскую культуру, а прежде всего свой языкъ и литературу, въ границахъ Россіи.

Многіе малороссы высказываютъ сожалѣніе, что Гоголь писалъ только по русски, а по украински, кромѣ письма къ Б. Залѣсскому да небольшого сатирическаго стишка на своего воспитателя Зельднера, ничего не написалъ. Конечно, украинцамъ было бы пріятно и полезно имѣть на своемъ языкѣ хоть одно произведеніе Гоголя, но истина требуетъ признать что вообще, по условіямъ своего времени и своего общества, Гоголь сдѣлалъ гораздо лучше, написавши по русски. Только русскія произведенія могли найти Гоголю болѣе или менѣе широкій кругъ читателей, а слѣдовательно и сравнительно большій кругъ вліяній въ обществѣ, какъ великорусскомъ, такъ и малорусскомъ. Произведенія на украинскомъ языкѣ, уже въ силу незначительности круга читателей на этомъ языкѣ, не оказали бы и сотой доли того вліянія на русскую и украинскую общественность, какое выпало на долю русскихъ твореній.

Произведеній на украинскомъ языкѣ во времена Гоголя не читали бы не только великороссы, но и все то украинское общество, которое усвоило себѣ великорусскую или польскую культуру, избѣгало родного всячески и относилось къ нему съ презрѣніемъ, какъ къ мужицкому. О простомъ же народѣ нечего и говорить—онъ былъ крѣпостнымъ и безграмотнымъ, а потому читателей не далъ бы все равно. Не надо забывать и того, что произведенія Гоголя составляютъ достояніе всѣхъ рѣшительно библіотекъ, начиная отъ школьныхъ, тогда какъ, напр., произведенія Шевченка, Марко-Вовчка, Котляревскаго и др. современниковъ Гоголя, только потому, что онѣ написаны по малорусски, и до сихъ поръ не имѣютъ доступа въ школьныя библіотеки. Такимъ образомъ, украинскій языкъ произведеній Гоголя сталъ бы непреоборимой стѣной для вліянія ихъ на общество и это вліяніе долго было бы ограниченнымъ, пока кто нибудь перевелъ бы ихъ на русскій языкъ и тѣмъ сдѣлалъ бы доступными и русскому, и украинскому обществамъ.

Условія жизни и общественности были таковы, что даже патентованные „украинофилы"—писатели, какъ во времена Гоголя, такъ и позже, употребляли оба языка—русскій и украинскій. Припомнимъ, напр., Костомарова, Мордовцева, Квитку—Основяненка, Шевченка, который даже свой дневникъ писалъ по русски. Нѣкоторые изъ нихъ писали по русски несравненно больше, чѣмъ по украински.

Всякаго писателя, какъ и всякаго общественнаго дѣятеля, необходимо разсматривать въ его обществѣ, въ его обстановкѣ и въ условіяхъ жизни его времени, т. к. всякій человѣкъ сынъ своего времени, общества и обстановки. На Украинѣ еще въ XVII вѣкѣ считалось униженіемъ для учености писать на живомъ языкѣ своего народа, вслѣдствіе чего писали по латыни, по гречески, по польски и по церковно-славянски. Во времена Гоголя украинскій народъ находился въ крѣпостномъ состояніи, всѣ верхніе слои оставили свою народность, и все грамотное общество, которое читало книги и для котораго только и существовала литература, было привиллегированнымъ классомъ. Но этотъ классъ и сосѣдніе съ нимъ слои употребляли или французскій, или русскій, или смѣшанный языкъ, а къ просто-

народному относились отрицательно. Такъ какъ это общество было единственнымъ читателемъ, то изъ этого одного уже ясно, почему Гоголь по условіямъ своего времени и обстоятельствъ жизни долженъ былъ писать по русски.

Во времена Гоголя и русскій литературный языкъ былъ еще мало обработанъ. Проф. Мандельштамъ пишетъ: „Многіе, стоявшіе во главѣ общества, превосходно излагавшіе свои мысли на французскомъ языкѣ, писали по русски самымъ неуклюжимъ образомъ, точно съѣзжали, по выраженію Аксакова, съ торной дороги на жесткія глыбы только что поднятой нивы". Тоже пишетъ и Пыпинъ. Самъ Гоголь признавалъ, что русскій языкъ надо „облагородить", выбросить изъ него массу словъ и замѣнить ихъ иными. „Виноватъ, кажется изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что же дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь... А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ... А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самимъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ—словомъ хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты и выставить его"—писалъ Гоголь. Еще во времена Каткова, въ 60-хъ годахъ, русскій литературный языкъ былъ въ такомъ состояніи, что Катковъ въ 1861 г. писалъ: „Оглядываясь на нашу исторію, обозрѣвая нашу литературу въ прошедшемъ и настоящемъ, допрашивая нашу цивилизацію, мы, къ сожалѣнію, не видимъ абсолютной невозможности, чтобы вмѣсто того русскаго языка, которымъ мы теперь говоримъ и пишемъ, не явился рано или поздно, при новыхъ историческихъ условіяхъ, какой нибудь другой русскій языкъ" („Рус. Вѣстн.", 1861 г., мартъ). Катковъ думалъ, что такимъ новымъ русскимъ языкомъ можетъ стать украинскій языкъ. Гоголь употреблялъ

много времени и труда на чистку и обработку русскаго языка своихъ произведеній, выбрасывая изъ него церковно славянщину и чужеземщину. Разобравъ стиль и языкъ Гоголя, проф. Мандельштамъ пишетъ: „Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому внесшему въ литературу народную рѣчь, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ языкомъ не писалъ и Пушкинъ". Если такимъ литературнымъ языкомъ былъ языкъ русскій, то еще въ худшемъ состояніи былъ литературный украинскій языкъ, заброшенный, запущенный и лишенный культурныхъ элементовъ. Гоголь, хотя и владѣлъ украинской простонародной рѣчью въ совершенствѣ, но писать на ней обо всемъ нельзя было: не нашлось бы массы словъ для выраженія новыхъ понятій. Для этого требовались время и совокупная работа многихъ людей.

Такимъ образомъ, общія условія не благопріятствовали тому, чтобы Гоголь писалъ на родномъ украинскомъ языкѣ, несмотря не всю любовь къ нему. Ко всему же этому школьное ученіе Гоголя было все на русскомъ языкѣ и такимъ образомъ создались извѣстныя привычки, а симпатіи Гоголя къ украинскому, какъ мѣтко выразился проф. Овсянико-Куликовскій, не были „выраженіемъ живой національной формы" и заключали въ себѣ только стихійныя начала, для такого же выраженія необходима идеійность.

Во времена Гоголя еще не было сознанія, что литературная обработка великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ расчиститъ русла и источники для русскаго языка. Если бы это сознаніе существовало, то и сторонники только обще-русскаго языка писали бы на мѣстныхъ украинскомъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ. Забивать источники и упразднять русла было бы гибельнымъ и для общерусскаго языка, такъ какъ безъ нихъ онъ оторвался бы отъ жизненныхъ элементовъ, лишился бы питательныхъ соковъ, оскудѣлъ бы и превратился бы въ мертвый языкъ, подобно латинскому.

Къ указаннымъ причинамъ, почему Гоголь не писалъ по украински, необходимо указать еще нѣкоторыя. Несомнѣнно, что всѣ причины вліяли своею совокупностью. Гоголь сильно нуждался, а за русскія произведенія ему пла-

тили большія деньги. На дѣятельность писателя Гоголь смотрѣлъ, какъ на государственную службу, о чемъ онъ не разъ писалъ и въ письмахъ къ матери. „Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, пишетъ онъ изъ Нѣжина, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству". Онъ находилъ, что нельзя быть и счастливымъ „до вступленія въ службу". Вспоминая объ отцѣ, Гоголь пишетъ матери: „Сладостно мнѣ быть съ нимъ (т. е. съ образомъ усопшаго), я загляды-ваю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испы-тую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и спра-ведливо) въ себѣ, я воспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія... черезъ годъ вступаю я въ службу государственную". Когда его постигли служебныя неудачи, то онъ писалъ матери, что и занятіе писательствомъ представляетъ собою государствен-ную службу. Вотъ почему, говоритъ Котляревскій, Гоголь, когда ему пришлось отказаться отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ по службѣ въ качествѣ чиновника, все таки „не переставалъ смотрѣть на свою писательскую дѣятельность, какъ на „службу" государству, и раздавалъ направо и на-лѣво совѣты государственной мудрости". („Гоголь", стр. 10). Къ тому же Гоголь преклонялся предъ авторитетомъ пра-вительства, а правительство неблагопріятствовало украинскому. Припомнимъ также, что Гоголь былъ человѣкъ слабовольный и постоянно былъ подъ чьимъ либо вліяніемъ, одно изъ которыхъ даже свело его въ могилу. А на Гоголя имѣлъ преимущественное вліяніе кружокъ Пушкина, Жуков-скаго, Вяземскаго, Плетнева, Смирновой и т. п., кото-рый вліялъ на него и въ смыслѣ государственности, и въ смыслѣ исповѣданія „оффиціальной народности"—это вліяніе связывало его и уничтожало всякую мысль о писатель-ствѣ на какомъ бы то ни было иномъ языкѣ, кромѣ русска-го. Этотъ кружокъ выхлопоталъ Гоголю за его русскія про-изведенія нѣчто вродѣ пенсіи изъ государственнаго казна-чейства, чего онъ не могъ бы имѣть за украинскія произве-денія. Считался Гоголь и съ тѣмъ, что украинскій языкъ въ его время былъ языкомъ мужицкимъ, простонароднымъ. Мы знаемъ, что Гоголь по воспитанію, убѣжденіямъ и сим-

патіямъ былъ помѣщикомъ своего времени, владѣющимъ крѣпостными, а вслѣдствіе этого и въ отношеніяхъ къ языку простого крѣпостного народа, хотя чувство ему говорило и иное, не могъ не относиться по пански, хотя при этомъ и не могъ не испытывать раздвоенности чувства, весьма характерной для всей его дѣятельности.

Изъ украинцевъ самое сильное вліяніе на Гоголя оказывалъ проф. Максимовичъ, но это вліяніе не было ни на столько выразительнымъ, ни на столько энергичнымъ, чтобы парализовать хотя бы вліяніе Пушкинскаго кружка.

Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ за то, что Гоголь не писалъ по украински вслѣдствіе принципіальныхъ мотивовъ. Напротивъ, мы знаемъ о его большой любви къ своей народности, а вмѣстѣ и къ украинскому языку, изъ чего только можемъ заключить, что для писанія на украинскомъ языкѣ своихъ произведеній Гоголь въ тѣ времена не находилъ соотвѣтствующихъ условій и только вслѣдствіе этого не писалъ по украински. Лучшимъ и прямымъ подтвержденіемъ этого служитъ письмо Гоголя къ матери, въ которомъ онъ изъ Петербурга проситъ записать и сообщить ему украинскія народныя повѣрія, пѣсни, сказки, преданія, анекдоты и т. д. и говоритъ: „Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно... Еще прошу выслать мнѣ двѣ паненькины малороссійскія комедіи: „Овца-Собака“ и „Романъ съ Параскою“. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ, а, по моему мнѣнію, ничѣмъ не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и г. д.“ (письма Н. В. Гоголя, I, 119—121). Если къ этому письму прибавить еще, что Гоголь съ земляками и съ польскими писателями разговаривалъ по украински, а къ Б. Залѣсскому писалъ по украински, то этихъ фактовъ уже совершенно достаточно, чтобы опровергнуть всякую мысль объ отрицательномъ отношеніи Гоголя къ украинскому языку и къ писательству на этомъ языкѣ. Напротивъ, онъ самъ устраивалъ спектакли на этомъ языкѣ въ Нѣжинѣ и про-

силъ мать прислать отцовскія пьесы, чтобы устроить малорусскій спектакль и въ Петербургѣ.

И такъ, Гоголь своей литературной дѣятельностью оказалъ неизмѣримыя услуги русской и украинской литературамъ, для которыхъ былъ творцемъ новой реалистической школы. Для русскаго литературнаго языка своими украинскими элементами — языкомъ, юморомъ и нѣжнымъ лиризмомъ, который не имѣетъ ничего общаго ни съ сентиментализмомъ, ни съ романтизмомъ, Гоголь сталъ богатымъ вкладчикомъ и новаторомъ. Вліяя безъ предвзятой тенденціи, а исключительно силой своего поэтическаго творчества и непосредственнаго чувства, вложеннаго въ произведенія, Гоголь принесъ неизмѣримую пользу русскому, великорусскому и украинскому обществамъ, давъ толчекъ къ ихъ самосознанію и къ пробужденію у нихъ самодѣятельности, взаимнаго пониманія и уваженія. Со времени Гоголя литература въ Россіи пріобрѣла общественное значеніе и стала великой прогрессивной силой. Художественнымъ изображеніемъ жизненной дѣйствительности, которую онъ воплощалъ въ реальные образы, Гоголь будилъ самую жизнь отъ застоя и спячки. Всѣ его произведенія проникнуты призывомъ къ самосознанію и самодѣятельности, которыя развиваютъ чувства чести и долга. Гдѣ нѣтъ самодѣятельности, тамъ застой и апатія, а гдѣ апатія—тамъ не бываетъ ни идеаловъ, ни высокихъ порывовъ, ни возвышенныхъ чувствъ. Внеся въ общество новыя понятія и разбудивъ общественную мысль, какъ русскую, такъ и украинскую, Гоголь вмѣстѣ съ другими тѣмъ самымъ расчистилъ путь къ гуманной идейности и къ благородному идеализму 60-хъ годовъ, которые и сейчасъ воодушевляютъ насъ, русскихъ, великороссовъ и украинцевъ, соединяя и объединяя въ одну братскую семью.

Что касается спеціально украинскаго общества, то оно, кромѣ того, чему должно быть благодарно Гоголю русское общество вообще, должно быть благодарно Гоголю, во 1-хъ, за то, что онъ, показавъ положительныя и симпатичныя стороны украинской народности въ поэтическомъ выраженіи, возбудилъ у великороссовъ и русскихъ особый интересъ къ Украинѣ и украинскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ симпатіи и уваженіе къ украинскому, чѣмъ пріобрѣлъ

украинцамъ друзей и сочувствующихъ внѣ украинскаго общества, т. е. создалъ условія, благопріятствующія украинскому культурно-національному возрожденію: и, во 2-хъ, за то, что онъ возвысилъ украинцевъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, поднялъ ихъ духъ и будилъ у нихъ своими художественными произведеніями высокое чувство человѣческаго и національнаго достоинства, вмѣстѣ съ любовью къ родному. Всѣмъ этимъ Гоголь помогъ кристаллизаціи стихійныхъ украинскихъ началъ и претворенію ихъ въ сознательное стремленіе къ развитію украинской жизни и культуры.

Есть такія имена писателей, что при одномъ произнесеніи ихъ рождается чувство благоговѣнія. Къ такимъ именамъ безспорно относится и безсмертное имя украинскаго генія въ русской литературѣ Н. В. Гоголя.

Вліяніе бытовой и литературной среды на „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки"

Рѣчь В. В. Данилова.

Историко-литературныя изслѣдованія съ достаточною опредѣленностью намѣтили тѣ литературные пути, которые привели къ раннему созданію творчества Н. В. Гоголя „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки". Съ одной стороны, мы находимъ на пути къ нимъ явленія малорусской литературы: народную лирику, фацеціи и интермедіи XVIII вѣка и помѣщичью литературу начала XIX столѣтія. Съ другой стороны, къ „Вечерамъ" ведетъ путь предшествовавшей имъ русской народно-сентиментальной и романтической повѣсти XIX вѣка, а, въ общемъ развитіи народности въ литературѣ, даже болѣе раннія явленія, какъ музыкальная народная драма XVIII столѣтія. Наконецъ, на фантастику „Вечеровъ" могла оказать нѣкоторое вліяніе нѣмецкая романтическая литература.

Кромѣ того, обычно „Вечера на хуторѣ" объясняются изъ фактовъ душевнаго настроенія Гоголя въ первоначальный періодъ его петербургской жизни: его тоскою по родинѣ и желаніемъ развлечь себя, какъ говорилъ по поводу „Вечеровъ" самъ писатель.

Но помимо вліянія литературной традиціи и психологическаго момента, на художественномъ произведеніи сказывается вліяніе воспитавшей писателя среды; и, наконецъ, самыя литературныя вліянія могутъ быть сведены ко вліянію литературной среды, окружавшей писателя, въ формѣ личныхъ знакомствъ, повліявшихъ на его творчество.

Подойти къ „Вечерамъ на хуторѣ" съ этихъ двухъ сторонъ—вліянія среды, воспитавшей Гоголя, и личныхъ литературныхъ отношеній писателя — задача настоящей рѣчи.

Ближайшіе предки Гоголя—отецъ и дѣдъ были служилыми полтавскими помѣщиками, хотя вышли изъ духовнаго сословія. Соціальная атмосфера, въ которой они росли и жили, создавалась въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка приходившимъ къ концу процессомъ разслоенія населенія на господъ и крѣпостныхъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій политической жизни. Бывшіе представители казацкой старшины все болѣе и болѣе проникались стремленіемъ слиться во всѣхъ отношеніяхъ съ „благороднымъ" россійскимъ дворянствомъ.

Рожденіе Гоголя застало уже вполнѣ опредѣлившимися эти сословныя отношенія въ Малороссіи. Впослѣдствіи, въ періодъ созданія „Вечеровъ на хуторѣ" Гоголь сожалѣлъ въ письмѣ къ матери, что по сосѣдству съ ихъ имѣніемъ всѣ помѣщики забыли старыя формы жизни и тянутся за модою: „Жаль,—писалъ онъ,—что у насъ нѣтъ сосѣдей какихъ-нибудь старосвѣтскихъ людей... Насъ, какъ нарочно, сколько мнѣ помнится, окружаютъ модники и люди нынѣшняго вѣка, у которыхъ, кромѣ чепцовъ да фраковъ, ничего не увидишь, и намъ, старымъ людямъ, т. е., мнѣ и вамъ, маменька, не съ кѣмъ и слова завесть о старинѣ"... [1]) Для такихъ „модниковъ" народное нарѣчіе, еще недавно имѣвшее литературныя права, и, въ смѣшеніи со славянскимъ, слышавшееся съ церковной каѳедры, становится языкомъ просто „мужицкимъ". Съ такимъ представленіемъ о народномъ языкѣ выросъ Гоголь и потому-то онъ заставляетъ кузнеца Вакулу удивляться, что запорожцы говорятъ съ императрицею Екатериною „самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ".

Будущій писатель наблюдалъ съ дѣтства и различныя формы экономическаго притѣсненія низшаго сословія въ

---

[1]) „Письма Н. В. Гоголя", I, 197, отъ 17 ноября 1831 года.

родѣ пошлины по пяти копѣекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ греблю Ивана Ѳеодоровича Шпоньки, которую взимала его неугомонная тетушка Василиса Кашпаровна; наблюдалъ и то, какъ такая тетушка „била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною рукою“, привыкалъ, наконецъ, къ тому подбору выразительныхъ эпитетовъ, какими надѣляетъ своего дворовaго сосѣдъ Василисы Кашпаровны Григорій Григорьевичъ Сторченко.

Но все это было только невиннымъ литературнымъ отраженіемъ дѣйствительности О настоящихъ же отношеніяхъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ въ той же Полтавской губерніи, къ которой относятся изображенія Гоголя, можно догадываться хотя бы потому, что не напрасно, конечно, князь Н. Г. Репнинъ, бывшій малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1816 по 1835 годъ, т. е., какъ разъ во время дѣтства и юности Гоголя, находилъ необходимымъ призывать помѣщиковъ на дворянскихъ съѣздахъ къ гуманному отношенію къ крестьянамъ: Изыщите,—говорилъ Репнинъ,—способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Черезъ сію единственную мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются. Избавьте правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя и благородное сословіе ваше отъ нареканія“ [1]).

Такія соціальныя отношенія окружали Гоголя въ дѣтствѣ и отрочествѣ; такова среда, въ которой онъ получилъ первыя понятія о людяхъ и жизни.

Въ средѣ Шпонекъ и Сторченокъ не могло быть рѣчи о какомъ-нибудь интересѣ къ народу. Непосредственное вліяніе послѣдняго на подростающее поколѣніе должно было казаться вреднымъ, какъ думалъ объ этомъ впослѣдствіи самъ Гоголь, когда онъ совѣтуетъ матери отдалять отъ сестры „дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила“, потому что общество крѣпостныхъ вырабатываетъ въ дѣтяхъ,

---

[1]) И. Ф. Павловскій: „Полтава въ XIX столѣтіи“, „Кіев. Старина“, 1905, 11—12, стр. 235.

по мнѣнію Гоголя, „дикость“, „глупость и предразсудки“ [1]). Несомнѣнно, что это были мысли не лично Гоголя, а его среды.

Послѣдняя, пожалуй, допускала посмѣяться надъ этими „глупостью и предразсудками“ мужика, который, напримѣръ, собирается травить поросенкомъ зайцевъ, какъ изображено въ комедіи Гоголя отца: „Простакъ“,—къ тому же въ памяти была цѣлая литературная традиція школьныхъ интерлюдій съ такимъ же характеромъ, — но проявленіе живой любознательности поотношенію къ народной жизни должно было представляться забавною затѣею, выраженіемъ странности и ребячества. И потому, собирая изъ Петербурга при посредствѣ матери этнографическій матеріалъ, Гоголь зналъ, какое недоумѣніе встрѣтитъ его интересъ къ народному быту со стороны его тетушекъ и бабушекъ: „На что ему, я думаю, писалъ Гоголь матери,—поговариваетъ Домна Матвѣевна [2]), весь этотъ скарбъ?“—„То-то, онъ еще сызмалу былъ затѣйникъ!“—прибавляетъ Олимпіада Ѳеодоровна [3]). „Они еще вмѣстѣ съ Симономъ, какъ пріѣзжали изъ Нѣжина, то выстругивали какой-то органъ изъ дерева [4]).

Можно положительно говорить о томъ, что въ Нѣжинскій періодъ Гоголь смотрѣлъ на интересъ къ народу глазами окружающихъ.

Въ этомъ убѣждаетъ, понятный въ связи съ другими фактами юношеской жизни Гоголя, его презрительный отзывъ о сочиненіи И. Г. Кулжинскаго: „Малороссійская деревня“. Кулжинскій, провинціальный писатель, дѣятельность котораго обняла почти цѣлое XIX столѣтіе, въ бытность Гоголя ученикомъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко, состоялъ въ послѣдней преподавателемъ. Въ 1827 году онъ издалъ книжку: „Малороссійская деревня“, въ которой дѣлалъ попытку собрать „разбросанныя черты національности“. „Малороссійская деревня“ содержитъ слѣ-

---

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, I, 259, отъ 2 окт. 1833 г.

[2]) Косяровская, бабушка Гоголя.

[3]) Тимченко, сосѣдняя помѣщица.

[4]) „Письма“, I, 197: отъ 1831 г. 17 ноября.

дующія этнографическія статьи: „Весна въ Малороссіи", „Обжинки", „Вечерницы", „Малороссійская свадьба", „О Малороссійской поэзіи", и „Малороссійскія пѣсни". Наряду съ наблюденіями быта и народной поэзіи въ книгѣ Кулжинскаго проходитъ сентиментальная идеализація народа, свойственная русской литературѣ того времени. И эту книжку, являющуюся прямою предшественницей „Вечеровъ" по направленію интересовъ писателя, Гоголь за два года до „Сорочинской ярмарки" назвалъ „литературнымъ уродомъ" [1]).

Чтобы согласить съ послѣдующей литературною дѣятельностью Гоголя этотъ противорѣчащій ей фактъ, одинъ изъ историковъ литературы даетъ ему такое объясненіе: „Гоголь,—говоритъ онъ,—не могъ высоко оцѣнить книжку писателя, пытавшагося соединить новыя этнографическія стремленія, народность и устарѣлую, отжившую чувствительность сентименталиста" [2]). Уже не говоря о томъ, что это объясненіе не вытекаетъ изъ юношескихъ писемъ Гоголя, совершенно не дающихъ матеріала для опредѣленія его литературныхъ взглядовъ,—оно предполагаетъ въ Гоголѣ—студентѣ сознательное теоретическое усвоеніе идеи народности въ литературѣ, чего бездоказательно допустить нельзя. Дѣло объясняется проще. Для Гоголя, выросшаго въ обществѣ Домны Матвѣевны и Олимпіады Ѳеодоровны, самое стремленіе изобразить народную жизнь въ серьезной формѣ, а не въ видѣ какой-либо легкой комедіи, казалось не менѣе странною затѣею, чѣмъ для послѣднихъ позднѣйшіе этнографическіе интересы ихъ родственника.

Идея народности въ литературѣ, которой, по мысли упомянутаго историка литературы, Гоголь „несомнѣнно сочувствовалъ" [3]), какъ бы она ни была отвлечена, все же должна была соединяться съ извѣстнымъ признаніемъ правъ личности за носителемъ народной самобытности—реальнымъ народомъ, изображеніе котораго въ литературѣ давало наиболѣе яркій колоритъ народности. Но Гоголь, какъ опредѣ-

---

[1]) „Письма", I, 65.

[2]) М. Н. Сперанскій: „Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя", стр. 36.

[3]) Тамъ же, стр. 37.

ленно свидѣтельствуютъ его письма къ матери, вынесъ изъ обстановки своего дѣтства приблизительно такія же личныя отношенія къ народу, какія были обычными въ сознаніи окружавшей его помѣщичьей среды [1]). Важно отмѣтить при этомъ, что характеристическіе въ послѣднемъ отношеніи факты мы находимъ въ письмахъ Гоголя, относящихся ко времени послѣ изданія двухъ книжекъ „Вечеровъ на хуторѣ“, въ которыхъ, кромѣ поэтической идеализаціи народа, замѣтна творческая попытка въ сторону художественнаго изображенія отрицательныхъ явленій крѣпостныхъ порядковъ, именно въ разсказѣ: „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“.

Подобно тому, какъ библейскій сиріянинъ Нееманъ, исцѣленный пророкомъ Елисеемъ отъ проказы, говорилъ, что онъ увѣровалъ въ истиннаго Бога, но когда онъ возвратится въ Сирію, и его владыка войдетъ съ нимъ въ храмъ бога Риммона и поклонится въ немъ, то и онъ вмѣстѣ съ владыкою поклонится въ храмѣ Риммона,—подобно этому въ своихъ отношеніяхъ къ народу Гоголь поклонялся богу Риммону. Его творчество рисовало поэтическій образъ народа и намѣчало художественное осужденіе существующихъ соціальныхъ отношеній,—но, когда писатель оставлялъ вершины своего творческаго міра и входилъ въ среду близкихъ ему людей, взростившихъ его, онъ вмѣстѣ съ ними поклонялся Риммону.

Къ этимъ фактамъ присоединяется еще то обстоятельство, что въ письмахъ Гоголя нѣжинскаго періода совершенно не замѣтно какихъ-либо интересовъ юноши къ народной средѣ: ни воспоминаній, ни любознательности, ни особыхъ привязанностей. Только одинъ разъ въ дѣтскомъ письмѣ онъ проситъ родителей не забыть „добраго моего Симона“, двороваго, отпущеннаго въ Нѣжинъ вмѣстѣ съ мальчикомъ [2]).

И, въ противоположность отсутствію интереса къ крестьянской средѣ, Гоголь большую долю вниманія удѣляетъ интересамъ помѣщичьей усадьбы. Юношу Гоголя занимаетъ

---

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, т. I, стр. 226 и 250—251.

[2]) „Письма“, I, 10; отъ 1821 года 14 авг.

мысль покрыть строенія усадьбы черепицею [1]); и намъ изъ разсказа „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“ вспоминается то душевное дѣйствіе, какое могли производить хорошія крыши на полтавскихъ помѣщиковъ; онъ сообщаетъ матери о какой-то удивительной дынѣ, выросшей на баштанѣ ихъ родственника, о чемъ послѣдній въ свою очередь счелъ небходимымъ письменно сообщить Гоголю [2]); его занимаетъ забота о пріисканіи управителя имѣнія [3]); его тревожатъ родственныя, ведущія къ беззастѣнчивому пользованію отношенія къ ихъ имѣнію отца Меркурія [4]); нѣсколько разъ и въ нѣжинскихъ и въ первыхъ петербургскихъ письмахъ Гоголь спрашиваетъ матъ про винокурню: начала ли она работать [5])? сколько будетъ стоить ведро водки? [6]) думаетъ ли она перемѣнить „заторъ?“ [7]). Спрашиваетъ о птичьемъ домикѣ [8]); о вѣтряной мельницѣ [9]); о глинѣ для черепицы [10]); передаетъ о томъ, что „поговариваютъ о плодородіи этого года“ [11]); черезъ два года по отъѣздѣ въ Петербургъ помнитъ, сколько аршинъ длины имѣетъ домъ [12]).

Словомъ, передъ нами заботы и дни помѣщичьей усадьбы...

А въ петербургскихъ письмахъ Гоголя его серьезное вниманіе не разъ будетъ останавливаться на судьбѣ полтавскихъ помѣщиковъ. Въ одномъ письмѣ къ матери Гоголь сѣтуетъ, что послѣдніе „большею частію заражены какимъ-то восточнымъ великолѣпіемъ: держатъ кучу прислуги, покупаютъ продукты, которые весьма можно замѣнить домашними, и дивятся, что не удаются имъ прожекты и новыя предпріятія, когда они, между тѣмъ, не умѣютъ завести по-

---

[1]) „Письма“, I, 51.
[2]) Тамъ же, 48.
[3]) Тамъ же, 67.
[4]) Тамъ же, 1, 106.
[5]) Тамъ же, 1, 40, 47, 81.
[6]) Тамъ же, 1, 47.
[7]) Тамъ же, 1, 81.
[8]) Тамъ же 1, 46.
[9]) Тамъ же 1, 51.
[10]) Тамъ же 1, 51.
[11]) Тамъ же 1, 73.
[12]) Тамъ же 1, 141.

рядка въ своемъ дворѣ и домѣ, не умѣютъ сдѣлать такъ, чтобы расходъ не превышалъ прихода“ [1]). Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву Гоголь говоритъ о бѣдности народа, но указываетъ на нее, не какъ на само за себя говорящее зло, а какъ на фактъ разоренности помѣщичьихъ имѣній, какъ на статью, не дающую дохода: „Народъ бѣденъ, имѣнія разорены, и недоимки неоплатныя... Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль дремлетъ, наконецъ умираетъ, а они рыскаютъ за зайцами“ [2]). И со стороны Гоголя такое осужденіе помѣщиковъ не было безстрастною критикою,— онъ съ трогательнымъ участіемъ смотрѣлъ на паденіе помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ на общее и для него съ ними бѣдствіе и мечталъ объ общей помѣщичьей пользѣ: „Я чрезвычайно любопытенъ знать,—писалъ онъ матери,—состояніе земляковъ нашихъ, которыхъ безпрестанныя разоренія имѣній чрезвычайно трогаютъ меня. Часто на досугѣ раздумываю о средствахъ, какія могутъ найтиться для того, чтобы вывесть ихъ на прямую дорогу, и если современемъ удастся что-нибудь сдѣлать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ“ [3]).

Къ интересамъ помѣщичьей жизни, ко времени окончанія Гоголемъ учебнаго заведенія, присоединяются интересы будущей государственной службы. Что идеалы еще не опредѣлившаго своего призванія Гоголя сложились въ форму представленія о чиновничьей службѣ, о которой въ Нѣжинѣ онъ грезитъ „во снѣ и наяву“ [4]), и къ которой „пламенѣетъ неугасимою ревностью“ [5]),—это вполнѣ понятно изъ характеристики окружавшей его среды. Просматривая списки учениковъ Гимназіи Высшихъ Наукъ [6]), поступившихъ

[1]) „Письма“, I, 176.

[2]) Тамъ же. I, 219.

[3]) Тамъ же. I, 177.

[4]) Тамъ же. I, 58.

[5]) Тамъ же. I, 88.

[6]) Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при Историко-Филолог. Институтѣ кн. Безбородко Гоголевскою Коммиссіею, стр. 315.

въ нее при Гоголѣ, мы видимъ среди нихъ только дѣтей чиновниковъ различныхъ ступеней службы, начиная отъ коллежскаго регистратора и капитенармуса и кончая полковникомъ и тайнымъ совѣтникомъ; но больше здѣсь преобладаютъ мелкіе и средніе чины: коллежскіе секретари, ассессоры, маіоры и пр. Это была среда, не обезпеченная значительнымъ числомъ душъ, и потому не только изъ чести тяготѣвшая къ государственной службѣ.

— Такимъ образомъ, нравственныя отношенія Гоголя къ жизни, ко времени его пріѣзда въ Петербургъ, тѣсно опредѣляются характеромъ служилой помѣщичьей среды, изъ которой онъ вышелъ. Непосредственно изъ этой среды Гоголь вынесъ только одно идеальное увлеченіе, „выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество", это— **любовь** къ природѣ, которой, повидимому, въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовалъ его отецъ: „Можетъ быть,—писалъ Гоголь И. И. Дмитріеву,—нѣтъ въ мірѣ другого, влюбленнаго съ такимъ изступленіемъ въ природу, какъ я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю всѣ движенія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываю въ ней неуловимыхъ прелестей?"[1]) Что же касается интереса Гоголя къ народу въ разсматриваемый періодъ его жизни, то говорить о немъ мы не имѣемъ фактическихъ основаній; наоборотъ, все свидѣтельствуетъ объ обычномъ для того времени помѣщичьемъ отношеніи Гоголя къ низшему классу.

Какимъ же образомъ Гоголь нападаетъ на мысль изобразить народную жизнь въ литературномъ произведеніи? Біографы Гоголя со словъ самого писателя обыкновенно указываютъ на тоскливое душевное состояніе, которое онъ переживалъ въ первое время своей жизни въ Петербургѣ, вдали отъ родины. Не отрицая, что подобная причина могла имѣть свое дѣйствіе, нельзя, однако, считать ее достаточною для объясненія первыхъ послѣ „Ганса Кюхельгартена" шаговъ творчества Гоголя. Настроеніе писателя, само по себѣ, еще не создаетъ формы творчества, причину которой надо искать въ личныхъ и литературныхъ вліяніяхъ. Почему тоска по родинѣ у Гоголя выразилась въ формѣ повѣсти изъ малорусской *простонародной* жизни?

---

[1]) „Письма Н. В. Гоголя", I, 223.

Въ письмахъ къ матери Гоголь сообщаетъ, что въ Петербургѣ „занимаетъ всѣхъ все малороссійское“ [1]). Это свидѣтельство писателя и приводится въ объясненіе того явленія, что Гоголь отъ нѣмецкой романтической поэмы переходитъ къ созданію малороссійскихъ повѣстей. Но это свидѣтельство само нуждается въ объясненіи: кого же, собственно, занимало въ Петербургѣ малороссійское?

Въ русской литературѣ до Гоголя иногда появлялись малозамѣтныя произведенія, содержаніе которыхъ бралось изъ малороссійской жизни, преимущественно повѣсти и романы. Самымъ яркимъ явленіемъ въ этомъ направленіи была дѣятельность В. Т. Нарѣжнаго. Но это малороссійское направленіе въ русской литературѣ не было развито настолько, чтобы можно было говорить о сильномъ увлеченіи въ обществѣ особенностями малороссійской жизни и быта, о которомъ такъ положительно говоритъ Гоголь. Разбросанныя въ небольшомъ сравнительно количествѣ на пространствѣ двадцати съ лишнимъ лѣтъ отъ начала столѣтія малорусскія, а часто псевдо-малорусскія повѣсти не могли создать убѣжденія въ интересѣ общества ко всему малорусскому. Другихъ же формъ, кромѣ литературной, въ которыхъ могло бы сказаться это увлеченіе ко времени Гоголя, мы не знаемъ, да ихъ и не могло быть.

Для рѣшенія вопроса обратимъ вниманіе на то, въ какихъ журналахъ впервые появились малорусскія повѣсти Гоголя. Это были „Отечественныя Записки“ 1830 г. Свиньина, въ февральской и мартовской книжкахъ которыхъ была напечатана повѣсть Гоголя: „Басаврюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, и „Сѣверные цвѣты на 1831 годъ“, альманахъ барона Дельвига, гдѣ появилась „Глава изъ историческаго романа“. Обращеніе Гоголя въ эти два изданія со своими малороссійскими повѣстями не было простою случайностью. Оно зависѣло отъ направленія ихъ руководителей, отражавшагося на самыхъ изданіяхъ.

Напрасно забытый Павелъ Петровичъ Свиньинъ былъ убѣжденнымъ любителемъ и изыскателемъ исторіи, археологіи и этнографіи. Когда онъ служилъ по дипломатической

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, I, 121.

части въ Португаліи и Сѣверной Америкѣ, то, передаетъ его некрологъ, „удаленіе отъ родины, невѣрность извѣстій о Россіи, любопытство иностранцевъ, желавшихъ лучше узнать избавительницу Европы, сознаніе, что мы сами весьма мало знаемъ свое славное отечество... возродили въ немъ желаніе посвятить всю жизнь свою познанію Россіи, ея доблестей, ея мѣстности, памятниковъ, самобытныхъ чертъ ея характеристики“ [1]). Въ 1818 году Свиньинъ издалъ сборникъ „Отечественныя Записки“, которыя съ 1820 года становятся правильнымъ періодическимъ изданіемъ, и продолжалъ его въ теченіе десяти лѣтъ.

Любить отечество велитъ природа, Богъ;
А знать его—вотъ честь, достоинство и долгъ!

Таковъ эпиграфъ на книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“. Сообразно съ этою мыслью Свиньинъ помѣщаетъ на страницахъ своего журнала описанія городовъ и мѣстностей, извѣстія историческія и археологическія и сообщенія о народной жизни и вѣрованіяхъ, не ограничиваясь исключительно областью русскаго племени, но давая мѣсто изображеніямъ быта и вѣры русскихъ инородцевъ, въ формѣ научныхъ статей и художественныхъ разсказовъ.

Не опредѣляя точно факта, явилась ли у Гоголя мысль написать повѣсть, соотвѣтствующую программѣ „Отечественныхъ Записокъ“, раньше личнаго знакомства со Свиньинымъ или уже послѣ встрѣчи съ послѣднимъ,—можно положительно говорить о томъ, что журналъ Свиньина и самъ издатель имѣли на Гоголя вліяніе въ интересующемъ насъ смыслѣ. Въ томъ же февралѣ 1830 года, когда начала печататься въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсть: „Басаврюкъ“, Гоголь въ письмѣ къ матери, вмѣстѣ съ убѣдительными просьбами сообщать свѣдѣнія о нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, просить, „ради Бога“, собирать „древнія монеты и рѣдкости..., стародавнія, старопечатныя книги, другія какія-нибудь вещи антики, а особливо стрѣлы, которыя во множествѣ находимы были въ Полѣ. Я помню,—говоритъ Гоголь,—ихъ цѣлыми горстями доставали... Я хочу прислужиться этимъ одно-

[1]) „Сынъ Отечества“, 1839 годъ, № 5, стр. 78—80.

му вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи" [2]).

Этотъ вельможа былъ Свиньинъ.

Если мы откинемъ послѣднія практическія соображенія Гоголя, то передъ нами останется фактъ, свидѣтельствующій, что Свиньинъ указывалъ Гоголю на явленія народной исторической жизни, какъ на достойныя глубокаго вниманія, интереса къ которымъ не развили въ писателѣ ни среда, ни школа, и такимъ образомъ прояснялъ въ немъ интересъ къ народности.

Авторъ некролога Свиньина въ „Сынѣ Отечества", вѣроятно, самъ редакторъ Н. И. Гречъ, характеризуетъ Свиньина слѣдующими словами: „Всегда былъ онъ готовъ усердно помогать каждому юному дарованію и всему, въ чемъ видѣлъ добро и пользу" [1]). О томъ же говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Кс. Н. Полевой: „Неподдѣльною страстью въ немъ было отыскивать все замѣчательное русское, въ томъ числѣ и русскія дарованія", [2]). Естественно, что, встрѣтивъ молодого писателя—малоросса, Свиньинъ старался повліять на него, о чемъ свидѣтельствуетъ приведенное письмо Гоголя, и, конечно, въ томъ направленіи, какое было ближе всего самому Свиньину—въ направленіи изображенія народной жизни, его вѣрованій и обычаевъ.

Переходя къ альманаху „Сѣверные Цвѣты", мы видимъ еще болѣе тѣсную связь между напечатаніемъ въ нихъ „Отрывка изъ историческаго романа" и самымъ изданіемъ.

„Сѣверные Цвѣты", одинъ изъ лучшихъ альманаховъ въ русской литературѣ 20—30 годовъ, принадлежалъ барону А. А. Дельвигу, и его имя собрало вокругъ изданія, дѣйствительно, цвѣты современной литературы. Но „сынъ лѣни вдохновенной", какъ называетъ Дельвига Пушкинъ, не былъ способенъ къ постоянному труду и черной работѣ, связанной съ изданіемъ альманаха, и потому въ 1827 году приглашаетъ завѣдывать „Сѣверными Цвѣтами" Ореста Михайловича Сомова, профессіональнаго литератора, названнаго за это Баратынскимъ въ посланіи къ Гнѣдичу „безмундирнымъ".

---

[1]) „Письма", I, 146.

[2]) „Сынъ Отечества", 1839 г. № 5, стр. 78—80.

[3]) „Историческій Вѣстникъ", 1887 г. февраль, стр. 284.

Послѣ этого „Сѣверные Цвѣты" всецѣло переходятъ въ руки Сомова, и Дельвигъ освящаетъ ихъ только своимъ именемъ [1]).

Сомовъ былъ горячимъ поборникомъ народности въ литературѣ, что выразилось въ его критическихъ статьяхъ „О романтической поэзіи", стихотвореніяхъ и повѣстяхъ. По своему происхожденію изъ тогдашней Слободско-Украинской губерніи, Сомовъ въ своей литературной дѣятельности былъ не чуждъ малорусскаго романтизма и, живя въ Петербургѣ, излилъ свои чувства въ стихотвореніи: „Тоска по родинѣ":

Мила родина! привѣтный кровъ сельской!
Иль навѣки разлучился я съ тобой?
Иль навѣки я отъ милыхъ отчужденъ?
Нѣжной ласки ихъ не видѣть осужденъ?[2])

Сомовъ писалъ повѣсти, стараясь придавать имъ колоритъ малорусской народной жизни, какъ „Сказки о кладахъ", „Татарскій набѣгъ на Украину" „Недобрый глазъ, малороссійское преданіе" „Гайдамакъ", „Купаловъ вечеръ", „Кіевскія вѣдьмы" и проч. Онъ съ интересомъ замѣчалъ всякія проявленія народныхъ воззрѣній и готовилъ къ изданію цѣлый сборникъ собранныхъ имъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, для котораго было написано уже предисловіе [3]).

На „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" интересъ Сомова къ малорусской народности отразился въ критическихъ статьяхъ послѣдняго, а также, напримѣръ, въ томъ, что въ одной изъ книжекъ альманаха была напечатана пѣсня изъ неизданной тогда „Наталки Полтавки" Котляревскаго [4]).

Прибывъ въ Петербургъ, Гоголь познакомился съ Сомовымъ, надо думать, черезъ другихъ земляковъ—малороссовъ, составлявшихъ въ Петербургѣ цѣлый кружокъ, въ которомъ были также литераторы, какъ Прокоповичъ, Кукольникъ, Гребенка [5]), и Сомовъ принялъ въ молодомъ писателѣ живое участіе.

---

[1]) См. В. Даниловъ: „О. М. Сомовъ, сотрудникъ Дельвига и Пушкина". „Русскій Филологическій Вѣстникъ", 1908 г., №№ 3 и 4.

[2]) С. Н. Брайловскій: „Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ", „Русскій Филологическій Вѣстникъ", 1908 г. № 4. 419.

[3]) Моя статья о Сомовѣ. „Рус. Фил. Вѣст." 1908 г. № 3. 191.

[4]) Тамъ же, 200.

[5]) Шенрокъ: „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя", I, 173.

До сихъ поръ въ біографической Гоголевской литературѣ имя Сомова совершенно не упоминалось. Въ письмахъ Гоголя одинъ только разъ встрѣчается указаніе на Сомова, оставшееся необъясненнымъ. В. И. Шенрокомъ, такъ какъ фамилія писателя употребляется Гоголемъ въ шуточномъ сокращеніи: „На первый день мая,—пишетъ Гоголь своему земляку А. С. Данилевскому,—по обыкновенію шелъ снѣгъ, и даже твой Сомъ не показывался на улицу“ [1]). Что въ данномъ случаѣ Гоголь имѣетъ въ виду именно Сомова, можно говорить потому, что письмо Гоголя относится къ 1831 году, времени близкаго его знакомства съ Сомовымъ. Къ этому же году принадлежатъ всѣ тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно установить отношенія Гоголя и Сомова.

Въ „Обозрѣніи россійской словесности во вторую половину 1829 года и первую 1830 года“, напечатанномъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1831 годъ, Сомовъ даетъ отзывы о двухъ произведеніяхъ Гоголя. Біографы Гоголя обычно указываютъ, что его поэма „Гансъ Кюхельгартенъ“ была встрѣчена критикою исключительно недружелюбно. Но, помимо отзывовъ о „Гансѣ“ Полевого въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“ былъ отзывъ Сомова въ названномъ „Обозрѣніи“, пропущенный Гоголевскими библіографами. Этотъ отзывъ очень доброжелателенъ къ Гоголю и указываетъ, что Сомовъ знаетъ, кому принадлежитъ поэма, хотя Гоголь напечаталъ ее подъ псевдонимомъ: „Осьмнадцатилѣтній,—говоритъ Сомовъ—стихотворецъ написалъ сіи осьмнадцать картинъ, въ которыхъ замѣтны еще молодость воображенія, незрѣлость дарованія относительно къ слогу, языку и стихосложенію, и крайняя безотчетливость въ созданіи; но *въ сочинителѣ виденъ талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта.* Если онъ станетъ прилежнѣе обдумывать свои произведенія, и нестанетъспѣшить изданіемъ ихъ въ свѣтъ тогда, когда они еще должны покориться и укрѣпляться въ силахъ подъ младенческою пеленою, то, конечно, надежды доброжелательной критики не будутъ обмануты“ [2]). Тонъ этого отзыва говоритъ о томъ,

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, I, 178.

[2]) „Сѣверные Цвѣты“ на 1831 г., стр. 77.

что послѣдній написанъ не только „доброжелательнымъ критикомъ, но и доброжелательнымъ знакомымъ автора, который судилъ объ его талантѣ не столько по его произведенію, сколько по личному знакомству. Въ томъ же „Обозрѣніи“ заключается отзывъ Сомова о повѣсти Гоголя: „Басаврюкъ“: „Съ удовольствіемъ отдадимъ справедливость помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ малороссійской повѣсти „Бисаврюкъ“ (сочиненной однимъ молодымъ литераторомъ г-мъ Г. Я); въ ней черты народныя и повѣрія малороссіянъ выведены вѣрно и занимательно“ [1]). Для насъ особенное значеніе пріобрѣтаетъ указаніе Сомова на фамилію автора, такъ какъ „Басаврюкъ“ былъ напечатанъ совсѣмъ безъ подписи Гоголя.

Изъ этихъ двухъ отзывовъ становится яснымъ, что Сомовъ освѣдомленъ о литературной дѣятельности Гоголя и принимаетъ въ послѣдней близкое участіе. Это соображеніе документально подтверждается письмомъ самого Сомова къ историку М. А Максимовичу. Письма Сомова къ Максимовичу [2]), также принадлежавшему къ числу тогдашнихъ „альманашниковъ“, даютъ любопытныя данныя о литературной жизни 20—30-ыхъ годовъ. Между другими литературными новостями Сомовъ сообщаетъ Максимовичу о малоизвѣстномъ еще писателѣ Гоголѣ, но только потому, что послѣдній собираетъ пѣсни, которыми былъ занятъ Максимовичъ: „Я,—пишетъ Сомовъ въ письмѣ отъ 9 ноября 1831 года—познакомилъ бы васъ, хотя заочно, если вы желаете того, съ однимъ очень интереснымъ землякомъ—Пасѣчникомъ Панькомъ Рудымъ, издавшимъ *Вечера на хуторѣ*, т. е Гоголемъ-Яновскимъ, которому дуралей и литературный невѣжда и уродъ Полевой рѣшился сказать: „Вы, сударь, москаль, да еще и горожанинъ“. и пр. и пр. Неправда ли, что Полевой совершенно оправдалъ басню Крылова: *Оселъ и Соловей?* Но въ Лит. Приб. къ Инвалиду нѣкто Никита Луговой [3]) высказываетъ, подъ личиной похвалы, самыя рѣзкія истины Полевому и его свѣдѣнія о Малороссіи выводитъ на

[1]) Тамъ же, стр. 17.

[2]) Въ названной статьѣ о Сомовѣ и въ „Русскомъ Архивѣ“, 1908 г. № 10.

[3]) Это былъ самъ Сомовъ.

чистую воду. — У Гоголя есть много малороссійскихъ пѣсенъ, побасенокъ, сказокъ и пр. и пр., коихъ я еще ни отъ кого не слыхивалъ, и онъ не откажется поступиться пѣснями доброму своему земляку, котораго заочно уважаетъ. Онъ человѣкъ съ отличными дарованіями, и знаетъ Малороссію, какъ пять пальцевъ; въ ней воспитывался, а сюда пріѣхалъ не болѣе, какъ года три тому назадъ. Въ прошлогоднихъ, или лучше, нынѣшнихъ цвѣтахъ былъ его отрывокъ изъ романа; въ Газетѣ [1]) моей было тоже нѣсколько статей его" [2]).

Такимъ образомъ оказывается, что оба редактора, съ которыми встрѣтился Гоголь на первыхъ шагахъ своей литературной дѣятельности,—Свиньинъ и Сомовъ увлечены идеею народности въ литературѣ, при чемъ послѣдній самъ былъ малороссъ. Такое совпаденіе фактовъ, на нашъ взглядъ, не случайно. Вотъ та среда, къ которой, по праву, относилось замѣчаніе Гоголя, что въ Петербургѣ всѣхъ занимаетъ все малорусское, какъ отмѣченное яркимъ колоритомъ народности.

Идя навстрѣчу этимъ интересамъ литературныхъ круговъ, Гоголь обращается къ изображенію малорусской народной жизни. Но, не имѣя въ памяти необходимаго запаса этнографическаго матеріала, онъ долженъ обращаться за помощью къ своей матери, которая, конечно, обладала бо́льшимъ, чѣмъ онъ, знаніемъ народной жизни по своему продолжительному хозяйственному опыту. Письма Гоголя къ матери еще болѣе укрѣпляютъ во мнѣніи, что Гоголь былъ недостаточно знакомъ съ народнымъ бытомъ. Понятно, если онъ проситъ мать сообщить ему „названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ" [3]),—этого Гоголь естественно могъ не знать, при отсутствіи интереса къ старинѣ; но совѣмъ не показываетъ знанія народной жизни просьба сообщить „названія платья, носимаго нашими

[1]) „Литературная Газета".

[2]) Какъ указано, сообщеніе Сомова о Гоголѣ вызвано этнографическими интересами послѣдняго и стоитъ въ тѣсной зависимости отъ предыдущихъ словъ письма: „Прилагаю при семъ давно вами желаемую пѣсню о Богданѣ Хмельницкомъ. Да читали-ль вы Украинскій Альманахъ? Тамъ есть нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ...".

[3]) „Письма Н. В. Гоголя", т. I., 119.

крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками“ [1]). Особенно нетрудно было знать названіе мужского костюма при его несложности. Точно также и въ области духовной культуры народа Гоголь обнаруживаетъ большую неосвѣдомленность, на что указываетъ, напримѣръ, условная форма слѣдующей просьбы Гоголя: „Если есть какіе-либо духи или домовые,—пишетъ онъ матери,—то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами“ [2]). Но, конечно, живя въ деревнѣ, Гоголь не могъ совершенно никогда не наблюдать народной жизни. Однако, онъ не вникалъ въ нее, не сливался съ нею и оставался въ сторонѣ стоящимъ поверхностнымъ наблюдателемъ. Характеръ такого наблюденія носитъ воспоминаніе Гоголя о свадьбѣ, ритуалъ которой случайно или неслучайно заинтересовалъ какъ-то миргородскихъ помѣщиковъ: „Еще обстоятельнѣе,—пишетъ Гоголь матери,—описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно распросить Демьяна (кажется, такъ его зовутъ; прозванія не вспомню), котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ, и который зналъ, повидимому, всѣвозможныя повѣрья и обычаи“ [3]). Слѣдуетъ отмѣтить это искусственное выраженіе: „учредитель свадебъ“, вмѣсто простого народнаго выраженія: „старшій боярынъ“, какъ, несомнѣнно, сказалъ бы самъ Гоголь, если бы замѣтилъ это народное названіе.

Вслѣдствіе того же незнакомства Гоголя съ бытовою стороною народной жизни, его творчество въ „Вечерахъ на хуторѣ“ стояло въ тѣсной зависимости отъ полученнаго изъ дому матеріала. Такъ, въ письмѣ къ матери Гоголь проситъ ее „узнать о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: у Панфиля, какъ играть, и въ чемъ состоитъ онъ? Равнымъ образомъ, что за игра Пашокъ, семь листовъ? изъ хороводныхъ: въ хрещика, въ журавля?“ [4]). Но одни изъ требуемыхъ свѣдѣній не были ему присланы, другія были очень кратки. Въ „Книгѣ всякой всячины или подручной энциклопедіи“, куда Гоголь заносилъ присылаемыя ему съ родины

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, т. I, 119.
[2]) Тамъ же. т. I, 120.
[3]) Тамъ же. т. I, 119.
[4]) Тамъ же, I, 123.

сообщенія, есть описанія игръ у Панфиля, хрещика и журавля, только слишкомъ незначительныя, и Гоголь не могъ живо воспроизвести ихъ въ задуманной повѣсти. Но тамъ же находится подробное описаніе игры въ ворона, выписанное Гоголемъ изъ письма, какъ отмѣчаетъ самъ онъ, и эту игру Гоголь изображаетъ въ „Майской ночи“ [1]).

Если же Сомовъ выражается о Гоголѣ, что онъ знаетъ Малороссію, „какъ пять пальцевъ“, то это замѣчаніе относится уже къ тому времени, когда Гоголь получилъ отъ родныхъ достаточно этнографическаго матеріала, и, кромѣ того, оно неудивительно въ устахъ постояннаго петербуржца Сомова, давно уже оставившаго родину.

Помимо пользованія живымъ матеріаломъ народной поэзіи, доставлявшимся Гоголю родными, онъ могъ почерпать свои народно-бытовыя свѣдѣнія и ихъ освѣщеніе изъ сочиненій предшествующихъ писателей. Такъ, сравненіе мыслей Гоголя о народномъ бытѣ и пѣсняхъ съ книжкою Кулжинскаго: „Малороссійская деревня“ [2]) и „Записками о Малороссіи“ Марковича [3]), бывшими при Гоголѣ единственнымъ этнографическимъ сочиненіемъ, посвященнымъ Малороссіи, обнаруживаетъ близость мыслей Гоголя къ названнымъ трудамъ.

Не только побужденіе Гоголя къ творчеству въ направленіи народности исходило отъ представителей современнаго народнаго теченія въ литературѣ, но и самыя особенности творчества Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ“ восходятъ къ ихъ литературной школѣ. Русская повѣствовательная литература до-Гоголевскаго періода, отличается слѣдующимъ художественнымъ недостаткомъ. Въ ней нѣтъ той индивидуализаціи героевъ, которая сообщаетъ изображаемымъ лицамъ жизнь и движеніе. Мы слышимъ часто чьи-то рѣчи, но не видимъ, кто говоритъ ихъ. Въ лучшемъ

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, I, 123; примѣчаніе Н. В. Шенрока.

[2]) М. Н. Сперанскій: „Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя. И. Г. Кулжинскій“, отдѣльный оттискъ.

[3]) Моя статья: „Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности“, „Украина“, 1907 г., октябрь. Здѣсь сравненіе съ книгою Марковича.

случаѣ передъ нами схемы типовъ, лишенныя плоти и крови живого человѣка. Только Нарѣжный нѣсколько приблизился къ пріемамъ реалистическаго творчества и прибѣгаетъ къ индивидуализаціи своихъ героевъ [1]).

Гоголь въ „Вечерахъ на хуторѣ“ по манерѣ изображать дѣйствующихъ лицъ разсказа очень близокъ къ старой литературной школѣ. Отсутствіе живыхъ наблюденій народной жизни и глубокаго ея знанія не позволяло Гоголю вступить на путь полнаго художественнаго реализма въ повѣстяхъ, описывающихъ простонародную среду. Онъ можетъ вступить на этотъ путь, когда говоритъ въ повѣсти: „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ о предметѣ, совершенно ему извѣстномъ—помѣщичьей жизни.

Но въ изображеніи народа Гоголь удерживаетъ старую манеру, и потому народные типы „Вечеровъ на хуторѣ“ схематичны, не индивидуальны. Нельзя Плюшкина замѣнить Собакевичемъ, но замѣнить Параску Пидоркой или Ганну Оксаной можно. И это объясняется не тѣмъ, что въ народной средѣ нельзя было различить индивидуальной психологіи,—вѣдь у Тургенева крестьянскіе типы не похожи одинъ на другой,—у Гоголя это вытекало изъ его отношеній къ народной жизни, воспитанныхъ помѣщичьею средою: онъ не вникалъ въ народный бытъ, не присматривался близко къ жизни народа, не изучалъ его въ лицѣ отдѣльныхъ представителей.

Но не давъ героямъ „Вечеровъ“ индивидуальной жизни, Гоголь далъ имъ жизнь коллективную. По пѣснямъ, полученнымъ отъ родныхъ, и по воспоминаніямъ о пережитыхъ восторгахъ по поводу природы Гоголь возсоздаетъ поэтическій духъ малорусской жизни и природы и сообщаетъ его всѣмъ своимъ героямъ и героинямъ. Всѣ они—коллективные поэтическіе образы, созданные народною малорусскою лирикою, гдѣ мы такъ же, какъ въ повѣстяхъ Гоголя, видимъ все одни и тѣ же лица дѣвушки и парубка, въ тоскѣ или въ радости.

---

[1]) По этому вопросу моя статья: „Земляки и предтеча Гоголя“ (о Нарѣжномъ), „Кіевская старина“, 1906 г. мартъ—апрѣль.

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ это народная малорусская пѣсня, переложенная въ повѣсть; и часто самыя художественныя излишества ихъ объясняются близостью къ народной поэзіи.—„Когда читаешь,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь повѣсти Гоголя,—про дочку Коржа, какъ „ея щеки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьей росою,—горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; какъ брови ея, словно черные шнурочки, ровно нагнувшись, какъ будто глядятся въ ясныя очи, какъ ротикъ ея, кажись, на то и созданъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни, какъ волосы ея черны, какъ крылья ворона, и мягки, какъ молодой ленъ“—то такому портрету не вѣришь... Эти деревенскія красавицы,—продолжаетъ далѣе изслѣдователь,—не хрупки, не блѣдны, не воздушны, какъ дѣвы тогдашней романтики; онѣ не разсѣиваются въ туманѣ,... но онѣ все-таки сродни своимъ блѣднымъ сестрамъ, онѣ также съ реальной жизнью имѣютъ мало общаго...“ [1]). Но какъ ни кажется идеализованною Гоголемъ красота Парасекъ и Пидорокъ, эта идеализація внушена народною поэзіею. Въ одной изъ пѣсенъ, помѣщенной въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край“ красота дѣвушки описывается такъ же ярко и красочно, какъ у Гоголя: „Она такая красивая, какъ роза; такая стройная, какъ тополь; и такой у нея яркій румянецъ, что затмеваетъ собою всѣ цвѣты; зубы у нея, какъ чистые перлы; очи милыя и большія; а тѣло бѣлое, какъ снѣгъ,—посмотрѣть не нее пріятно“ [2]).

Поэтому, не считая, что малорусскія повѣсти Гоголя вполнѣ художественно реальны, надо все же признать, что

---

[1]) Н. Котляревскій: „Н. В. Гоголь“, стр. 110—111.

[2]) Томъ V, стр. 38, № 90:

Така красна—коби рожа,
Якъ тополя, така гожа,
А въ румъяню така сила,
Що всі цвіти погасила
Зуби, коби перли чисти,
Очи мили і вочкісти,
А все тіло, якъ снігъ, біле,—
Ажъ глянути на ню мило.

онѣ соотвѣтствуютъ поэтическимъ представленіямъ, созданнымъ реальною народною жизнью, и съ этой стороны народны. Именно въ этомъ пунктѣ заключалась ошибка П. А. Кулиша, выступившаго въ 1861 году съ рѣзкою критикою „Вечеровъ на хуторѣ". Кулишъ, самъ признавши, что „въ украинскихъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсенъ" [1]), указывалъ на отсутствіе въ нихъ обиходнаго реализма, какъ на недостатокъ. Съ этой точки зрѣнія критикъ не желалъ признавать ни лицъ, ни природы, изображенныхъ Гоголемъ, малорусскими. Но они таковы по своему народно-поэтическому духу. Они говорятъ сами за свою народность; и потому, когда тотъ же Кулишъ изъ національно-романтическаго увлеченія, на подобіе Срезневскаго и Сахарова, распространяетъ народную пѣсню собственнымъ описаніемъ бури на Днѣпрѣ, онъ, посмѣявшійся надъ описаніемъ Днѣпра въ „Страшной мести", вольно или невольно припоминаетъ послѣднее и его ритмъ: „Когда будетъ по Днѣпру ходить туча, старый Днѣпръ волновать дождемъ, тогда меня, моя милая, ждать—поджидать! Когда будетъ по небу громъ гремѣть, и молніями забрасывать небо,—тогда меня, моя милая, ждать—поджидать!" [2]).

Въ подтвержденіе соотвѣтствія между поэтическою дѣйствительностью Малороссіи и отраженіемъ ея въ „Вечерахъ на хуторѣ" сошлемся на впечатлѣнія И. С. Аксакова, живо воспринимавшаго явленія природы, извѣстныя описанія которой въ его поэмѣ: „Бродяга" стали классическими. При проѣздѣ въ 1848 году черезъ Малороссію, Аксаковъ говоритъ въ письмѣ къ роднымъ: „Малороссія пропзвела на меня пріятное впечатлѣніе. Вездѣ такъ и торчитъ Гоголь съ своими „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки". Тутъ только

---

[1]) „Основа", 1861, май.

[2]) Чубинскій: „Труды стат.—этн. экспедиціи въ Зап.-рус. край", т. V, стр. 880, № 442:

Якъ стане по Дніпру хмара похожати,
Старый Дніпръ, дощемъ полоскати,
Тоді мене, моя мила, ждати—піджидати!
Якъ стане по небу грімъ грімошати,
Та стане блискавками небо засипати,
Тоді мене, моя мила, ждати піджидати!

вы почувствуете все достоинство, всю вѣрность этихъ описаній, этой не столько внѣшней, сколько внутренней характеристики Малороссіи, вполнѣ передающей вамъ и внѣшнюю физіономію“ [2]).

Намѣчая возможныя причины, повліявшія на характеръ и форму „Вечеровъ на хуторѣ“, надо быть, однако, далекимъ отъ мысли отождествлять форму и характеръ ихъ съ тою силою и неограниченною мощью поэзіи, которою они отмѣчены. Почему Гоголь, не будучи самъ проникнутъ интересами народной жизни и слѣдовавшій въ изображеніи народа блѣднымъ пріемамъ старой литературной школы, создаетъ героевъ, съ которыми читатель тоскуетъ одною тоскою и радуется одною радостью, вмѣстѣ съ ними, кажется, боится мертвецовъ, вѣдьмъ и колдуновъ,—причина всего этого лежитъ внѣ формы и характера самаго произведенія. Какъ испытатель природы, изслѣдуя явленія органической жизни, ведетъ свое изученіе внѣ плоскости вопроса объ абсолютной сущности жизни,—такъ изслѣдователь литературныхъ явленій, опредѣляя формы и характеръ произведеній поэзіи, не можетъ подойти къ строго-научному опредѣленію ихъ сущности—силы творчества, но только чувствовать.

---

[2]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. II, стр. 12.

Нравственно-общественные идеалы Гоголя.

Рѣчь Х. П. Ящуржинскаго.

Главная сила Гоголя въ сатирѣ: онъ выставилъ неприглядныя общественныя явленія въ такой яркой картинѣ, что вся мыслящая Русь содрогнулась.

„Обо мнѣ много толковали, говоритъ Гоголь въ „Перепискѣ съ друзьми", разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣли. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей" („Выбранн. мѣста изъ перепр. съ друзьями", т. IV, 4-е изд., 645).

Но вся эта поразительная сила смѣха направлена была на дѣйствительность во имя идеала. Этотъ идеалъ ясно выступаетъ передъ нами, какъ противовѣсъ Сквозникамъ-Дмухановскимъ, Хлестаковымъ, Манилловымъ, Собакевичамъ и прочей братіи, а затѣмъ и точно рисуется предъ нами въ пролѣтныхъ женскихъ типахъ изъ малорусской жизни и въ величавой фигурѣ Тараса Бульбу и его сыновей.

Вопросъ объ идеалахъ Гоголя — это важный вопросъ созданія поэмы „Мертвыя души", вопросъ, въ сущности, всей его писательской дѣятельности и, главнымъ образомъ это единственная цѣль душевнаго и литературнаго подвига послѣднихъ лѣтъ его жизни.

По плану Гоголя его знаменитая поэма должна была напоминать „Божественную Комедію“ Данте. Она, въ соотвѣтствіе великому образцу, должна имѣть 3 части: первая часть изображала мелочь и пошлость нашей жизни; во-второй части есть проблески свѣтлыхъ личностей, и, наконецъ, въ 3-ей части долженъ былъ блеснуть, подобно молніи, истинный свѣтъ всего прекраснаго, чѣмъ богатъ русскій духъ.

Всѣхъ поразила мрачная сторона 1-го тома „Мертвыхъ душъ“; писатель счелъ нужнымъ разоблачить дальнѣйшій планъ своей поэмы: „Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія, и мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ! подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ“ (Соч. Гог. III т., 4-е изд. 233).

Второй томъ „Мертвыхъ душъ“, къ великому горю нашей литературы, явился въ неоконченномъ, необработанномъ видѣ; но здѣсь уже сразу ясна тенденція Гоголя: „Зачѣмъ же изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенства нашей жизни?“ говоритъ онъ въ самомъ началѣ. Среди пошлыхъ и безразличныхъ людей здѣсь выступаютъ и идеальныя личности; таковъ начальникъ учебнаго заведенія, гдѣ учился Тентетниковъ. „Идолъ юношей“, такъ характеризуетъ его Гоголь, „диво-воспитатель, несравненный Александръ Петровичъ одаренъ былъ чутьемъ слышать природу человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать ихъ!“ (III-й т., 268).

Костанжогло и Платоновъ дѣйствующіе по простотѣ, безъ хитрыхъ затѣй, образцовые хозяева-помѣщики. Также въ другихъ сословіяхъ,—въ купцѣ Муразовѣ и генералъ губернаторѣ Гоголь рисуетъ качества, которыя ему казались образцовыми. Сдѣлана попытка представить и идеальную дѣвицу въ лицѣ Улиньки.

Идеальныя стороны русской жизни, обрисованныя во 2 томѣ „Мертвыхъ Душъ“, не всѣхъ удовлетворили; но въ этомъ вина писателя только отчасти. Надобно помнить, что во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ мы имѣемъ типы, которыхъ не коснулся послѣдній ударъ рѣзца знаменитаго художника, да и самъ Гоголь былъ ими недоволенъ, результатомъ чего и совершилось безпримѣрное въ лѣтописяхъ литературы сожженіе уже готоваго знаменитаго произведенія. Вина здѣсь главнымъ образомъ, исторіи здороваго развитія всякаго культурнаго общества. Мы уже переросли идеалы Гоголя, какъ переросли идеалы другихъ знаменитыхъ писателей, бывшихъ послѣ Гоголя.

По плану Гоголя, въ 3-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ „грозная вьюга вдохновенія подымается изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...“ (соч. Гог., III т., 138).

По предначертанію писателя, темные дѣятели перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ преображаются и употребляютъ на добро данную имъ энергію. На это существуютъ нѣкоторыя указанія; Гоголь въ одномъ мѣстѣ пишетъ: „О если бы ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, когда доберусь до 3-го тома „Мертвыхъ Душъ“. Даже Чичиковъ долженъ былъ явиться просвѣтленнымъ. Въ концѣ 1-го тома „Мертвыхъ душъ“ Гоголь даетъ такое обѣщаніе: „И, можетъ быть, въ семъ же Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ“ (соч. Гог. III, 255).

„Переписка съ друзьями“, надѣлавшая столько шума и недостаточно оцѣненная еще доселѣ, есть собственно зеркало души Гоголя; это, въ большинствѣ случаевъ, та лабораторія, въ которой вырабатывались идеалы Гоголя. Многое, что говорится въ „Перепискѣ“, почти цѣликомъ вошло во 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“. Многое, на основаніи этой книги, казалось измѣной въ Гоголѣ прежнему направленію его литературной дѣятельности; но никакой измѣны здѣсь нѣтъ: Гоголь остается цѣльной натурой отъ начала до трагическаго конца своей литературной дѣятельности.

„Я не совращался съ своего пути, говоритъ онъ, я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня былъ одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ—жизнь, а не что другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми, —и я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого одного я могъ только узнать полнѣе душу“ („Гог.“ IV, 802, 803).

По свойству своей природы Гоголь могъ претворить въ художественные образы только то, что наблюдалъ „до послѣднихъ мѣлочей, до послѣдней булавки“ (IV, 811), или что перечувствовалъ въ душѣ своей, вотъ почему онъ сталъ перечитывать „книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка“, а затѣмъ пожелалъ и самъ воплотить въ себѣ идеалъ совершенства (IV, 800). „Я не считалъ ни для кого соблазнительнымъ открыть публично, что я стараюсь быть лучшимъ, чѣмъ я есмь. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и сгорать явно, въ виду всѣхъ, желаньемъ совершенства, если сходилъ за тѣмъ Сынъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (IV, 801).

Писатель стремился выставить всѣ высшія свойства русской природы, чтобы предсталъ весь русскій человѣкъ со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю (IV, 799).

Предпринявши духовный подвигъ для служенія землѣ своей, Гоголь свято относился къ слову. Страдая, по его словамъ, болѣзнями собственнаго несовершенства, онъ такъ трогательно обращается къ намъ: „Соотечественники! страшно... замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которымъ пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизнь, не подозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся...“ (IV, 565).

Вотъ какъ полагалъ Гоголь, можно приблизиться къ идеалу писателя. „Если онъ, при всѣхъ великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлинной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, пріобрѣтетъ полное познаніе земли своей и своего народа въ корнѣ и вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и какъ кремень станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкою скалою человѣку, тогда онъ выступай на поприще“ („Гог.“ IV, 814).

Предъ самой смертью своей (2 февраля 1852 г.), онъ пишетъ Жуковскому: „Помолитесь обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и чтобы я хоть сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной“.

Такъ рисуется передъ Гоголемъ идеалъ гражданина и писателя земли своей; но передъ нами ярко выступаетъ еще послѣдній идеалъ его—Россія. „Тому, кто пожелаетъ честно служить Россіи, говоритъ онъ, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила всѣ другія чувства“ (IV, 798). При созерцаніи Россіи „неестественной властью освѣтились очи мои... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..“ (III, 231). „Да развѣ есть такая сила, которая пересилила бы русскую силу!“ такъ заканчиваетъ писатель величавую эпопею свою „Тарасъ Бульба“. „Мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда несешься ты? дай отвѣтъ? (III, 260).

Все величіе родины соединяло Гоголя съ нею неразрывнымъ чувствомъ и дало поводъ въ знаменательномъ порывѣ воскликнуть: „Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая постижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?“ („Гог.“ III, 231).

Этотъ торжественный моментъ повторился сейчасъ, когда все мыслящее въ Россіи устремило полные восторга очи на писателя—свою славу, который силой своихъ образовъ произнесъ ему могучее слово „впередъ“ къ нравственному совершенству и красотѣ небесной!

Оглавленіе.

1) Предисловіе 1
2) Проф. Богословія протоіерей А. М. Клитинъ. Слово предъ панихидою 20 Марта 1909 г. 7
3) Проф. В. Н. Мочульскій. Что завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ 13
4) Проф. С. Г. Вилинскій. Н. В. Гоголь въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія 24
5) Пр.-доц. В. Ѳ. Лазурскій. Великій меланхоликъ . 37
6) Проф. С. Г. Вилинскій. Гоголь и русская литература 48
7) С. П. Шелухинъ. Гоголь и малорусское общество 59
8) В. В. Даниловъ. Вліяніе бытовой и литературной среды на „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ 99
9) Х. П. Ящуржинскій. Нравственно-общественные идеалы Гоголя 121

Цѣна 85 коп.